

М. В. Лебедев

СТАБИЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ

- 1.1. Развитие методологии теорий языка
  - 1.1.1 Основания выделения языка в объект теоретического исследования
  - 1.1.2 Смена доминирующих направлений в лингвистике
    - a) Логическое направление
    - b) Сравнительно-историческое направление
    - c) Структурное направление
    - d) Конструктивное направление
- 1.2 Основные черты специальной (лингвистической) абстракции языка
  - 1.2.1 Двойственность природы языка
  - 1.2.2 Системность языка
  - 1.2.3 Статическое и динамическое представление языка
- 1.3 Языковой знак в различных видах теорий
  - 1.3.1 Наиболее общие характеристики знака
  - 1.3.2 Структура знака при рассмотрении языка как статической знаковой системы
  - 1.3.3 Структура знака при рассмотрении языка как динамической знаковой системы
  - 1.3.4 Знак в естественных и формальных языках
- 1.4 Постановка проблемы произвольности знака как проблемы соотношения его стабилизаторов
  - 1.4.1 Произвольность языкового знака как стабильность его употребления
  - 1.4.2 Факторы стабильности значения

ГЛАВА 2. ЯЗЫКОВАЯ КОНВЕНЦИЯ

- 2.1 Общая характеристика конвенции
  - 2.1.1 Моделирование конвенции
  - 2.1.2 Конвенциональность в условии-истинностных концепциях значения
- 2.2 Аналитико-синтетическая дистинкция
  - 2.2.1 Конвенциональность как аналитическая истинность
  - 2.2.2 Идентификация в референциально непрозрачных контекстах
- 2.3 Дистинкция "содержание мира vs. концептуальная схема"
  - 2.3.1 Эпистемологические основания концепции лингвистической относительности Сепира — Уорфа
  - 2.3.2 Конвенциональность грамматики
  - 2.3.3 Конвенциональность лексики
- 2.4 Конвенциональность значения как относительность истинности
  - 2.4.1 Согласование концептуальных схем

ГЛАВА 3. УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ЗНАКОМ И ЕГО РЕФЕРЕНТОМ

- 3.1 Концептуальные средства расширенных теорий референции как динамические категории
  - 3.1.1 Идентифицирующие дескрипции
  - 3.1.2 Жесткие десигнаторы
  - 3.1.3 Индексикалы
- 3.2 Методологии анализа обстоятельств употребления знака
  - 3.2.1 Внутренняя реконструкция и внешнее сравнение языковых явлений
  - 3.2.2 Правильность интерпретации и критерии адекватности
  - 3.2.3 Стабилизаторы значения в конструктивных моделях языка

Заключение

ВВЕДЕНИЕ

Проблема, философскому анализу которой посвящено настоящее исследование, была сформулирована, например, Ю. С. Степановым в связи с обсуждением "фактически действующих в современной лингвистике постулатов". Под последними автор понимал регулятивы, устанавливаемые при анализе современных исследовательских программ в лингвистике и опирающиеся на конкретный лингвистический материал. Описываемые специальными лингвистическими теориями (лингвистической географией и сравнительно-историческим языкознанием) языковые факты позволили Ю. С. Степанову сделать вывод о *непроизвольности* природы языкового знака:

То, что связь между означающим и означаемым как двумя сторонами знака не является произвольной, было хорошо показано ... и в настоящее время не вызывает ни у кого сомнений. Более существенно показать, что языковой знак не произволен и в другом отношении — как целое (состоящее из означающего и означаемого) в его отношении к объективному миру.¹

Это означает для нас следующее:

- i) языковой знак имеет внутреннюю структуру (состоит из означающего и означаемого), элементы которой находятся в некотором отношении друг к другу;
- ii) произвольность этого отношения ограничена;
- iii) языковой знак состоит в некотором отношении к предмету внешнего языка мира;
- iv) произвольность этого отношения также ограничена.

Первоначально вопрос, на который указал Ю. С. Степанов, может быть поставлен так:

Какие факторы могут ограничивать произвольность (iv)?

На первый взгляд, попытка ответа на этот вопрос сводится к традиционному спору между "натуралистами" и "конвенционалистами", восходящему еще к диалогу Платона "Кратил".

Натуралист Кратил утверждает, что в словах отражается "естественное сходство" между формой слова и изображаемой им вещью; возражающий ему конвенционалист Гермоген, напротив, говорит, что "какое имя кто чему-либо установил, такое и будет правильным"². Аргументация Сократа в пользу натуралистов интересна, в частности, тем, что отправляется от тезиса об "инструментальности" языка: "имя есть некое орудие... распределения сущностей, как, скажем, челнок — орудие распределения нити"³. Поскольку язык является

¹ Степанов Ю.С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. С. 304.

² Платон. Кратил. — Сочинения. Т. 1. М., 1968. С. 416.

³ Там же. С. 422.

инструментом, а имена служат для различения вещей, которые они обозначают, то они не могут не отражать природу самих вещей.

Отыскав для каждого дела орудие, назначенное ему от природы, человек должен и тому, из чего он создает изделие, придать не какой угодно [образ], но такой, какой назначен природой⁴.

Из положений о том, что язык является инструментом, и о том, что любой инструмент должен отражать природу материала, с которым он работает (как челнок должен быть челноком, а не чем-то иным, чтобы разделять нити пряжи), следует, что знаки языка отражают природу обозначаемых ими предметов, и, таким образом, произвольность обозначения ограничивается самой природой обозначаемых вещей.

Наименование вещей должно производиться законодателем-номотетом, который "должен уметь воплощать в звуках и словах имя, причем то самое, какое в каждом случае назначено от природы"⁵: так же, как вещь отражает свою идею, имя вещи отражает ее идеальное название. Аргументация Сократа обнаруживает свою слабость там, где требуется пойти дальше и установить критерии правильности действий законодателя: критерии "естественности" имен. Основания, полагаемые Сократом для определения естественности (природной детерминированности) имен, носят сенсорный характер: одни имена воспроизводят предмет по звуку, издаваемому им в реальной жизни, другие — по его визуальной стороне и т.д. В ответ на резонное возражение оппонентов о том, что множество имен совершенно не напоминают (т.е. никак не воспроизводят на сенсорном уровне) обозначаемые ими предметы, Сократ ссылается на особенности употребления: иностранное происхождение имен либо на их изменение в процессе употребления, что затрудняет выяснение связи между ними и обозначаемыми предметами. Но без анализа природы значения — и, далее, без рассмотрения степени обусловленности этой природы — не обойтись:

Ты ведь не хочешь, чтобы ... мы ... отделались от нашего предмета, сказав, что первые имена установили боги и потому они правильны... Ведь все это было бы лазейкой...⁶

"Естественность" имен предстает результатом огромных усилий лучших умов, направленных на поиски соответствий между лингвистическим инструментарием и обозначаемыми объектами и их идеальными формами. Отягощенный материальным образом знак оказывается не тем же самым, что замещаема вещь; на первый план выступает тогда с в я з ь между ними. Поэтому вопрос, вероятно, может быть поставлен и так:

Каким образом связаны между собой (не)произвольности (ii) и (iv)?

или:

Каковы связи между ограничивающими их факторами?

Отношение (iii) — т.е. собственно отношение обозначения — широко описано в философской литературе с помощью теорий референции⁷. Источником значения в таких теориях традиционно признается конвенция, фактически действующая между членами языкового сообщества. Попытки связать понятие конвенции с конкретным языковым материалом делались при обсуждении гипотезы Сепира — Уорфа. Вместе с тем такие

---

⁴ Там же. С. 423.

⁵ Там же. С. 424.

⁶ Там же. С. 471.

⁷ Разумеется, аналитические теории являются не единственным видом философских теорий, заключающих об отношении обозначения, но, поскольку отправной точкой исследования выбран элемент методологии научной дисциплины, то корректнее будет, как представляется, придерживаться сциентистски ориентированного способа философствования.

каузальные теории референции, как подход Крипке — Патнэма, существенно расширяют пределы конвенции, моделируя событие ее заключения ("церемония первого крещения", "предъявление образца"). Конструктивные модели языка идут еще дальше, помещая в центр своего внимания даже не факт, а процесс установления связи между знаком и его референтом и полагая этот процесс интендированием, или конституированием. В этом смысле Н. Гудмен говорит, например, что мы "делаем" звезды, используя язык со словом "звезда" и таким образом "делая" звезды релевантными для нашей языковой системы единицами⁸. Н. Хомским была предпринята попытка реализовать в специальной лингвистической теории конструктивные методологические принципы, почерпнутые у Куайна и Гудмена. В свою очередь, трансформационная грамматика Хомского породила целое конструктивное направление в лингвистике; еще более, вероятно, последовательно эта методология реализуется в процессуальной семантике, возникающей на стыке лингвистики и когнитивной науки.

Таким образом, соотнесение детерминант (ii) и (iv) прослеживается в современных исследованиях языка. Тем более важным представляется прояснение характера таких соотношений, построение типологии таких детерминант. В самом деле, между детерминантами (ii) и (iv) существует некая общность уже хотя бы в силу того, что к ним может быть поставлен сущностный общий вопрос — например, такой:

какие факторы обеспечивают неизменность употребления языковых знаков в одном и том же значении?

Действительно, откуда я могу знать, что в следующий раз, когда я произнесу слово "снег", мой собеседник будет знать, что я имею в виду мелкие кристаллы H_2O ? Что обеспечивает мою уверенность (belief) в этом? В силу чего у нас есть основания полагать, что в следующий раз, когда мы произнесем то или иное слово, оно будет обозначать свой предмет тем же способом, что и в прошлый раз?

Возможны минимум два общих ответа:

1. Так говорят все. И я, и другие люди много раз употребляли слово "снег" для обозначения мелких кристаллов H_2O , и отсюда я делаю вывод, что так будет и дальше.
2. Слово "снег" означает в русском языке мелкие кристаллы H_2O .

Оба ответа адекватны, но используют разные представления о том, что такое язык.

Ответ (1) использует представления об употреблении языковых выражений, свойственные обыденному мышлению. Можно сказать, в первом приближении, что "логический анализ" подобным образом представляемой абстракции "обыденного языка" и является методологической предпосылкой аналитических теорий значения.

Ответ (2) использует представления о значении языковых выражений, апеллирующие к некоторым специальным знаниям о языке как об особом роде систем и о русском языке, в частности, как об одном из видов таких систем. Подобная абстракция языка характерна для специальных теорий языка, развиваемых в последние два столетия в рамках самостоятельной науки — лингвистики.

В то же время эти два подхода даже на уровне абстракций трудно рассматривать как изолированные. В том или ином объеме лингвистические знания входят в любое школьное образование, и в этом качестве не могут не фиксироваться в обыденном сознании. С другой стороны, от Платона до Гумбольдта теории языка не разделялись на философию языка и лингвистику. С классической древности до конца XVIII в. лингвистика не была отделена от логики и ее предметом (как части тогдашней логики и философии) считались единые общечеловеческие способы выражения мысли. Обособление лингвистики произошло в XIX в. и связано с выработкой эволюционного взгляда на язык, позволившего идентифицировать предмет лингвистики — различные языки в их истории — как самостоятельный предмет, отличный от предмета любой другой науки.

Поэтому для ответа на интересующий нас вопрос — каким образом мы можем уверенно

---

⁸ Goodman N. On starmaking. — Synthese, 45 (1980). Pp. 211-215.

употреблять языковые знаки в одном и том же присущем им значении — может быть целесообразно исходить из таких представлений о языке, которые учитывали бы данные специальных языковедческих дисциплин. Нельзя сказать, что такой подход чужд современной аналитической философии языка; тем не менее связи между лингвистикой и аналитикой выявлены еще далеко не в полном объеме. Сделать шаг в этом направлении — вторая, неотделимая от первой, задача настоящего исследования.

1. ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК КАК ОБЪЕКТ ТЕОРИИ

1.1 РАЗВИТИЕ МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРИЙ ЯЗЫКА

1.1.1 ОСНОВАНИЯ ВЫДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКА В ОБЪЕКТ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Для уяснения специфики знака естественного языка как объекта теоретического исследования необходимо уточнить особенности представлений о разворачивании знаков в речи, обуславливающие методику получения единиц анализа, т.е. процедуру выделения предмета и объекта исследования в теориях языка.

Каждая наука имеет свою область исследования — тот или иной фрагмент или аспект реального (внешнего по отношению к его описанию) мира, который избирается в качестве объекта данной науки. Однако отдельные науки и их отдельные подразделения разграничиваются не только по объекту, но и по тому, с какой точки зрения, в каком аспекте и с какой целью они его рассматривают и изучают. Объектом лингвистики является речевая деятельность человека, или язык в самом широком смысле этого слова. Но тот же объект интересует физиологию, психологию, социологию, поэтику и т.д. Предмет исследования в этих случаях будет модифицироваться, хотя объект фактически останется прежним. Вопрос о том, в чем же состоит предмет лингвистики, сложен, как и сам объект изучения и исторически складывающееся понимание термина "язык" (исследователи насчитывают, например, 27 смысловых вариантов этого термина⁹).

Во всех науках исследователь оперирует миром своих объектов и миром понятий и категорий, которыми он пользуется для того, чтобы организовать собственную теорию. В специальных теориях языка имеется еще один аспект — элемент индивидуального и коллективного сознания как часть объекта, впоследствии и часть предмета науки. Внутри лингвистики также имеются разные разделы и возможны различные подходы; существуют автономные и гибридные дисциплины, как психолингвистика и социолингвистика (чей статус не всегда достаточно отчетлив, поскольку их цели, теоретический аппарат и методы ясно не очерчены). Поэтому лингвистика в собственном смысле ("теоретическая" лингвистика) отличается от других подходов к языку скорее не своим научным статусом, а своими целями. Цели этой лингвистики — описать структуру высказываний и таким образом создать теорию лингвистической структурной грамматики. Она абстрагируется от различий между говорящим и слушающим, от тех фактов, что никакие два говорящих не идентичны в своем вербальном поведении, что сообщество, из практики которого взяты языковые данные, не может рассматриваться на каком-то основании как гомогенное, или что люди при говорении делают ошибки и оговорки, могут терять единую нить рассуждения и т. п.

Данные, ограниченные таким способом, будут двоякого рода:

- а) последовательность звуков, или, более корректно — акустическая, звуковая форма;
- б) некоторый вид суждений относительно этих секвенций, т.е. их приемлемость, их сходство и различие¹⁰.

Предмет лингвистики как специальной теории языка зависит от понимания языка как объекта лингвистики. Если, например, объявить язык исключительно системой знаков, то лингвистика будет только частью семиотики. Но если допустить, что язык — это еще и форма сознания, некая действительная реальность мысли, то и лингвистика выходит за рамки этого ограничения. Поэтому выделение предмета в теориях языка оказывается в значительной степени методологически зависимым. Хотя язык и остается прямым, главным и

⁹ **Комлев Н. Г.** Семантическая аспектация языка. — В кн.: Язык и мышление. М., 1967.

¹⁰ **Corder S. P.** *Introducing Applied Linguistics.* Harmondsworth, 1977. P. 121.

единственным объектом лингвистики конструктивной, функциональной, генетической и т. п., положение меняется, когда мы переходим к таким теориям языка, которые имеют дело с целенаправленным изучением внешних связей языка — прежде всего с обществом и с индивидуальным сознанием. Например, разделение и противопоставление языка как предмета лингвистики и речи как предмета психологии, исторически оправданные, со временем стали считаться тормозом на пути комплексного исследования речевой деятельности¹¹.

Такое положение дел свидетельствует о проявлении общей для развития науки тенденции к постоянному пересмотру комплекса исходных понятий, происходящему не только с целью уточнения основных предпосылок, но и для того, чтобы определить их место в новой парадигме знания. И хотя тезис о теоретической зависимости фактуального базиса науки (во всяком случае, в его крайних вариантах) до известной степени обнаруживает свою ограниченность как общий методологический принцип, он по-особому значим для теорий языка: формообразующая роль концептуального аппарата таких теорий по отношению к объектной информации особенно очевидна из-за специфики, "фактуры" материала.

Итак, в теориях языка решающую роль играет соответствующая объекту методология, на формах и особенностях которой следует остановиться подробнее.

Применительно к лингвистике примером общеметодологических положений могут быть, например, следующие:

- язык – исторически развивающееся явление;
- язык – явление общественное;
- язык имеет собственные внутренние законы, хотя и тесно связан с обществом;
- различные стороны языка развиваются неравномерно;
- язык – это своеобразная система систем;
- система языка не может быть абсолютно выдержанной и абсолютно непротиворечивой и правильной системой;
- тенденция развития в языке противостоит тенденции к сохранению существующего;
- язык в известной мере зависит от физиологических особенностей человеческого организма, и т. п.¹²

Использование общей методологии в частной науке, в данном случае в лингвистике, конституирует собственную методологию этой науки с комплексом своих методов, характерных именно для данной дисциплины. Исследователи, полагающие, что языкознание фактически возникло вместе с появлением самого термина "лингвистика", подчеркивают, что до XIX в. языкознание не было автономной, независимой наукой, а было лишь частью других наук (например, логики или философии) и не располагало своей методологией исследований. Тем не менее в определенном отношении генетическая корреляция методологий явствует уже из логики смены направлений в ходе развития специальных теорий языка.

В пределах действующей методологии лингвистика использует довольно обширный запас методов. Историки языкознания на каждом этапе развития науки о языке выделяют, как правило, один господствующий метод, типичный для данного периода. Доминирующий метод фактически равнозначен направлению в науке: например, таковыми были в прошлом веке сравнительно-исторический метод или младограмматический метод.

В ходе развития лингвистических учений можно выделить следующие главные направления, последовательно сменявшие друг друга в качестве доминирующих: логическое, сравнительно-историческое, структурное и конструктивное.

---

¹¹ Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965. С. 48.

¹² Серебrenников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. М., 1983. С. 28-29.

1.1.2 СМЕНА ДОМИНИРУЮЩИХ НАПРАВЛЕНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ

1.1.2.1 ЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Анализ языка выступает на этом этапе одним из средств логики; язык рассматривается как средство формирования и выражения мысли. Диалог Платона "Кратил" стал первым в европейской науке специальным сочинением по лингвистике, содержащим некоторую систему представлений о преобразовании идеи в текст. В нем впервые употребляется термин *τεχνη γραμματικη*, охватывающий основные разделы современной лингвистики. Согласно Платону, сущности вещей ("идеи") отражаются в индивидуальном человеческом сознании различными сторонами и соответственно обозначаются различными именами. В высказывании каждое имя, будучи окруженным другими именами и сопоставленным с ними, еще более уточняется и становится доступно сообщению другому человеку.

Аристотель оформил представление об исследованиях языка как о вспомогательной части логики ("речь представляет наши мысли, а письмо представляет речь"), однако эта часть признавалась им весьма важной и фактически служила отправной точкой многих важнейших построений. В работах "Категории", "Об истолковании", "Топика" изложена целостная логико-языковая концепция, основанная на системе понятий-слов, "логосов", разбитых на категории и ведущая к анализу различных типов высказываний-суждений и их связей. Основным типом суждения Аристотель считал высказывание "существительное-субъект — существительное-предикат" (напр., "Лошадь — животное"); другие типы суждений-высказываний он рассматривал как трансформации основного типа. Предикация же отражает формы бытийствования: категории Аристотеля (сущность, количество, качество, отношение и др.) представляют собой не что иное, как иерархически выстроенный список всех форм сказуемого (от именных форм к глагольным и от более независимых к более зависимым), которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка.

В вопросе о природе значения Аристотель твердо отстаивает точку зрения конвенционалистов: язык — результат соглашения, так как имена не возникают из природы вещей. Онома托пия, по мнению Аристотеля, не опровергает этого утверждения, так как онома托пии в различных языках звучат по-разному, выступая пленниками соответствующих данному языку фонетических особенностей.

Стоики (начиная с Древней Стои III – II вв. до н. э. — Зенон, Клеанф, Хрисипп и др.) впервые открыли, что у высказывания два предмета — во-первых, вещь, объект реального мира ("тело"; в терминологии логики и лингвистики XX в. — "предмет обозначения", "денотат", "экстенционал"); во-вторых, некая специфическая мыслительная сущность ("высказываемое", *λεκτόν* в терминологии логики и лингвистики XX в. — "смысл", "сигнификат", "интенционал"). В отличие от Платона и Аристотеля, стоики начали последовательно рассматривать содержание высказывания не как сочетание абстрактных понятий, родовых и видовых сущностей, а как нечто единое, как слияние понятий, чувственных представлений и эмоций человека. *Λεκτόν* — особым образом организованная мысль, такая мысль, которая находит выражение в речи. "Разумные представления" могут быть только у разумных существ; "высказываемое" находится в соответствии с "разумными представлениями"; разумным же является такое представление, которое может быть выражено в речи. Но, находясь в соответствии с "разумным представлением", "высказываемое" не совпадает с ним, а составляет особую сущность. "Высказываемое" есть то содержание, которое непосредственно заключено в речи, выражается ею, но оно отлично от того представления, которое вещь создает в нашем сознании. "Высказываемое" — отвлеченное содержание речи в его неразрывном единстве с звуковой формой — лежит между мыслью и звуком; при этом "обозначаемые" не должны быть отождествляемы с понятиями.

Стоики, таким образом, являются основоположниками учения о семантическом

синтаксисе. Они завершили начатую Аристотелем классификацию частей речи и заложили основы интерпретации языкового знака как неразложимого единства означающего и означаемого, получившей затем дальнейшее развитие у Августина, Ф. де Соссюра, Ч. У. Морриса, Р. Якобсона и многих других.

Придерживаясь теории о "природной" связи между вещью и ее названием, стоики предстают в этом отношении прямыми антиподами Аристотеля. Если же между словом и обозначаемым им предметом существует внутренняя, органическая, "природная" связь, то это значит, что анализ слова должен привести к постижению сущности соответствующего предмета. Как и Платон в "Кратиле", стоики проводили различие между "первыми словами" (и словами позднейшими, возникшими из первых в результате изменений значения, изменений звуковой формы, а также в результате словосложения. Подлинная, ничем не искаженная связь между звучанием и значением характерна только для "первых слов", созданных древнейшими людьми. Выявить связь между звучанием и значением у позднейших слов можно лишь в результате этимологического анализа: самый термин "этимология" был введен в научный обиход Хрисиппом.

По сравнению с этимологизированием, представленным в "Кратиле", стоики идут дальше в том отношении, что пытаются внести определенную систему в область изменения значений слова, выявить правила, в соответствии с которыми происходит перенос названия с одного предмета на другой. Для этого они разработали описанное выше учение о взаимоотношении различных аспектов языка между собой и с внеязыковыми явлениями.

Грамматическое учение стоиков было отчасти продолжено в александрийской школе III – II вв. до н.э., где лингвистика впервые оформилась в самостоятельную дисциплину и окончательно закрепились те грамматические термины, которыми мы пользуемся до сих пор.

Логическое направление в лингвистике поддерживалось до конца XVII – 1-й пол. XVIII вв. Одно из несомненно ключевых его разрешений — так называемая общая (рациональная) грамматика Пор-Рояля во Франции (1660), появление которой было обусловлено развитием логических идей того времени¹³. В отличие от ученых древности, исходивших из форм родного языка, грамматисты Пор-Рояля стали считать логические формы языка, установленные еще на греко-латинском материале, — понятие, суждение и 9 частей речи — универсальными формами всех языков.

Привлечение логических категорий для интерпретации материала естественных языков не исчезло из лингвистики полностью и после того, как логическое направление перестало быть в ней господствующим. Так, младограмматик Г. Пауль ввел в научный обиход такие понятия, как "сужение значения лексической единицы", "генерализация значения" и пр. Его классификация лексических изменений была основана исключительно на логических соотношениях между прежним значением и появившимся новым¹⁴. Он утверждал, что других изменений лексики и быть не может, так как только такие изменения значений соответствуют логике нашего мышления. Отсюда же следовал вывод, что данные изменения характерны для любых языков (имелись в виду естественные языки). С такой точки зрения, полисемия, расширение и сужение значений соответствуют постоянному в способах логических обобщений и логических подразделений значений; поэтому "полисемия, расширение и сужение значений — это не свойство только одного периода в развитии языка, например, древнего или нового, а свойство языка вообще, как и параллельные явления в логике — например, сужения объема понятий, — это не свойство логики человека определенного периода развития, а свойства всякой логики человека, всякого человека"¹⁵.

Отвлекаясь от некоторого радикализма подобных допущений, следует констатировать, что в целом связь логики и языка — явление значительно более общего характера, нежели одна из возможных методологий теорий языка. Так, например, Гуссерль

¹³ Ricken U. Grammaire et Philosophie au Siècle des Lumières. Lille, 1978. P. 29.

¹⁴ Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960.

¹⁵ Будагов Р.А. К проблеме устойчивых и подвижных элементов в лексике. М., 1951.

подчеркивал, что анализ языка необходим для построения чистой логики, поскольку только при помощи такого анализа может быть выявлен подлинный объект логического исследования. Можно, вероятно, утверждать, что полное устранение логических методов из изучения естественного языка явилось бы задачей невыполнимой. Вообще же говоря, понимание теории языка как не более чем части философии и развитие теорий языка исключительно в рамках философии совпадает с периодом логического направления (до начала XIX в.). Осознание теорией языка специфики своего предмета и выделение науки о языке в самостоятельную научную дисциплину связано с появлением нового методологического направления — сравнительно-исторического.

Огромные результаты, достигнутые в рамках логического направления в целом, лежат в трех областях:

- исследование языка как универсальной принадлежности человека, позволяющей заключать о свойствах человеческого мышления и восприятия;
- выработка общих методов таких исследований;
- попытки создания универсальной грамматики, основанной на общечеловеческих рациональных категориях.

Главным же ограничивающим фактором, изначально снижающим потенциальную результативность исследований, явилось то обстоятельство, что при этом игнорировались конкретные исторические различия реально употребляемых естественных языков.

1.1.2 Сравнительно-историческое направление

В. фон Гумбольдт стал одним из первых в Европе исследователей, которые подчеркнули, что язык есть прежде всего "созидающий процесс", а не только результат этого процесса. Его знаменитое положение о том, что язык есть не продукт деятельности (*εργον*), а сама деятельность (*ενεργεια*), было направлено против представлений о языке как о механизме и имело своей целью привлечь исследователей к изучению творческого характера этой деятельности. Гумбольдт рассматривал каждый язык как самодовлеющую систему, не готовую, а вечно и непрерывно создаваемую, как деятельность, выражающую "глубинный дух народа"¹⁶. Пафос утверждения динамического начала в языке приводил Гумбольдта к абсолютизации изменчивости и подвижности языка, но сама идея о творческом его характере неизменно оказывается сильной стороной всех концепций, разделяющих данное положение. Хотя весь язык рассматривается как деятельность, динамические аспекты языка связываются Гумбольдтом прежде всего с его историческим развитием, развитием во времени.

В период господства в лингвистике логического направления (до начала XIX в.) изучение и описание языка носило преимущественно прикладной характер; язык рассматривался лишь с точки зрения его функционирования как данная и неизменная система средств общения и выражения мысли. Представление о том, что эта система существует также и во времени, было чуждо большинству исследователей.

В первой четверти XIX в. произошел решительный поворот в другую сторону. Этот поворот был связан с исследованиями Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А. Х. Востокова и др., обнаруживших закономерный характер соотношения отдельных фактов в разных языках и высказавших идею об их происхождении из общего источника. В дальнейшем поиски исходных форм и реконструкция системы этих форм в качестве некоего праязыка (языка-предка), от которого в процессе исторического развития "отпочковались" все другие языки (в частности, индоевропейские), заняли главное место в лингвистических исследованиях, и сравнительно-историческое изучение языков стало рассматриваться как важнейшая (и даже единственно достойная серьезного внимания) задача лингвистики как науки.

Сравнительно-историческое направление оказалось, таким образом, связано с выделением лингвистики в самостоятельную научную дисциплину и характеризовалось

¹⁶ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 80.

следующими основными принципами:

- 1) каждый язык имеет свои особенности, отличающие его от других языков;
- 2) эти особенности познаются в сравнении;
- 3) сравнение языков обнаруживает у некоторых из них родство — происхождение из общего источника: какого-либо живого языка или мертвого, "праязыка"; родственные языки группируются в языковые семьи — германскую, славянскую и др., далее — в индоевропейскую; аналогично — в финно-угорскую; семитскую и т.д. (генеалогическая классификация языков);
- 4) различие родственных языков может быть объяснено только их непрерывным историческим изменением, что признается важнейшим свойством всякого языка;
- 5) при историческом изменении звуки изменяются быстрее других элементов, их преобразования в пределах одной семьи языков строго закономерны и могут быть четко сформулированы (звуковые законы). Основные элементы языка (корни слов, аффиксы и грамматические окончания — флексии) сохраняют устойчивость на протяжении тысячелетий;
- 6) на их основе можно реконструировать в общих чертах схем предшествующего общего языка (как полагали ранее, весь праязык); понятия реконструкции и праязыка послужили мощным стимулом и инструментом исследования языка вообще и конкретных языков.

В течение почти 100 лет развитие лингвистики определялось сравнительно-историческим анализом. Позднее устойчивость основных элементов языка приводит исследователей к идее языка как самостоятельной системы особого рода, но в XIX в. господствующей была идея существования не целостной системы языка, а его изменяющихся и неизменяющихся элементов — объектов сравнительно-исторической грамматики, которая создавалась с помощью сравнительно-исторического метода.

Основными достижениями сравнительно-исторической лингвистики XIX в. явились:

- выработка строгого метода сопоставления языков и реконструкции их исчезнувших форм и закономерностей;
- исследование на этой основе истории обширных языковых семей (прежде всего индоевропейской);
- установление основных фонетических и семантических закономерностей изменения живых языков.

Доказательство родства индоевропейских языков, возникновение сравнительно-исторического метода ознаменовали рождение лингвистики как автономной дисциплины в рамках европейской научной традиции. Лингвисты осознали специфичность своих задач, свое особое положение в системе гуманитарного знания.

В рамках сравнительно-исторической лингвистики сформировалось *психологическое направление*, отрицающее какие-либо существенные связи с логикой. Единство человеческого языка объясняется в нем единством психологических законов, а разнообразие языков — особенностями психологии различных народов. Например, согласно концепции А. А. Потебни, исследование языка открывает единые принципы осознания человеком "объективного мира" в самом языке, мышлении, художественном творчестве: "развитие понятия из чувственного образа и потеря поэтичности слова — явления, взаимно обусловленные друг другом"¹⁷. Мышление эволюционирует в тесной связи с языком по определенным семантическим закономерностям. Важнейшая из них — знаковые замещения, проявляющиеся как в слове ("внутренняя форма слова"), так и в семантико-синтаксических трансформациях предложения ("заменах частей речи"). Знак, с такой точки зрения, есть *tertium comparationis* двух ментальных сущностей — субъективного содержания воспринятого речевого сообщения и его "внутренней формы", т.е. ближайшего деривационного (композиционного или этимологического) содержания.

В конце XIX в. на основе ряда идей психологического направления сформировалось

---

¹⁷ Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков, 1913. С. 170.

новое направление лингвистики — *младограмматизм*. Младограмматики провозгласили основой изучения любого языка, и в особенности реконструкции его морфологии, единство психологических законов и непреложность "звуковых законов" речи; основой их лингвистической концепции стал индивидуальный психологизм. Важнейшие из введенных младограмматиками методологических принципов — изучение речи говорящего человека, а не письменных памятников прошлого, и учет при анализе истории языка действия звуковых (фонетических) законов и аналогий¹⁸. Подлинной реальностью выступает лишь индивидуальный язык. Ход рассуждений при этом таков: язык по-настоящему существует только в индивидууме, тем самым все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов. Если исходить из того, что каждый индивид обладает собственным языком, а каждый из этих языков — своей историей, то отсюда следует, что все изменения в жизни языка могут исходить только от говорящих индивидов.

Осознание этих фактов позволило довести до большого совершенства специальные лингвистические приемы исследования (в особенности реконструкции, изучение форм языка).

В то же время слабыми сторонами концепции явились:

- постоянное удвоение предмета исследования: с одной стороны, язык, с другой — психика (звук и "психическое представление звука", значение и "психическое представление значения" и т.д.);
- раздробление системы языка на море "атомарных" фактов — звуков, словоформ и т.д.;
- преувеличение роли индивидуальной психологии и индивидуальной речи, в силу чего единственной подлинной языковой реальностью стала признаваться речь индивида,

Эти особенности концепции привели к кризису младограмматизма и появлению нового направления — структурализма.

1.1.2.3 СТРУКТУРНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Лингвистический структурализм (структурная лингвистика) возник в начале XX в. с появлением "Курса общей лингвистики" (1916) Ф. де Соссюра. Структуралисты, особенно дескриптивистского направления, свели представления о языковых универсалиях до минимума и поставили описание наблюдаемых в языке форм во главу угла, выводя таким образом частные категории и классы для каждого конкретного языка. С такой точки зрения единственными справедливыми обобщениями, касающимися языка, являются выводы конкретного языкового анализа.

Основными принципами лингвистического структурализма являются следующие:

- 1) подлинной и основной реальностью является не отдельный факт какого-либо языка, а язык как система; каждый элемент языка существует лишь в силу его отношений к другим элементам в составе системы; система не суммируется из элементов, а, напротив, определяет их;
- 2) костяк, структуру системы создают вневременные отношения; отношения в рамках системы доминируют над элементами;
- 3) поэтому возможно вневременное квантитативное ("алгебраическое") изучение системы языка, основанное на отношениях, а не на индивидуальности элементов или их материальности; возможно применение строгих, математических методов в лингвистике;
- 4) язык есть система особого рода — знаковая система, существующая, с одной стороны, объективно, вне психики человека, в межличностном общении людей, с другой стороны — эта система существует и в психике людей;
- 5) подобно языку организованы некоторые др. системы, действующие в человеческих

¹⁸ **Остхоф Г., Бругман К.** Предисловие к книге "Морфологические исследования в области индоевропейских языков". — В кн.: **Звегинцев В. А. (сост.)** История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. М., 1964.

обществах, — фольклор, обычаи и ритуалы, отношения родства и др.; все они могут изучаться, подобно языку, лингвистически, в частности быть достаточно строго формализованы (семиотика).

Наиболее полное развитие структурализм получил в следующих трех школах:

- 1) *Пражская лингвистическая школа* сложилась в 20-е гг. 20 в. Пражцы работали в русле филологической европейской традиции (в отличие, например, от американских дескриптивистов), изучая европейские языки с богатой культурной историей. На этой основе ими была выработана концепция языка как "системы систем", определена динамика развития таких систем, исследованы многие проблемы высказывания (т.н. актуальное членение предложения и др.). Основным достижением было создание теоретической фонологии с ее центральным понятием о п о з и ц и и, по образцу которой формировалось описание других сфер языка. Некоторой слабостью этой школы было недостаточное внимание к логической стороне теории и метода.
- 2) С середины 30-х гг. начал работу *Копенгагенский лингвистический кружок* (т.н. датский структурализм; *глоссематика*). Поставив своей целью на новой основе решить проблему универсальной грамматики (в качестве методологических источников Л. Ельмслев называл работы Карнапа, Рассела и Уайтхеда), копенгагенские лингвисты пришли к теории языка и методам его описания, основанным на абсолютном примате отношений над элементами; язык понимался как "система чистых отношений". В стремлении к универсальности глоссематика достигла такой высокой степени абстракции, что оказалась бесполезной при исследовании конкретных языковых явлений. В определенном смысле глоссематика явилась более логико-ориентированной теорией, чем теории логического направления, поэтому она в более чем полной мере получила критику за свойственные не только ей недостатки — удаление из теории языка языковой субстанции, связанное с этим игнорирование его социального характера и т. д.
- 3) Американский вариант структурализма, т.н. *дескриптивизм*, возник в США также в 20-е гг. 20 в. На основе изучения бесписьменных индейских языков Америки были выработаны приемы максимально объективного первоначального описания языка — установления его фонем, морфем и элементарных синтаксических конструкций, создан специальный дистрибутивный метод, основой которого послужило понятие д и с т р и б у ц и и. Однако к началу 60-х гг. обнаружились слабая объяснительная сила, малая применимость метода теории этого направления в семантике и синтаксисе. В процессе преодоления указанных недостатков выросло новое направление — *генеративизм*.

1.1.2.4 Конструктивное направление

К середине 60-х гг. XX в. в лингвистике возникло новое направление, основанное на принципе, первоначально сформулированном в рамках математики и математической логики, — требовании конструктивности теоретических объектов: объект может быть принят как объект теории, только если он может быть построен; говорить о существовании каких-либо объектов и возможности их познания ученый может лишь в том случае, если умеет эти объекты теоретически построить или смоделировать. Одним из основных понятий конструктивного метода стал а л г о р и т м. Первоначальные идеи этого рода были выдвинуты уже Платоном и Панини и в той или иной степени повторялись впоследствии (Аристотель, Спиноза, Потенция и др.); непосредственную же основу для новых лингвистических идей дали работы У. Куайна и Н. Гудмена. В этой связи как частная разновидность конструктивизма в лингвистике возникли *теории порождающих (генеративных) грамматик*.

В порождающих грамматиках каждый конкретный язык понимается как набор предложений, имеющих некую идеальную фонетическую форму и связанную с ней семантическую интерпретацию. Система правил, которым подчиняется это соотношение "звук – смысл", и составляет грамматику данного языка. Теория языка понимается как теория

грамматик в указанном смысле термина, и ее основная задача — изучение универсальных свойств языка и порождения речи.

Но, задавшись целью отразить динамический аспект языка и синтез речи, генеративисты подчеркнули, что грамматическое порождение нельзя понимать в том же смысле, что и реальное "производство" предложений в речевой деятельности человека, и что порождение — это понятие, употребляющееся в математическом смысле для характеристики рекурсивного перечисления членов множества. Термин "порождение", используемый в данном смысле, связан тесно и с другим динамическим понятием генеративной грамматики — понятием *т р а н с ф о р м а ц и и*: трансформационное правило показывает, как производится нечто из чего-то другого путем всяческих перемещений, перестановок, включений, отбрасываний и т. п.

Н. Хомский сводит к грамматике всю языковую систему: язык представляет собой набор формализованных описаний предложений, из которых как частности вытекают звуковая сторона и значение языковых единиц.

Грамматика – это устройство, которое, в частности, задает бесконечное множество правильно построенных предложений и сопоставляет каждому из них одну или несколько структурных характеристик. Возможно, такое устройство следовало бы назвать порождающей грамматикой...¹⁹.

Такая позиция практически отождествляет понятия *язык* и *грамматика*. В свете постулатов Хомского именно грамматика является носителем тех языковых универсалий, которые, по его мнению, лежат в основе любого языка. В грамматиках различаются две группы свойств – "формальные универсалии" и "содержательные универсалии". Первые представляют собой виды правил и их преобразования; сторонники этой теории стремятся использовать одни и те же правила и преобразования для описания самых различных языков. Вторые, "содержательные универсалии", охватывают лексические единицы, группирующиеся в такие категории, как "имя", "глагол", "прилагательное", а также "универсальную фонетику". Языковые универсалии объединяются в "универсальную грамматику", которая и составляет базис существования и функционирования языка в нашем языковом сознании. Такая "универсальная грамматика" является врожденной, и в этом смысле Хомский – сторонник картезианской философии. Он исходит из представлений о том, что глубинные синтаксические конструкции, составляющие основу языка, передаются по наследству от поколения к поколению, обеспечивая каждому индивидууму возможность овладеть языком своих предков. Тот факт, что ребенок овладевает любым языком, объясняется как раз тем обстоятельством, что в своей основе грамматики всех языков совпадают (универсальная грамматика). Она определяется как система принципов, условий и правил, присущих любому человеческому языку, что происходит не случайно, а в обязательном порядке.

Каждое такое правило представляет собой не что иное, как "порождающий", или "абстрактный", процесс, дальнейшее развитие понятия "импликации" у Л. Ельмслева. Под импликацией понимается порождение одного элемента речевой цепи другим элементом, соседствующим с первым; импликация предстает при таком понимании функцией детерминации между элементами текста. Примером импликации (в данном случае морфофонематической) служит отношение 'дж' ~ *ж* в случае 'ходдж' ~ *хожу*: 'д' имплицитно 'ж' в соседстве с 'j'.²⁰

С понятием "порождения" в лингвистические структуры в своеобразной форме вернулась категория исторического процесса. По Хомскому, в процессе овладения языком ребенок неосознанно конструирует такую грамматику, которая наилучшим образом соответствует набору известных ему предложений ("получает наивысшую оценку в

¹⁹ Хомский Н. Объяснительные модели в лингвистике. — В кн.: Математическая логика и ее применение. М., 1965. С. 467.

²⁰ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 244.

оценочной шкале"). Элементарной формой диахронического звукового изменения является в терминах порождающих грамматик "добавление (или исключение) правила". Добавление определенного правила к грамматике G_1 может вылиться в грамматику G_2 , которая производит те же языковые формы, что и некая третья грамматика G_3 , и, однако, получает более низкую оценку на оценочной шкале. Мы принимаем, что, когда язык взрослых претерпевает такое изменение, их грамматика видоизменяется только добавлением одного данного правила. Когда же дети этого поколения взрослых усваивают родной язык от родителей, они конструируют для себя грамматику с наивысшей оценкой — G_3 , которая может оказаться в принципе отличной от грамматики родителей G_2 . Тот факт, что дети и родители могут иметь совершенно различные грамматики, говоря на почти тождественных идиолектах, не должен казаться удивительным. Когда дети научаются родному языку, они приходят в соприкосновение с его грамматикой не непосредственно, а через внешний выход этой грамматики, актуализованной в виде высказываний в речи родителей, и через посредство этих высказываний дети конструируют грамматику этого языка²¹.

Однако это теоретическое требование реконструировать иную грамматику для каждого периода истории языка, когда отмечается то или иное существенное звуковое изменение, фактически оказывается выполнить очень трудно, если не невозможно. В действительности все исследования, имеющие дело с реконструкцией по методу порождающих грамматик этого типа, реконструируют историческое изменение только в виде либо

- 1) "добавления (исключения) правила", либо
- 2) "изменения порядка правил", либо
- 3) в виде каких-либо комбинаций из этих основных изменений.

Генеративная грамматика стала этапом, который помог инвентаризовать структуры фраз, и в этом состояла ее продуктивность. Перевод предложения из одной формы в другую не только оказывает помощь в оперировании фразами в грамматике, но и дает новый стимул для поиска того, что есть значение (в соответствии с той точкой зрения, согласно которой значение есть то, что общего имеют два языковых выражения, если они правильно переводят друг друга). Трансформационная грамматика не есть собственно грамматика, поскольку она не нормирует предложений и не показывает, как их реализовать; трансформационная методика скорее привлекла внимание к феноменологии возникновения мысли и к возможным путям ее вербализации в формах грамматики естественного языка.

Одним из главных достижений генеративного направления можно считать само обращение к исследованию механизмов использования языка и речевой деятельности. Попытки создать грамматическое описание, отражающее деятельность говорящего — слушающего, и представить его в виде порождающего устройства используют для представления языка понятие абстрактного процесса; при этом по своему замыслу порождающая грамматика должна была показать, как происходит в речи формирование высказывания, поскольку высказывание, или предложение, рассматривается как минимальная единица речевого общения.

Другой (возможно, более последовательной) разновидностью конструктивизма в лингвистике стали так называемые процедурные (или процессуальные, или инструктивные) семантики, трактующие процесс чаще всего как смену состояний; чем более постепенно сменяются состояния, тем более процесс является процессом. Такие представления возникли на стыке лингвистики и когнитивистики и связаны с исследованиями Т. Винограда, Дж. Фодора, Ф. Джонсон-Лэйрда, У. Эко и др.

***

Таковы в кратком изложении пути преломления в видении языка как объекта на фоне формирования его теории. Даже при наиболее общем обзоре методологий видно, что

²¹ Chomsky N., Halle M. The Sound Pattern of English. N.Y., 1968. P. 251.

выделение такой теории в самостоятельную научную дисциплину — лингвистику было связано с таким кругом идей, в центре которого находится представление о языке как процессе.

Отсюда можно перейти к рассмотрению специфических черт той абстракции языка, которая выработана его специальной теорией — лингвистикой.

1.2 ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ СПЕЦИАЛЬНОЙ (ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ) АБСТРАКЦИИ ЯЗЫКА

К. Айдукевич отмечал различие в абстракциях языка, используемых логикой и лингвистикой. Согласно ему, главное различие между лингвистикой и логикой состоит в том, что предмет исследования в лингвистике — естественные языки, тогда как логика занимается формальными языками. Относительная простота языков, изучаемых логиками, позволяет им выяснять структуры этих языков более четко, чем это является достижимым для лингвистов, анализирующих исключительно сложные естественные языки. Ввиду того, что языки, изучаемые логиками, используют отношения, скопированные с естественных языков, логики способны внести существенный вклад в общую теорию языка. По всей вероятности, результаты анализа, предпринятого логиками, не могут быть применимы *simpliciter* к эмпирически данным естественным языкам, а их исследования, игнорирующие некоторые характерные особенности естественных языков, нуждаются в существенных исправлениях, если они претендуют на описание естественных языков. Состояние дел здесь, возможно, подобно тому, которое имеет место в физике. Физик также формулирует теоремы для идеально упрощенных случаев, которые не происходят в природе вообще. Он формулирует законы для идеальных газов, идеальных жидкостей, говорит о движении при отсутствии трения и т.д. Для этих идеализированных случаев можно установить простые законы, которые значительно способствовали бы пониманию того, что происходит в действительности и что, вероятно, осталось бы неизвестным физике, если бы она пробовала рассматривать действительность непосредственно, во всей сложности. Поэтому языки, анализируемые логиками, могут быть рассмотрены как идеализация естественных языков²².

Айдукевич выдвигает здесь две гипотезы:

(h) логика применяет метод идеализации;

(hh) лингвистика эмпирически описывает естественные языки, не используя идеализации.

Правомернее, видимо, говорить здесь об используемом в лингвистике ином типе абстракции — использующем при идеализации достаточно сложные (системный и/или процессуальный) принципы.

1.2.1 ДВОЙСТВЕННОСТЬ ПРИРОДЫ ЯЗЫКА

Соотношение наблюдаемых объектов с теоретическими, мысленно представляемыми, абстрактными объектами характеризует не только языкознание, но и любую современную науку. Таким же образом и современная лингвистика различает в языке наблюдаемый уровень и представляемый, или абстрактный уровень. При этом понятия, принадлежащие абстрактному уровню в лингвистике, не появляются только путем удаления некоторых признаков из понятий или представлений о конкретных наблюдаемых явлениях, но включают в себя и некоторые новые признаки, отсутствующие в последних. В целом, понятия абстрактного уровня в лингвистике — например, понятия различных "инвариантов": фонем, морфем, значимостей — включают признак регулярности, особой упорядоченности,

²² Ajdukiewicz K. O związkach skladniowych miedzy czlonami zdan oznajmujacych. – In: Ajdukiewicz K. Język i poznanie. Vol. II. Warszawa, 1965. S. 344.

относительной неизменности, противопоставленный признаку изменчивости, вариаций, "естественного разброса" наблюдаемых явлений языка.

Л. Ельмслев предположил, воспользовавшись введенным Расселом разграничением, что в конкретном аспекте языковые сущности представляют собой классы как множества единиц, объединенных теми или иными общими для них и наблюдаемыми качественными признаками. В абстрактном аспекте те же сущности представляют собой классы как целое, объединенные тем или иным принципом упорядочения. Как таковые классы объединяются уже не изнутри, не перечислением качественных признаков их элементов, а извне — отличительными признаками одного класса от другого, т.е. противопоставлениями и вообще отношениями. Классы как множества определяются качественно, классы как целое — относительно. Например, фонема, до тех пор пока в процессе познания языка она определяется как множество тех или иных звуков речи, объединенных теми или иными качественными признаками, пока она как бы извлекается в виде общего, содержащегося во множестве звуков речи, представляет собой класс как множество. Но когда та же фонема определяется извне, лишь относительно других фонем, противопоставленных ей в системе (парадигматике), определяется лишь отличиями от других фонем, лишь оппозитивно, то она представляет собой уже класс как целое. Такие же отношения существуют между классом морфов и соответствующей ему морфемой, между классом предложений и соответствующей ему структурной схемой предложения и т.д.²³

Следует констатировать, что речевая деятельность, если представить ее как совокупность актов "говорения" и "слушания", осуществляемых членами языкового сообщества в целях общения ("обмена мыслями"), имеет характер многоплановый и разнородный. Она относится и к социальной сфере, и к индивидуальной: она социальна по своему назначению и индивидуальна по реализации (поскольку сами по себе акты "говорения" и "слушания" осуществляются каждым индивидом вполне самостоятельно).

Речевая деятельность с необходимостью предполагает наличие определенной системы средств, с помощью которых "продукты" этой деятельности получают внешнее воплощение (например, в виде произносимых или письменно фиксируемых текстов). Но она возможна лишь при условии, что соответствующая система отражается в сознании членов данного языкового сообщества, при условии, что они знают эту систему, умеют "включать ее в действие", т.е. при обязательном участии ментальных факторов.

Лингвистику интересует прежде всего система средств, используемых в речевой деятельности для выражения мысли. Именно эта система (в ее определенном физическом облике или в идеальной форме, существующей в сознании членов языкового сообщества или как-то иначе) и получила терминологическое название "**язык**". Причем в соответствующем специальной теории понимании язык рассматривается как один из компонентов речевой деятельности, противопоставляемый другому ее компоненту — речи.

Впервые в эксплицитной форме противопоставление языка и речи было сформулировано Ф. де Соссюром. Согласно Соссюру, "разделяя язык и речь, мы тем самым отделяем: 1) социальное от индивидуального; 2) существенное от побочного и более или менее случайного"²⁴. "Язык — это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу"²⁵; следовательно, язык социален по своей сущности, тогда как речь в ее конкретном проявлении индивидуальна.

Вместе с тем язык есть идеальная система, составные элементы которой (языковые знаки) представляют собой ментальные образования, ассоциирующие некоторое содержание и мысленный образ его выражения (например, понятие и словесный образ). Само же выражение осуществляется в речи, обеспечивающей реализацию языковых знаков в той или иной субстанциональной (звуковой или графической) форме. Однако последняя, с такой

²³ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. С. 218.

²⁴ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 52.

²⁵ Там же.

точки зрения, предстает лишь как их внешняя оболочка (нечто "побочное и более или менее случайное"), которая ни в чем существенном не затрагивает системы языка.

Устанавливаемое соотношение между языком и речью может быть рассмотрено как соотношение между абстрактной теорией языка как предмета лингвистики и эмпирическим материалом (такое представление характерно, например, для Пражского лингвистического кружка). В подобных случаях имеется в виду идеализированная модель языка, которая в значительной степени искусственно — хотя нередко и интуитивно — конструируется наукой для систематизированного познания и объяснения явлений речевой действительности.

Эта действительность непосредственно предстает перед исследователем в виде отдельных речевых произведений (произносимых или письменно фиксируемых текстов) в их конкретности и индивидуальности. При этом его внимание может быть сосредоточено на внутреннем психологическом механизме создания подобных произведений (предмет психологии речи), на механических способах их реализации (предмет физиологии речи), на побудительных мотивах, которыми они вызваны к жизни (предмет социологии), на том, чем каждое из них отличается от других и какова их эстетическая ценность (предмет поэтики) и т. д.

В лингвистике отдельные речевые произведения рассматриваются со стороны использования в них соответствующих элементов языковой системы для того, чтобы воссоздать и описать эту систему в целом и в таком виде, в каком она способна обеспечить построение любого речевого произведения. Лингвистику интересует, следовательно, то общее, что заключается и отражается в достаточно большом (принципиально бесконечном) числе речевых произведений.

Сосредоточиваясь на общем, она абстрагируется от сугубо индивидуальных черт речи в ее конкретном проявлении (например, от тех или иных частных особенностей произношения, индивидуального выбора употребления и осмысления слов и т. п.). Но в специальном исследовании допустимо также абстрагирование от речевой субстанции в целом. По отношению к речи это будут лишь разные ступени абстракции, разные способы моделирования языка, которое и позволяет с определенной (той или иной) точки зрения подойти к исследованию его существенных и специфических свойств и характеристик.

Оба указанных способа моделирования языка при "извлечении" его из речевого материала одинаково правомерны, в частности, потому, что язык, получая эмпирическое воплощение в речи, вместе с тем с необходимостью воплощается также в сознании членов данного языкового сообщества. Причем система этого языка в цельном виде содержится именно в коллективном сознании, тогда как в речи мы наблюдаем только разрозненные детали этой системы, для соединения которых приходится обращаться к коллективному языковому сознанию. Рассматриваем ли мы язык в абстракции лишь от сугубо индивидуальных свойств речи или от речевой субстанции в целом — во всех случаях за основание, по которому осуществляется абстрагирование, принимается знание языка, его ментальная проекция. В противном случае, если бы мы, например, захотели изучать звучащую или графически фиксированную речь как нечто существующее вне нас и независимо от нас, нам пришлось бы ограничиться исследованием только ее физических свойств.

Итак, лингвистическое изучение языка по необходимости опирается на его коллективное знание. Такая необходимость ставит лингвистику в совершенно особое положение среди других наук, обусловленное тем, что коллективное знание языка — не то же самое, что знание о предметах и явлениях окружающей нас природы. Последнее не входит в статус их существования. Между тем тот или иной язык существует лишь постольку, поскольку он существует не только в речи, но и в индивидуальном и коллективном сознании.

С этой точки зрения не оправдано противопоставление лингвистических моделей, представляющих язык в виде

- (1) эмпирической, одетой в речевую субстанцию системы

и в виде

(2) системы, освобожденной от речевой субстанции, как взаимоисключающих. Скорее обе эти модели адекватны по крайней мере в отношении внутренней структуры языка, и выбор их определяется только целью его научного изучения и описания. Естественно, однако, что если мы ставим своей целью изучение языка со стороны его использования в речевой деятельности, то этой цели отвечает именно модель (1), согласно которой языковая система предстает перед нами в своей звуковой или графической реализации.

С другой стороны, если нашей целью является изучение языка в его развитии и взаимоотношении с мышлением и действительностью, то более приемлемой оказывается модель (2), в рамках которой преодолевается ряд возникающих при таком изучении антиномий, — например, антиномия отношения значимости речевой и неречевой физических субстанций (которые сами по себе ничего не значат). В самом деле как тот или иной фрагмент речевой субстанции может стать в отношении обозначения к каждому фрагменту другой, неречевой субстанции, существующей вне нас и, возможно, независимо от нас? Очевидно, только благодаря тому, что репрезентации этих фрагментов "встречаются" друг с другом в нашем сознании, представляющем внешний мир. Но такая "встреча" и обеспечивается с помощью языкового механизма — с необходимостью, таким образом, располагающегося в том же концептуальном пространстве.

1.2.2 СИСТЕМНОСТЬ ЯЗЫКА

Понимание языка как системы, т.е. осознание того, что язык представляет собой не простой набор разнородных элементов слов, грамматических форм и т.д., а своеобразное единство взаимосвязанных, взаимообусловленных и взаимодействующих частей, и того, что его отдельные элементы должны рассматриваться в отношении друг к другу и к тому целому, в состав которого они входят, является одним из краеугольных камней, на которых основаны современные лингвистические теории. Такое понимание в настоящее время, по-видимому, общепринято.

Система языка является многослойной и гетерогенной как по качеству и составу входящих в нее элементов, так и по их взаимоотношениям друг с другом. Это не просто система, а в некотором смысле система систем. Такое рассмотрение языка предусмотрено уже в традиционной модели его описания, распределяемого по разделам: фонетика, грамматика (морфология и синтаксис) и лексикология.

В современной лингвистике к вычленению в системе языка отдельных частных ее сфер (подсистем) подходят на основе так называемого стратификационного принципа. Согласно этому принципу, языковая система складывается из подсистем, которые как бы наслаиваются друг на друга, располагаясь одна над другой в строго регламентированном порядке. Отдельные подсистемы выделяются, следовательно, по вертикали и представляют собой разные уровни иерархии системно организованных лингвистических единиц. При этом считается необходимым:

- 1) чтобы единицы каждого данного уровня обладали некоторым общим для них специфическим качеством (отличающим их от единиц другого уровня);
- 2) чтобы единицы более высокого уровня могли быть построены из единиц более низкого уровня (но не путем их простого сложения, а путем такой интеграции, благодаря которой и получается качественно новая единица);
- 3) чтобы единицы каждого уровня могли быть выявлены в любом осмысленном тексте.

Выявление самих лингвистических единиц осуществляется посредством сегментации речевого потока и применения к выделенным сегментам различных видов абстрагирования (прежде всего, абстракции отождествления).

Ядро языковой системы образуют предельные единицы языка и связывающие их отношения. Под предельными единицами понимаются аллофоны, морфы,

слова, словосочетания, предложения или, в абстрактном аспекте, фонемы, морфемы, слова, структурные схемы словосочетаний, структурные схемы предложений. Под отношениями между предельными единицами понимаются все типы парадигматических и синтагматических отношений.

Система и структура определяют элемент как принадлежность данной системы и в этом смысле доминируют над ним, поэтому при описании системы логическое определение отношений действительно предшествует логическому определению элементов. Однако система и структура не предопределяют происхождения элементов как отдельных явлений действительности (например, феноменальных звукотипов, значений слов как соответствий отдельным предметам внешней действительности) и в этом смысле не доминируют над элементами. В силу этого системная историческая реконструкция может восстановить прошлую систему языка, но нередко оказывается не в состоянии определить ни физической формы, ни происхождения элементов.

Под уровнем языка понимается та часть его системы, которая имеет соответствующую предельную единицу. Существуют фонемный, морфемный, лексический, текстовый уровни, поскольку есть предельные единицы – фонема, морфема, слово, словосочетание, предложение (высказывание), но нет, например, "стилистического" уровня, поскольку нельзя лингвистически точно говорить о какой-либо единице "стилема"²⁶.

Единица низшего уровня входит в единицу высшего уровня, являясь ее компонентом. Лингвистический анализ и заключается прежде всего в последовательном дроблении, сегментации, словосочетаний на все более мелкие единицы, пока мы не дойдем до фонем. На этом пути мы получаем множество конкретных единиц языка – словосочетаний, слов, морфов, аллофонов. Другой процесс лингвистического анализа представляет собой обобщение названных единиц в классы. На определенном этапе этого процесса лингвист определяет эти классы как целое и получает абстрактные единицы — фонемы и морфемы, а также типы слов (слово, рассматриваемое со стороны своих общих, категориальных признаков, "абстрактное слово"), типы словосочетаний и структурные схемы предложений. Основой такого обобщения от конкретных единиц к абстрактным является взаимное расположение — *дистрибуция* единиц в пределах одного уровня. Но про полученные таким путем абстрактные единицы – фонему, морфему, абстрактное слово, структурную схему словосочетания или предложения – уже нельзя сказать, что они "состоят друг из друга", идя сверху вниз, или "входят друг в друга", идя снизу вверх.

Д. Болинджер, назвавший такие явления общим термином *континуум*, показал, что континуум может быть двух родов: недифференцированный, в котором явления, составляющие континуум, однородны, и дифференцированный, или градуальный, ступенчатый²⁷. Если какое-либо грамматическое явление представляет собой континуум, но при этом в языке имеется сопоставимое с ним явление без континуума, расчлененное и разнооформленное, то континуум благодаря этому сопоставлению "принудительно расчленяется", происходит его принудительная категоризация. Для говорящего в таком случае имеет место принудительное обобщение двух разных категорий, а для слушающего — принудительный выбор для дизъюнктивного расчленения обобщенного значения. Один из видов такого синкретизма — совпадение разных категориальных значений в одной форме (омонимия): русск. вин. п. муж. р. = род. п. муж. р. в рамках категории одушевленности. Другой тип синкретизма — сочетание нескольких разных категориальных значений в одной форме (полисемия): латинск. *-orum* как показатель муж. р. мн. ч. род. п.; аналогично во многих случаях в русском языке. Наконец, явление недискретности раскрывается также в особом типе синкретизма — в проблеме отношения класса как множества и класса как целого. Л. Ельмслев писал:

Поскольку парадигма рассматривается не просто как сумма членов (класс как

²⁶ Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. С. 219.

²⁷ Bolinger D. L. Generality, Gradience and the All-or-None. The Hague, 1961.

множество в терминологии Рассела), но как что-то отличное от своих членов (класс как целое), постольку она представляется разрешимым синкретизмом своих членов; путем разрешения синкретизма класс как целое превращается в класс как множество²⁸.

Согласно концепции Ельмслева, система языка есть чистая абстракция, целостная и замкнутая в себе структура (схема отношений, зависимостей, или "функций"). В языке решающую роль играют только сами эти отношения. Отдельные его элементы — это лишь точки или линии пересечения различных отношений, своеобразные "пучки функций". То, что они неодинаково реализуются в различных языках или в процессе исторического развития одного и того же языка как со стороны значения, так и по способу реализации, в конечном счете безразлично для языковой системы в целом. Поэтому изучение языка должно быть исключительно синхронным (точнее, не связанным никакими временными ограничениями) и может строиться только на внутренней функциональной основе.

Хотя внутривидовые отношения составляют существенный аспект характеристики языка как системы, тем не менее такой подход к его изучению, когда, как у Ельмслева, принимаются во внимание одни лишь внутривидовые отношения, вынужденно изолирует теорию от чрезвычайно плодотворного допущения о том, что система языка не является замкнутой, а находится в тесном взаимодействии с внешней ему действительностью. Это взаимодействие, обусловленное целевым назначением языка (его проекцией на мир), несомненно, влияет на структурную организацию языковой системы, а также на "поведение" в рамках системы отдельных составляющих ее элементов.

Отдельные элементы языковой системы вступают друг с другом в определенные отношения, вместе с тем (через совокупность внутривидовых отношений) так или иначе соотносятся с действительностью и благодаря этому обнаруживают не только релятивные (проявляющиеся во взаимоотношениях), но и корреспондентные (референциальные) свойства. Соотношение тех и других у элементов, принадлежащих различным фрагментам системы, неодинаково. Так, в слове на первый план выступает его семантическая направленность на какой-то фрагмент внешнего мира, тогда как его релятивные свойства остаются как бы в тени; напротив, в грамматических элементах проекция на действительность затемняется или даже целиком поглощается их релятивными свойствами.

В соответствии со своей общей структуральной концепцией Л. Ельмслев всячески стремился добиться предельного разложения, снять, "разрешить" синкретизм в своем описании языка путем "принудительной категоризации", отвлекаясь от того допущения, что класс как целое, даже получив естественное "разрешение" синкретизма в языке путем превращения в класс как множество, все же не перестает существовать как целое. Указанное положение означает, что в языке одновременно существуют противопоставления элементов одного класса элементам другого — противопоставления классов как множеств и противопоставления одного класса другому при снятии, нейтрализации противопоставлений внутри каждого класса между его элементами — противопоставления классов как целых.

Итак, предельные единицы языка существуют в силу двух типов отношений в языке:

- 1) отношений вхождения в единицу более высокого уровня и разложения на составляющие более низкого уровня — в своем конкретном аспекте (парадигматика);
- 2) отношений дистрибуции в пределах своего уровня (синтагматика).

При анализе языка эти единицы устанавливаются как результат предельного разложения.

---

²⁸ Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960. С. 348.

1.2.3 СТАТИЧЕСКОЕ И ДИНАМИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ЯЗЫКА

Лингвистическая абстракция не представляет собой единого целого, разделяясь как минимум надвое в соответствии с усмотренной Гумбольдтом дистинкцией между таким представлением языка, согласно которому индивидуальные речевые акты являются окказиональными проявлениями устойчивой нормы, и таким, согласно которому язык является создающим процессом, осуществляющимся в ходе порождения текста. В соответствии с этим существующие подходы к анализу природы значения могут быть распределены в зависимости от их отношения к трактовке языка как знаковой системы. Одно и то же явление в языке может рассматриваться с двух точек зрения:

- статически, когда мы констатируем само наличие этого явления и его собственные отличительные признаки;
- процессуально, когда мы стремимся определить, в результате какого процесса оно возникает или же преобразованием какой единицы (или единиц) может считаться.

В одном случае мы рассматриваем анализируемое явление как непосредственную данность, в другом — как данность, выводимую из неких единиц, принимаемых за исходные, и как следствие определенных операций, с ними совершаемых.

Именно во втором случае целью исследователя оказывается описание динамики возникновения единицы, или же ее динамическое представление²⁹.

Так, описывая в русском языке форму *столам*, мы можем просто констатировать, что она составляет часть форм, связываемых в единой парадигме с формой *стол*, выражает значение дат. падежа мн. числа существительных, содержит два элемента – корень и флексию и употребляется параллельно формам *окнам, стенам* и т. п. Мы можем, однако, подойти к данной форме по-иному, сказав, что она вызвана к жизни необходимостью выразить значение дат. падежа мн. числа от формы *стол*, что она образуется путем присоединения флексии к корню и что, таким образом, она представляет собой результат процесса преобразования последовательности (СТОЛ) + (дат. п. мн. ч.) в *стол-+-ам* → *столам*. Точно так же форму типа *трубочист* мы можем рассматривать либо как готовое сложное слово на том основании, что оно включает две полнозначных единицы, либо как сложную единицу номинации, возникающую на основе синтаксического сочетания *чистить трубы* или даже высказывания *Он чистит трубы* и, следовательно, как результат преобразования исходного высказывания в однословное наименование.

Любые процессуальные модели, будучи по своему направлению синтезирующими — т.е. описывающими возникновение единиц на основе единиц, принятых за исходные, — обязательно предполагают предваряющее детальное установление самих исходных (минимальных) единиц, т.е. лингвистический анализ. Проблема выбора исходных единиц здесь более остра, чем при статическом подходе, опирающемся на конкретные последовательности и вообще непосредственно наблюдаемые данности. Можно заключить поэтому, что процессуальное описание оказывается тем адекватнее своему объекту, чем рациональнее и полнее произведен в предварительном исследовании лингвистический анализ.

Подобные процессуальные методы моделирования восходят не только к метафизической культурологии Гумбольдта, но и к более фундаментальным онтологическим представлениям. Вспомним, что *ενερυεια* — аристотелевский ответ на вопрос "Что есть сущее как сущее?", т.е. на вопрос об основании сущего³⁰. *Ενερυεια* в определенном отношении *более онтологична*, чем *ερυον* (или *υποκειμενον*), т.к. полнее отвечает на этот вопрос — уже хотя бы тем, например, что располагает бóльшим количеством параметров бытия и тем самым дает больше критериев для идентификации существующей вещи. Характеризуя более глубокие

²⁹ Кубрякова Е. С. Динамическое представление синхронной системы языка. — В кн.: Степанов Ю. С. (ред.) Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 217.

³⁰ Хайдеггер М. Семинар в Ле Торе, 1969. — Вопросы философии №10, 1993. С. 123.

основания бытийствования языка, процессуальные представления оказались методологически усвоенными теорией языка лишь по достижении ей определенной зрелости, на основе результатов анализа значительного количества эмпирического материала — различных естественных языков в различные периоды их исторического существования.

Противопоставление динамических и статических моделей характерно для различия между двумя важнейшими традициями древнего мира — индийской и греческой³¹. В то время как в античной грамматике господствовал принцип, который можно было бы назвать принципом целостного о б р а з ц а (а холистическими образцами являлись не только парадигмы, но и составляющие их отдельные нерасчлененные формы), у древнеиндийских грамматистов любые составные единицы констатировались образующим их п р а в и л о м. Но само противопоставление динамических моделей статическим могло найти свое теоретическое обоснование лишь после того, как сосуществование динамического и статического начал было признано сущностным свойством языка как такового.

Предварительным этапом в формировании динамических моделей языка можно считать грамматику Панини. Для этой теории оказалось характерно понимание составленности более крупных языковых единиц из более мелких и, следовательно, понимание известной шкалы в иерархии единиц. Основными процессами языка, рассматриваемыми у древних индусов, являлись процессы построения одних единиц из других и сопутствующие этим процессам преобразования единиц при их линейной сборке" на одной временной плоскости. В целом здесь были освещены те динамические аспекты языка, которые характеризовали конструирование его синтагматически-наблюдаемых последовательностей, т.е. возможности синтагматического развертывания исходных символов. Таким образом, эта синхронная модель была линейно- или синтагматически-ориентированной.

Дальнейшее развитие динамических моделей оказалось связано с осознанием изменчивости языка во времени, с привлечением идей Гердера и Гумбольдта, с попытками, особенно в рамках компаративной грамматики, установить законы исторических изменений и переходов, при которых одни языковые формы последовательно превращаются в другие. Так, Ф. И. Буслаев писал:

Речь, теперь нами употребляемая, есть плод тысячелетнего движения и множества переворотов Определить ее не иначе можно, как путем генетическим; отсюда необходимость исторического исследования³².

Но движение в языке связано не только с его историей. Значительным достижением лингвистики явилась поэтому попытка осмыслить принципиальные различия в формах движения, наблюдаемых в эволюции языка, с одной стороны, и в его функционировании на каждом отдельном срезе его существования, с другой. Постановка вопроса о соотношении статики и динамики в истории языка и в его современном состоянии принадлежит, в частности, И. А. Бодуэну де Куртенэ:

В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой — явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений³³.

Бодуэном была выдвинута триада таких категорий, как "статика — динамика — история". Исследование динамического начала связывается им с изучением причин изменений, с анализом условий изменчивости, т.е. с каузальным аспектом проблемы. Истории принадлежит область констатации наступивших изменений, динамика связана с причинным аспектом изменений, а статика фиксирует то, что засвидетельствовано в настоящее время.

³¹ Блумфилд Л. Язык. М., 1968. С. 24-26, 561-562.

³² Буслаев Ф. И. О преподавании отечественного языка. М., 1941. С. 169.

³³ Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по языкознанию. Т. 1. М., 1963. С. 349.

Язык может выполнять свое назначение в обществе, т.е. быть средством общения, лишь благодаря тому, что он характеризуется относительной устойчивостью и вместе с тем относительной подвижностью во времени. Он устойчив и в основных своих чертах остается тем же самым по крайней мере для представителей нескольких ближайших поколений: иначе преемственность поколений была бы нарушена. Но, с другой стороны, он подвижен и с течением времени подвержен тем или иным изменениям: иначе он отставал бы от потребностей развивающегося общества и не мог бы в полной мере обеспечить удовлетворение этих потребностей.

У Ф. де Соссюра противопоставление статики и динамики более категорично и отождествляется с противопоставлением синхронии и диахронии. "Синхронично все, что относится к статическому аспекту нашей науки, — писал он, — диахронично все, что касается эволюции"³⁴. Динамика обнаруживается, по его мнению, только в истории языка, синхрония же тождественна статике. Именно это приписывание языку в синхронии признаков постоянства, неподвижности, неизменности, устойчивости и т. п. расценивалось Блумфилдом в его рецензии на "Курс общей лингвистики" как величайшее достоинство книги; впоследствии вся дескриптивная лингвистика ориентировалась в своих моделях на такую "неподвижную", или жесткую (rigid) систему.

В своем учении о синхронии и диахронии Соссюр исходил из положения о том, что в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему языка, и ее эволюцию; таким образом, в каждый данный момент язык есть и живая деятельность и продукт прежнего развития его системы. Отсюда следует, что в языке могут быть выделены два аспекта: горизонтальный, раскрывающий отношения между сосуществующими в языке явлениями, и вертикальный, обнаруживающий отношения между тем, что мы имеем на предыдущей и последующей стадии развития языка. Первый — горизонтальный (ось одновременности) — рассматривается синхронной лингвистикой, второй — вертикальный (ось последовательности) — относится к лингвистике диахронической. Необходимость разграничения синхронного и диахронического аспектов при изучении языка обосновывалась Соссюром тем, что в противном случае исследователь не сможет охватить язык в целом, как сложную систему взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Это при совмещении различными точками зрения, по мнению Соссюра, так же невозможно, как невозможно, например, "рисуя панораму Альп, фиксировать ее одновременно с нескольких вершин Юрских гор"³⁵.

Четко разграничивая и противопоставляя друг другу два указанных аспекта, Соссюр вместе с тем отдавал явное предпочтение синхронному аспекту. На этот счет им выдвигались два аргумента:

- 1) "синхронический аспект превалирует над диахроническим, так как для говорящих только он — подлинная и единственная реальность";
- 2) "это же верно и для лингвиста: если он примет диахроническую перспективу, то увидит отнюдь не язык, а только ряд видоизменяющихся его событий"³⁶.

Аргумент 1) не вызывает возражения. Действительно, чтобы пользоваться языком в повседневной практике, не обязательно знать, как складывались и изменялись в ходе исторического развития составляющие его элементы.

Что же касается аргумента 2), то в этом отношении с Соссюром можно согласиться, вероятно, только в том, что диахронический срез, проведенный через несколько синхронных состояний языка в каком-либо локально ограниченном участке его системы, позволит увидеть только ряд частных видоизменений, роль и место которых в системе языка остаются неясными. Такой подход противоречил бы пониманию сущности развития как закономерного процесса, преобразующего не только элементы, но и связи элементов друг с другом и в той или иной степени всю систему, в состав которой они входят. Само разграничение

³⁴ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 114.

³⁵ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 115.

³⁶ Там же. С. 123.

синхронического и диахронического аспектов научного изучения языка необходимо и оправдано только в качестве разумной абстракции: языковая система всегда существует во времени и постоянно в той или иной степени видоизменяется. Поэтому когда мы избираем, в частности, синхронный подход к языку, то тем самым сознательно ограничиваем поле нашего зрения, в котором оказывается лишь "моментальный снимок" языка, т.е. его абстрактная модель, представляющая интересующий нас объект в идеализированном виде, поскольку, в отличие от других возможных аспектов анализа, он рассматривается как бы в неподвижном состоянии, Соответствующая модель и является предметом синхронической лингвистики, которую интересует прежде всего то, как строится и функционирует язык в данный момент его истории.

При этом синхронная лингвистика дает также и ретроспективную и перспективную оценку тем или иным явлениям, наблюдаемым в данном состоянии языка. Однако же историзм заключается не в том, чтобы ответить на вопрос, что из чего произошло, а в том, чтобы определить "жизнеспособность" отдельных элементов языка в их соотношении с другими его элементами, в зависимости от их места и значения в составе данной языковой системы, т.е. показать "динамику в статике". Поэтому, в частности, сама постановка проблемы подобных дихотомий в языке вызвала к жизни дискуссии о сущности этих противопоставлений и возможности их истолкования в терминах оппозиции понятий социального и индивидуального, виртуального и актуального, абстрактного и конкретного, кода и сообщения, порождающего устройства и самого порождения.

Таким образом, формирование процессуальных представлений о языке оказывается связано с разграничением подвижности языка в синхронии и изменчивости в диахронии, с признанием различия форм динамики в истории и реальном функционировании языка. Соответственно тому, какой из динамических аспектов языка мы хотим описать — исторический или функциональный, можно говорить о динамических моделях синхронного состояния языка, с одной стороны, и динамических моделях его диахронических состояний, с другой. Описанию языкового прошлого служит диахроническая реконструкция, описанию его настоящего — реконструкция процессов, имеющих место в современности, в актах живой речи. Синхронная реконструкция таких актов может выступать как своеобразный методический прием, позволяющий восстановить особенности непосредственно ненаблюдаемого процесса. При синхронной реконструкции мы представляем конкретную форму в виде конечного продукта определенного акта деривации³⁷, т.е. описываем ее как результат применения определенной операции/операций к источнику деривации и постулируя, что и источник деривации (база деривации, или его основа), и результат деривации сосуществуют одновременно. В общей формуле лингвистического изменения $A \rightarrow B$ при диахронической реконструкции сущностям A и B приписывается разновременность существования, при синхронной — одновременность. При диахронической реконструкции это делает исходную форму более ранней, итоговую — более поздней; при синхронной реконструкции ни одна из этих форм не обладает генетическим приоритетом, обе они выстраиваются на одной временной плоскости. Сопоставляемые формы считаются при этом связанными отношениями синхронной производности или выводимости одна из другой.

Противопоставление диахронической и синхронической реконструкции языковых единиц и соответственно их прошлого или же их настоящего в динамическом аспекте основано в сущности на признании разных форм движения в языке. Такими разными формами являются для нас процессы эволюции языка как исторического развития языка во времени и пространстве, с одной стороны, и процессы речевой деятельности, протекающие именно как сложная совокупность говорения и слушания, с другой. Можно выделить также и другие динамические аспекты функционирования языка (конкуренция форм, их варьирование и т. п.), которые наблюдаются на ограниченном этапе развития языка, данном

³⁷ Кубрякова Е. С. Текст и синхронная реконструкция словообразовательного акта. — В кн.: Лингвистика текста. М., 1976. (Сб. научных трудов МГПИИЯ, вып. 103).

говорящему.

Итак, возможность описания данных языка в статических или же динамических терминах и шире — в рамках статических или же динамических моделей — заложена в самой двойственной природе языка, всегда сочетающего в себе динамическое начало со статическим, всегда обладающего чертами подвижности и устойчивости одновременно и всегда характеризующегося в своем функционировании как определенными единицами и отношениями между ними, так и определенными процессами, связывающими эти единицы. В этой связи динамическое представление фактов языка может быть весьма целесообразным там, где исследователь пытается эксплицировать пути формирования языковых единиц и проникнуть в механизм речевых актов. Во всяком случае, именно динамическое представление языковых данных позволяет получить необходимые сведения о формах движения языка и о тех процессах, которые лежат в основе речевой деятельности человека.

1.3 ЯЗЫКОВОЙ ЗНАК В РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ТЕОРИЙ

1.3.1 НАИБОЛЕЕ ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗНАКА

Прежде всего о знаке можно сказать то, что это — вещь, указывающая на нечто вне себя; акт семиозиса может быть рассмотрен как состоящий в том, что некая сущность становится способной представлять нечто за пределами самой этой сущности. Черная кошка, перебегающая дорогу, представляет не ее саму, а опасность или неприятности. Точно так же звуковая последовательность *arbor* в системе латинского языка существенна тем, что вызывает представление о дереве, а не тем, что определенным образом организует чередование звуков.

Итак, знак есть вещь, бытие которой осуществляется посредством другой вещи и не может осуществляться иначе. Знак не существует как таковой, если он ничего не означает. Поэтому внутренняя трансценденция как условие собственного бытия есть сущностное свойство знака. Но знак не просто указывает на вещь вне себя: он указывает на способ, которым существует эта вещь в нашем языковом сознании. Знак сообщает нечто об этой вещи, т.е. дает ее описание, состоящее в указании места этой внешней по отношению к знаку вещи в нашем языковом сознании — места, которое, далее, может пониматься как отношение к бытию.

Каким образом эта вещь может существовать сама по себе, каким способом референт может трансцендировать и знак, и сознание — уже следующий вопрос, выходящий за рамки рассмотрения собственно знака в его непосредственной сущности, но в любом случае у нас нет иного способа заключать о трансцендентных сознанию вещах иначе, чем с помощью знаковых систем — единственной отправной точки всякого знания об этих вещах, "first base of knowledge" (Н. Гудмен). В этом отношении вопрос о значении знака является вопросом о том, какое концептуальное или когнитивное образование подведено под знак, какой квант информации выделен знаком из общего потока сведений о мире, какой концепт связан знаком.

Поэтому значение может определяться в терминах семантических разграничений и отождествлений, принадлежащих непосредственно самой системе языка. Знак — не только то, что представляет нечто иное, а не самое себя, но еще и связь между этими двумя. Подобная установка отличается как от реификации, стремящейся выявить значение знака объективным путем, через указание на обозначенный объект, так и от формализации, стремящейся определить значение знака через его формальное положение в семиотической системе. Вместе с тем скептическая оценка возможности остенсивного определения, идущая от "Философских исследований" Витгенштейна, представляется оправданной лишь для единичных актов референции. В условиях же повторного опыта, постоянного уточнения при

соотнесении обозначаемого и его имени, в практической деятельности с объектом и т.п. оstenсивные указания способны путем исключения одних смыслов и подчеркивания других выявить значение имени с достаточной степенью определенности. Необходимость дать значению внутрисистемное истолкование касается поэтому не отрицания самого референтного аспекта значения, а невозможности ограничиться одним этим аспектом. Чтобы понять знак, нужно его интерпретировать. Интерпретация знака — это операция, достигаемая при замене исходного знака другим знаком или — более обычно — набором знаков. Значение любого знака, в частности слова, неопределимо без обращения к вербальному коду. К тому же никакие отсылки к объектам не могут объяснить феномен значения, хотя и могут помочь установить отдельное значение имени. Кардинальное свойство знака — передавать значение — может быть сведено к понятию интерпретируемости или же переводимости знака, т.е. к возможности представить его содержание другими, более эксплицитными, развернутыми знаками. Так, К. Бриттон указывал на то, что значение знака X складывается из всех тех знаков того же языка, которые взаимозаменяемы с X по правилу, причем последнее замечание вводится в аналитическое определение значения знака, так как в языке существуют слова, у которых нет референта, но которые, подобно словам *нет*, *некий* или *немного*, могут быть заменены другими знаками³⁸. Для определения значения знака ему следует поставить в соответствие эквивалентное ему выражение, а это достижимо тремя разными способами:

- 1) используя другой знак того же кода, т.е. синоним;
- 2) используя другие знаки того же кода, т.е. парафраз или же
- 3) используя знаки другого семиотического кода, т.е. прибегая к переводу или метаописанию.

Таким образом, способ установить значение знака может рассматриваться как обнаружение для него равнозначных преобразований. Центральной проблемой семантики становится тогда установление семантической эквивалентности двух языковых выражений, обнаружение их равнозначности, лингвистического тождества и нетождества, а исследования этого рода можно считать вкладом в решение проблемы исчисления интерпретационных возможностей знака.

Возможный путь к решению проблемы семантической эквивалентности усматривается, например, в разделении планов выражения и содержания, а далее — в разделении плана содержания на референциальную, или экстенциональную, сферу и понятийную, сигнификативную, или интенциональную. С помощью такого разделения можно прийти к разрешению вопроса об эквивалентности нескольких предложений, которая оказывается в одних случаях эквивалентностью по денотату — это то, что устанавливается посредством парафраза, а в других — эквивалентностью по сигнификату — это устанавливается посредством трансформаций³⁹. Таким образом, специализированные метаязыковые операции позволяют обнаружить разные аспекты значения, а полисемия может трактоваться как способность знака быть интерпретированным несколькими аналитическими дескрипциями, не сводимыми друг к другу. Чем более развернут знак, чем более эксплицитным он является, т.е. чем объемнее его дефиниция, тем большую роль играет он в коммуникации в том отношении, что снимает многозначность знака.

Итак, природа знака в не меньшей степени определяется его принадлежностью к семиотической системе и взаимодействием ее компонентов, нежели связью с обозначаемой вещью, вне зависимости от факта и способа ее существования в нашем языковом сознании и/или вне него. Поэтому вопрос о природе языкового знака может быть рассмотрен как переформулировка вопроса о том, что есть язык — лейбницианско-соссюрианское *ερῶν*, согласно которому индивидуальные речевые акты являются окказиональными проявлениями устойчивой нормы, или гумбольдтовская *ενεργεια*, где язык является созидающим процессом,

³⁸ Spang-Hanssen H. Recent theories on the nature of the language sign. Copenhagen, 1954. P. 63 - 64.

³⁹ Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. М., 1987. С. 136.

осуществляющимся в ходе порождения текста. Вместе с тем само определение языка как семиотической системы связывает исследование главных свойств языка с той или иной интерпретацией знака, поэтому некоторые исследователи идут дальше, заявляя, что "вопрос о природе языковых знаков является... основой дальнейшего вопроса о природе самого языка"⁴⁰.

В различных теориях языка понятие знака трактуется нетождественно, и даже исходные определения знака различаются уже потому, что знак анализируется как односторонняя, двухсторонняя, трех-, четырех-, пятисторонняя и еще более сложная сущность. И хотя истолкование знака менялось не только потому, что ему приписывали разное количество "сторон", усложнение знаковой теории особенно очевидно при сравнении схемы "означающее — означаемое" Ф. де Соссюра с трехчленными построениями и схематическими представлениями еще более сложного характера.

В соответствии с этим существующие подходы к определению понятия "знак" могут быть разделены в зависимости от их отношения к трактовке языка как статической или динамической знаковой системы.

- i) Если знак рассматривается как элемент статической семиотической системы, то его определяют в целом как двуединую сущность, имеющую план выражения (означающее) и план содержания (означаемое). Означающее — это чувственно воспринимаемый объект, который символически представляет и условно отсылает к обозначаемому им предмету (явлению, свойству, отношению). Такой подход связывается с различными, иногда весьма далеко отстоящими друг от друга вариантами платонистской точки зрения или же традиции Аристотеля — Локка, и, несмотря на свой, вероятно, предельно общий характер, оказался все же достаточно продуктивным для построения дифференцированных семиотических моделей⁴¹.
- ii) Знак может быть рассмотрен также и как элемент динамической системы — процесса передачи информации. В этом случае в языковом знаке обнаруживаются три плана: план выражения и план содержания, соотношение которых может определяться так же, как в предыдущем случае, а также план интерпретации сообщения реципиентом⁴².

1.3.2 СТРУКТУРА ЗНАКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЯЗЫКА КАК СТАТИЧЕСКОЙ СЕМИОТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

При подобном рассмотрении определение знака как представителя чего-то вне знака и вместо знака относится также к его составным частям. Это обстоятельство открывает дорогу интерпретации знака как сущности односторонней: в качестве знака может быть осмыслена фонетическая или графическая сторона знака, его носитель, или же, наоборот, его значение (так, А.Ф. Лосев отмечал: "значение знака есть знак, взятый в свете своего контекста"⁴³). И все же, когда мы воспринимаем дым как знак костра или след на песке как знак человека, мы осмысливаем эти величины лишь в определенном конвенциональном отношении, восстанавливая либо привычную связь двух явлений, либо прямое указание одного явления на другое.

В то же время асимметрия плана выражения знака и плана его содержания обладает своим собственным диапазоном для каждого отдельно взятого знака. К тому же вряд ли можно считать, что две стороны знака полностью коррелируют: утверждая, что носитель знака имеет некую форму (звуковую или графическую), мы указываем на нечто, имеющее онтологический статус, однако утверждая, что знак имеет значение, мы не можем приписать

⁴⁰ Spang-Hanssen H. Recent Theories on the Nature of the Language Sign. P. 14.

⁴¹ Шрейдер Ю. А. Логика знаковых систем (элементы семиотики). М., 1974; Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971.

⁴² Моррис Ч.У. Основания теории знаков. — Семиотика. М., 1983.

⁴³ Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976. С. 125.

значению такой же модус существования, как, скажем, звуковым последовательностям *дерево* или же *arbor*. Точно так же, исходя из любого конвенционального знака, мы должны прийти к его одному или нескольким, но определенным значениям, но идя от какого-либо концепта, мы приходим к достаточно разнообразным языковым формам (например, перебирая варианты при решении кроссвордов). Таким образом, хотя метонимический или синекдохальный принципы и дают возможность считать одну из двух сторон знака знаковой сущностью, понятно, почему концепция знака как односторонней сущности получила меньшее распространение, чем двухсторонняя.

В соответствии с описываемой парадигмой языковой знак не представляет строго фиксированного содержания: определяющим для него признается контекст. Ближайший контекст, далее, проявляется через включающий его отрезок речи, который входит в более широкую связь целого текста, и т. д. Полное прочтение знака достижимо лишь в горизонте языка, культуры. Понятно, что такой подход тяготеет к установлению скорее синтагматических отношений в языке: анализ процесса равен здесь констатации его результата, который может задаваться комбинаторно, через последовательное описание окружения элемента.

При этом доконтекстная семантика знака в естественном языке не является лингвистическим построением: она ощущается языковым сознанием как несомненная реальность. Если условный знак (знак формального языка) бессмыслен вне установленной (конвенциональной) области функционирования, то знак естественного языка всегда "уже был" и "должен приниматься таким, как он есть" (Соссюр) не только в смысле невозможности изменить его по индивидуальной интенции носителя языка, но и в том смысле, что он опережает в концептуальном пространстве свои частные контексты. Ввиду сочетания, таким образом, в этой исходной семантике языкового знака некоторой "пред-данности" и возможности произвольного осмысления принимается, что она допускает положительное определение, но лишь в терминах перспектив, открываемых ею для "внутренней инициативы" (Бодуэн де Куртене) говорящего. В качестве этих перспектив описываются:

- способность языкового знака соотноситься со всем, что так или иначе значимо для мысли;
- имплицитруемая его эмпирической стороной возможность мотивировать референцию через генетические и структурные взаимозависимости, узус и т.д.

С этой точки зрения произвольность языкового знака рассматривается как открытость, поскольку она допускает свободное движение мысли в среде естественного языка за рамками фиксированных значений, обеспечивая выход смысла не только к обобщенным мыслительным представлениям, но и к трансцендентному референту. Значимость не привносится в готовый знак извне, а возникает с превращением в знак не-знака, когда на последний проецируются возможности человеческого различения и истолкования вещей. С этим связывается до некоторой степени развитое понимание инструментальной функции языка в платоновой традиции: основа семантики и, в силу этого, самое существо языкового знака могут быть отождествлены с его вовлеченностью в процесс практического понимания человеком своего мира. Артикулируя это понимание, знак естественного языка впервые позволяет человеку ориентироваться в возможностях собственного бытия. Мобилизуемый как ориентир в понимании мира, возникающий знак есть уже тем самым непроявленная система⁴⁴. На этом основан известный тезис Соссюра:

В языке нет ничего, кроме различий. Вообще говоря, различие предполагает наличие положительных членов отношения, между которыми оно устанавливается. Однако в языке имеются только различия *без положительных членов системы*. Какую бы сторону знака мы ни взяли, означающее или означаемое, всюду наблюдается одна и та же картина: в языке нет ни понятий, ни

⁴⁴ Там же. С. 126-128, 187.

звуков, которые существовали бы независимо от языковой системы, а есть только смысловые различия и звуковые различия, проистекающие из этой системы⁴⁵.

Отождествление знака с вещью происходит, согласно подобным представлениям, не в действительности, а в мысли. В соответствии с этим может признаваться, что не только значение языковых единиц, но и весь язык как таковой существует в человеческом сознании, в мозгу человека и тем самым относится к числу явлений психических. Поэтому хотя диапазон языкового значения можно считать всеобъемлющим (им может стать, вообще говоря, все, что может быть помыслено в связи со знаком, любой связанный знаком концепт), любое содержание выступает в нем не само по себе, а опосредованное через знаковость, т.е. постольку, поскольку получает место в структурах понимания; например, значением знака может стать не "сырое чувство" (А. А. Потебня), а только так или иначе осмысленное.

Знак при такой трактовке всегда "больше" своих конкретных значений, но он существует лишь постольку, поскольку осмысливается и определяется в них (герменевтика). Эта детерминация извне оборачивается внутренней произвольностью как несамостоятельностью, несамодостаточностью. Так, у Соссюра:

Всякий символ, как только он пущен в обращение, — а любой символ существует *лишь в силу того*, что он пущен в обращение, — в тот же самый момент подпадает абсолютной невозможности предсказания, в чем будет заключаться его значение (identité) в следующий момент⁴⁶.

Радикальными вариантами такой установки будут, с одной стороны, абсолютизация языка, приписывающая обязательность "внутриязыковому" знанию, где поэтому системным был бы даже язык, состоящий из одного элемента⁴⁷; с другой — "номенклатурная", по выражению Соссюра, концепция языка, видящая в знаке лишь несущественную оболочку "внеязыкового" содержания.

1.3.3 СТРУКТУРА ЗНАКА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЯЗЫКА КАК ДИНАМИЧЕСКОЙ ЗНАКОВОЙ СИСТЕМЫ

В современных теориях языка, начиная с И. А. Бодуэна де Куртенэ, исследование динамического начала связывается с каузальным аспектом проблемы. Если при статическом подходе для отображения языковых процессов описывается то, что может присоединить к себе исходная единица, то в противостоящей ему динамической (процессуальной) модели для этого описывается то, во что эта исходная единица превращается при применении к ней того или иного формального средства (операции), а также то, каким образом это происходит. В соответствии с этими — конструктивистскими по сути — представлениями каждая языковая единица, входя одновременно в большое количество парадигм или ассоциативных рядов, образует многомерный пучок. В знаке, таким образом, присутствуют одновременно не только концепты с указанием на реализующие их денотаты и грамматические значения, но в нем заложены, наряду с дополнительными коннотативными значениями, и прагматические потенции, воплощенные в его лексико-грамматических, стилистических и т.д. валентностях. Ч. У. Моррис отмечает, что, согласно учению стоиков, процесс семиозиса описывался как включающий три или же четыре фактора: то, что выступает в качестве носителя (субстанции, или "тела") знака; то, на что указывает знак, или то, к чему он отсылает;

⁴⁵ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 152-153.

⁴⁶ Из заметок Соссюра к "Песни о Нибелунгах". Цит. по: Starobinski J. Les mots sous les mots. Les anagrammes de F. de Saussure. P., 1971. P. 16.

⁴⁷ Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1929. С. 103.

воздействие знака и, наконец, его интерпретатора⁴⁸. Знак только потому знак, что он интерпретируется как знак неким интерпретатором, т.е. имеет некую интерпретанту. Более того, понять то, к какой интерпретанте готовит интерпретатора знак, можно только путем обращения к другим знакам. Знаки живут в системе, данной интерпретаторам, и не случайно одно из определений знака гласит, что знак существует исключительно как единица определенной семиотической системы. Но систему эту создали люди: без человека нет знака. Вот почему в адекватной концепции знака к его определению, заключающему об устройстве знака и особенностях его функционирования, должны быть подключены сведения и об интерпретаторе, и о воздействии знака.

Также может предполагаться, что в развитых знаковых системах знак имеет особенно сложное устройство потому, что со знаком контактируют, по крайней мере, еще две системы, которые, к тому же, контактируют и между собой. Знак — это посредник между человеческим разумом и миром, а системы знаков объединяют их в еще более высокую целостность. Отсюда и все более сложные модели знаков.

В этой связи динамическое представление знака может включать, например, пять компонентов:

- 1) имя (означающее);
- 2) денотат (референт), т. е. предмет внешней действительности, обозначаемый именем;
- 3) десигнат (концепт), представляющий собой смысл, понятие о предмете или явлении;
- 4) коннотат, охватывающий дополнительные экспрессивно-оценочные, прескриптивные, а также эстетические значения;
- 5) прагматические потенции знака.

При этом имя образует план выражения, референт, концепт и коннотат формируют план содержания, а прагматические потенции выявляют план интерпретации знака.

В соответствии с этим процесс функционирования знаковой системы складывается из следующих шести компонентов:

- 1) отправителя (источника), который, будучи готовым к порождению сообщения и располагая, с одной стороны, тезаурусом, т.е. некоторой совокупностью знаний о внешнем мире и возникающих в нем типовых ситуациях, а с другой — лингвистической компетенцией, т. е. знанием системы языка и ограничивающей ее нормы, реализует функцию порождения сообщения (вопроса или ответа);
- 2) канала с шумом, который соединяет источник с адресатом и по которому может быть передано сообщение;
- 3) сообщения, т.е. несущей информацию последовательности знаков; их означающие передаются по каналу связи в виде импульсов, воспринимаемых органами чувств;
- 4) внешней (референциальной) ситуации, которая стимулирует появление сообщения и которая хотя бы частично описывается в сообщении и используется при его расшифровке (эту часть ситуации называют обычно контекстом);
- 5) реципиента сообщения;
- 6) внешнего наблюдателя (метанаблюдателя)⁴⁹.

Согласно схемам такого рода, процесс функционирования знаковой системы реализуется в следующих четырех этапах:

1. порождение сообщения отправителем под влиянием внешней ситуации (в реализации этого этапа участвуют первый, третий и четвертый компоненты);
2. передача сообщения по каналу связи;
3. прием и расшифровка сообщения, в которых участвует приемник;
4. реакция реципиента на принятое сообщение, выражающееся либо в действии, либо в ответном сообщении (в этом случае процесс приобретает обратное направление, а отправитель и адресат меняются ролями), либо в отсутствии какой-либо реакции (нулевой ответ).

⁴⁸ Моррис Ч. У. Основания теории знаков. — В кн.: Семиотика. М., 1983. С. 39.

⁴⁹ Пиотровский Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка. Л., 1979. С. 17-18.

Наиболее важными с семиотической точки зрения являются этап приема и расшифровки сообщения, а также этап реакции реципиента. Идущие по каналу связи импульсы, отражая структурное разнообразие источника, становятся реальными носителями информации и формируют сообщение только в том случае, когда реципиент обладает состоянием готовности осуществить отражение и интерпретацию той части внутреннего состояния источника, которое воплотилось в переданной совокупности импульсов. Без этого отражения переданные по каналу связи импульсы выполняют лишь энергетическое, но не информационное воздействие на реципиента. Расшифровка сообщения реализуется с помощью семиозиса, представляющего собой пятичленное отношение:

- означающее (т. е. имя знака — носитель информации) —
- реципиент сообщения —
- означаемое —
- ситуационный контекст —
- интерпретация⁵⁰.

Таким образом, процессуальное понимание языковой деятельности неизбежно имплицитно подразумевает представления о знаке как о структуре, состоящей более чем из двух компонентов.

1.3.4 ЗНАК ЕСТЕСТВЕННОГО И ФОРМАЛЬНОГО ЯЗЫКОВ

В связи с описанными различиями в характере представлений о знаке как об элементе семиотической системы возникают разногласия по вопросу о необходимости различения знака естественного и формального (включая конвенциональные кодовые системы разного рода) языков.

В формальных языках как системах конвенциональных *ex definitio* вопрос о стабильности употребления знака предполагается решенным изначально, в силу условий функционирования самой системы. В качестве различий в строении знака естественного и формального языков описываются:

- отсутствие у формального знака иных компонентов, кроме имени и десигната (референта);
- отсутствие у формального знака полисемии;
- отсутствие у формального знака метафоричности⁵¹.

Эти положения характерны для сторонников процессуальных моделей языка и основаны на убеждении в том, что работу естественного языка нельзя описать той или иной систематической теорией (концепция бесконечности множества языковых игр).

Им противостоит логико-ориентированный подход к анализу значения в естественных языках, особенно в аристотелианской традиции, идущей в ее современном варианте от Д. С. Милля, считавшего грамматику "наиболее элементарной частью логики". В соответствии с этим подходом принципы и правила грамматики являются образцами, по которым формы языка получают соответствия с универсальными формами мышления. Эта точка зрения, как мы видели в § 1.1.2.1, получила развитие не только в общих, но и в специальных теориях языка. Методология последних, например, многим обязана концепции Г. Пауля, рассматривавшего лексические изменения как логические соотношения между прежним значением и появившимся новым.

В менее радикальной форме мысль об отсутствии принципиального различия между естественными и формальными языками высказывалась многими философами, логиками и лингвистами. В этой связи характерна точка зрения А. Чёрча, видящего такое различие лишь

⁵⁰ Nauta D. The Meaning of Information. The Hague — P., 1972. P. 28, 33-35.

⁵¹ Пиотровский Р.Г., Бектаев К.Б., Пиотровская А.А. Математическая лингвистика. М., 1977. С. 5-7.

в степени эксплицирования синтаксических и семантических правил и устранения неопределенности смыслов⁵². По мнению Д. Льюиса, специфика формального языка состоит для философа исключительно в том, что его закономерности могут быть эксплицированы с меньшими усилиями⁵³. Наконец, Г. Кюнг резонно замечает, что все возникающие в естественном языке явления смысловой расплывчатости и неоднозначности могут быть сняты помещением требуемого элемента в соответствующий контекст и резюмирует: "все, что вообще может быть сказано, может быть сказано на естественном языке"⁵⁴.

Вообще говоря, представляется ясной интуиция, согласно которой все семиотические системы представляют собой некоторые специализированные ответвления естественного языка, а неадекватность формального языка при передаче содержательного описания является обратной стороной специализации и связанной с ней точности. Исследователи, развивающие идеи теоремы Геделя, пришли к мысли о том, что формальный язык тем адекватнее в своем описании, чем ближе его структура к структуре описываемого объекта⁵⁵. Естественный язык, ввиду его исключительной разносторонности, сопоставим по сложности своей структуры с подлежащими описанию макроскопическими объектами (более того, способен описывать любые незнакомые объекты — например, создавать любые фантастические образы). Поэтому не существует *принципиальных* препятствий для снятия полисемии в естественном языке средствами самого этого языка, а следовательно, не существует принципиальных препятствий для использования естественного языка в качестве формального: эти препятствия носят технический характер (таким, например, представляется наложенный Д. Гилбертом запрет на интерпретацию⁵⁶) и не могут быть причиной выделения знаков формальных языков в такую отдельную категорию, для которой нельзя было бы установить семиотических и эпистемологических закономерностей, общих со знаками естественного языка.

С другой стороны, описанные различия касались не формализации вообще, но формализации по определенным основаниям, давно не являющимся единственными. Так, интуиционистская формализация придает исключительно большое значение содержательной стороне знания, которая создается конструктивной деятельностью нашего разума, и вообще не ставит задачу снятия языковой полисемии путем формализации (отказ от неограниченного применения закона исключенного третьего и т.д.)⁵⁷. Примером может служить следующая формулировка "трех методологических принципов интуиционистской грамматики":

1. Categorize what you can.
2. Do not categorize what you cannot.
3. Quasicategorize what you can⁵⁸.

Так называемые неклассические основания формализации знания сегодня представляют уже, во всяком случае, не маргинальный путь в развитии аппарата формальных теорий, позволяя некоторым исследователям утверждать, что общая тенденция переориентации логики с анализа языков математических теорий на естественный язык не вызывает никаких

---

⁵² **Church A.** The Need for Abstract Entities in Semantic Analysis. — Proceedings of the American Academy of Arts and Sciences, 1951 (80). P. 106.

⁵³ **Lewis D.** Convention. Cambridge Mass., 1969. P. 205.

⁵⁴ **Kung G.** Ontology and the Logistic Analysis of Language. An Enquiry into the Contemporary View on Universals. Dordrecht, 1967. P. 4.

⁵⁵ **Френкель А., Бар-Хиллел И.** Основания теории множеств. М., 1966. С. 364-379.

⁵⁶ **Клини С.** Введение в метаматематику. М., 1957. С. 57.

⁵⁷ **Dummett M.** Elements of Intuitionism. Ox., 1977.

⁵⁸ **Mäenpää P., Ranta A.** Intuitionistic Categorical Grammar. — In: Papers from the 2nd Symposium on Logic and Language. Budapest, 1990. P. 302.

сомнений⁵⁹ и что естественный язык способен служить источником новых логик и математик⁶⁰.

Поэтому для многих направлений исследований специальное категориальное различие, проводимое между знаками семиотических систем различного происхождения, может не быть необходимым. Синхронное статическое описание, вообще говоря, способно отвлекаться от такой дистинкции без потери результативности.

Но в то же время, поскольку абстракция формального языка и абстракция естественного языка — или абстракции языка, используемые общей (логико-философской) и специальной (лингвистической) теорией языка — очевидным образом отличны друг от друга, то представляется целесообразным для объяснения стабильности знаков естественных языков учитывать существенные (идентификационные) особенности лингвистической абстракции языка. Поскольку она предполагает рассмотрение системы языка в ее непрерывном развитии, постольку учет динамики значений означает применительно к семантической системе их генетический анализ. Сама же системность языка диктует выбор тех уровней языка, единицы которых могут выступать в качестве знака.

Вопрос о том, какой именно из элементов языка способен выступать в качестве знака, обычно ставится в зависимости от их "значимости", способности обозначать нечто за пределами языка. Так, еще Аристотель на самой ранней стадии теоретического обобщения поставил проблему "имени" как основной единицы языка в ключе противопоставления вне- и внутриязыкового значения этих единиц, разделив слова на две категории — "имена" (существительные и глаголы) и слова-связки (все остальные). С его точки зрения, только существительные и глаголы имеют внесистемное значение, в то время как другие слова принимают на себя лишь грамматические функции.

Дистинкция вне- и внутриязыкового значения единиц языка была актуализована в связи с развитием общей семантики; так, принято различать:

- "значение обозначения", относящееся к связи между языковыми элементами и внеязыковой реальностью, и
- "смысловое значение", подразумевающее систему связей между самими языковыми элементами и касающееся только внутрисистемных отношений⁶¹.

В основе языкового кодирования лежат именно значимые (несущие в себе дополнительную к внутриязыковой информацию) единицы. В соответствии с аргументацией "значимости" языковых элементов признается, что "подлинными значащими элементами языка являются последовательности звуков, оформленных в виде слов, значащих частей слов или словесных комбинаций"⁶².

Среди предельных единиц языковых уровней (фонема, морфема, слово, синтагма, предложение, текст) критерию значимости отвечают все, кроме фонемы, обладающей не смысловой, но лишь смыслоразличительной функцией. Представляется важным остановиться на причинах, затрудняющих, с такой точки зрения, рассмотрение в качестве языкового знака также морфемы, являющейся минимальным значимым элементом. Постановка проблемы в более широком горизонте, включающем формальные знаковые системы, показывает, что знак должен обладать внутренними качествами, делающими его пригодным для данной системы кодирования и для использования его субъектами коммуникации.

Слово (синтагма, предложение, текст) как знак располагает такими качествами, которые позволяют ему легко изменяться морфологически и сохранять при этом свою базисную

⁵⁹ Петров В. В., Переверзев В. Н. Обработка языка и логика предикатов. Новосибирск, 1993.

⁶⁰ Лекомцев Ю. К. Гипотеза и формальный язык описания. — В кн.: Степанов Ю. С. (ред.) Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 143.

⁶¹ Palmer F. Semantics. A new outline. Cambridge Mass., 1976. P. 30.

⁶² Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. — Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 43.

структуру, что представляется весьма важной закономерностью языковых систем. Слово легко принимает морфологические изменения, накладываемые на него правилами грамматики, но, что не менее важно, никогда не изменяется до неузнаваемости. Всегда в полученном результате можно распознать первоначальную (словарную) форму слова и ту морфологическую модификацию, которую слово получило. Это позволяет в каждый данный момент видоизменения системы следить за перипетиями каждого знака и за степенью его соответствия как первоначальной форме, так и смысловым нюансам. Рассмотрение в качестве знака морфемы вызвало бы сдвиг во всех построениях в сторону абстракции самого знака, его большей отдаленности от обозначаемого, его способности "оставаться самим собой" при всех грамматических трансформациях и, главное, в возможностях следить за операциями с обозначаемым явлением в процессе работы системы. По-видимому, в этом заключается еще одно характерное качество знака: с одной стороны, он должен быть достаточно удален от обозначаемого предмета, чтобы активно включиться в системные трансформации, а, с другой стороны, достаточно однозначно указывать на предмет, чтобы постоянно отражать обозначаемое в любых своих трансформациях.

В формальных системах уровни ниже лексического (или его аналога) обычно не выделяются. Помимо чисто технических причин, на это есть, видимо, и причины концептуальные. Формальный язык может быть, как правило, рассмотрен как метаязык по отношению к некоторому объектному языку. Но с метаописательной точки зрения морфема не может выступать в качестве предельной единицы объектной знаковой системы, поскольку является таким минимальным отрезком текста, на котором сохраняются сущностные признаки, характерные лишь для морфологического уровня языка. Этот уровень не может быть признан релевантным для описания функционирования языка как знаковой системы, т.к. синтагматика обращения морфем в речевых цепочках заранее исключает применение в метаописании принципа, согласно которому одному кванту обозначения соответствовал бы только один квант значения. Поэтому последовательно логико-ориентированные грамматики — например, система Ельмслева — оказались неприменимыми к описанию естественных языков.

С точки зрения лингвистической типологии формальные языки являются языками аналитического строя. Их индекс Гринберга (соотношение в тексте количества минимальных значимых отрезков, т.е. морфем, и количества словоупотреблений) равен единице; иными словами, термины формальных языков не содержат внутренних частей, конституирующих их значение таким образом, каким это происходит с терминами естественных языков, состоящими более чем из корня. Как правило, они не содержат также флексий. Возможно, снятие полисемии в формализованных языках связано именно с редуцированием морфологии, обеспечивающим, таким образом, прозрачность композиционных смыслов в сложных знаках (синтагмах, предложениях, текстах), и, за счет этого, однозначность контекстов — которая, в свою очередь, ставит более жесткие ограничения возможным вариантам интерпретации.

Поэтому языковым знаком следует, при подобном рассмотрении, признать не только не всякую предельную единицу языковых уровней, но и не всякую значимую единицу языка, а лишь обладающую некоторой внутриязыковой автономностью. Причем дело тут не в "самости" или "самоидентичности" этой единицы, но в ее формальной полноте, цельнооформленности, функциональной внутрисистемной нагруженности. Значимость знака, таким образом, заключается не только в его способности указать на предмет, но и в его способности сообщить нечто об этом указании, о его характере и/или связи с другими указаниями.

Таким образом, знак выступает линейной единицей языка, которая может быть употреблена отдельно от других единиц речи без потери своей референции. В современной лингвистике этому соответствует понятие "высказывание", определяемое чисто формально как "речевое проявление, способное выступать самостоятельно, т.е. между двумя главными паузами; ... покрывающее такие речевые проявления, как словоформа, словосочетание, предложение,

фраза, период, абзац и т.д.", где словоформа — минимальное высказывание, не содержащее других высказываний⁶³. Эта дефиниция восходит к позиции Л. Блумфилда, определившего слово как минимальную свободную форму, а морфему — как несвободную, связанную форму. Признак свободы/связанности проверяется возможностью языковой формы (единицы) быть самостоятельным высказыванием. Поэтому термины "знак" и "высказывание" будут далее пониматься как синонимы.

Определение знака, учитывающее все описанные выше особенности, может выглядеть, например, так:

знак — это феномен, представленный носителем знака и представляющий в языковом коллективе как в сообществе интерпретаторов некое содержание, которое заменяет означаемое в речевой деятельности для достижения определенной цели в определенном контексте.

Цель и контекст выступают в качестве интерпретанты, представляющей собой тот (новый) знак или знаки, которые рождаются в языковом сознании на базе исходного знака или оказываются с ним связанными, т.е. которые включают знак в цепочку знаков. С такой точки зрения, знак не существует ни вне системы знаков, ни в отсутствие интерпретатора, который интерпретирует знак с помощью семиотического кода, используя определенную интерпретанту знака или создавая на основе кода новую. Интерпретация при этом оказывается связанной со всеми компонентами коммуникационного акта.

В то же время такое определение не противоречит представлениям соссюринского круга, но, напротив, развивает на новом уровне ключевые для них положения о системном характере и контекстуальной детерминации знака.

1.4 ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ НЕПРОИЗВОЛЬНОСТИ ЗНАКА КАК ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ЕГО СТАБИЛИЗАТОРОВ

1.4.1 НЕПРОИЗВОЛЬНОСТЬ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА КАК СТАБИЛЬНОСТЬ ЕГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Постановка проблемы природы языкового знака — или, вообще говоря, проблемы значения, — как проблемы обусловленности связи между означаемым и означающим восходит к Соссюру, чья концепция знака является одной из наиболее влиятельных. Согласно ней, знак имеет немотивированную, произвольную природу:

означающее немотивированно, то есть произвольно (*indéterminé*) по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи⁶⁴.

В качестве факторов, *ограничивающих* произвольность знака в такой трактовке, в теориях языка описываются детерминативы двух родов: внутри- и внеязыковые.

В качестве внутренних обуславливающих факторов описываются синтагматические отношения в языке — внутренняя форма слова (именно в этом смысле Соссюр говорит, например, что в английском языке значительно больше немотивированного, чем в немецком⁶⁵), правильность предложения, композициональность значения предложения,

⁶³ Мельчук И.А. Согласование, управление, конгруэнтность. — Вопросы языкознания, 1993, №5. С. 17-18.

⁶⁴ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 101.

⁶⁵ Там же. С. 166.

связность текста и т.д.

К внешним детерминатам можно отнести закономерности употребления языка и его функционирования в обществе. Соссюр не рассматривал такие факторы в качестве обуславливающих отношение между означающим и означаемым (и вообще подлежащих рассмотрению теорией языка), отмечая как тривиальный факт невозможности изменения знака членом языкового сообщества по индивидуальному намерению. Между тем следствия из этого факта оказались плодотворными для разработки как общих философских теорий языка (ср. аргумент "индивидуального языка" у позднего Витгенштейна), так и специальных лингвистических дисциплин — сравнительно-исторического языкознания, ареальной лингвистики, социолингвистики и т.д. Результаты, полученные в этих областях, позволили Ю. С. Степанову вывести "фактически действующий в современной лингвистике" "постулат о пространстве—времени", ограничивающий произвольность языкового знака⁶⁶.

И отстаивая произвольность знака, и делая оговорки об относительности этой произвольности, Соссюр исходит из развиваемого им положения о том, что языковой знак связывает не вещь и ее название, а понятие и "акустический образ"⁶⁷ ("имя"). Тем не менее фактически единственный аргумент, рассматриваемый им в качестве возможного свидетельства в пользу детерминированности знака — это традиционный аргумент ономотопеи (в опровержении которого Соссюр не более чем повторяет Аристотеля), относящийся к "вещи", во всяком случае, не менее, чем к "понятию" о ней. В пользу же своей точки зрения о произвольности он опирается на соображения, имеющие форму "аргумента границы", т.е. касающиеся различий между языками и самого факта существования различных языков: означаемое "бык" выражается означающим *bœuf* по одну сторону языковой границы и *Ochs* по другую.

По мнению Ю. С. Степанова,

в словесной формулировке де Соссюр утверждал произвольность связи между означающим — означаемым в пределах одного языка, а на деле понимал ее как произвольность отношения знака в целом (с его двумя сторонами — означающим и означаемым) к предмету объективного мира и доказывал это наличием языковых границ — резких, дискретных различий языка в пространстве.

То, что связь между означающим и означаемым как двумя сторонами знака не является произвольной, было хорошо показано позднейшей критикой и в настоящее время не вызывает ни у кого сомнений. Более существенно показать, что языковой знак не произволен и в другом отношении — как целое (состоящее из означающего и означаемого) в его отношении к объективному миру...

Новый постулат утверждает: произвольность знака в его отношении к объективному миру сильно ограничена в силу того, что не существует категории дискретной языковой границы: языковые различия в пространстве, на разной территории, тождественны языковым различиям во времени, на одной территории; существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени — пространстве⁶⁸.

Следует тем не менее заметить, что Соссюр не оперировал категорией "объективный мир". Более того, он вообще избегал в теории языка заключать о внешнем по отношению к языку мире. Так же, как и аргумент ономотопеи, "аргумент границы" относится к представлению о предмете не менее и не более, чем к самому предмету; в отличие от аргумента ономотопеи, о нем можно сказать даже, что он в равной степени не относится ни к тому, ни к другому.

⁶⁶ Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. С. 303.

⁶⁷ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. С. 99.

⁶⁸ Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. С. 304.

Аргумент такой формы скорее признает знак некоторой автономной сущностью, наделенной особым способом бытия — или, еще скорее, сущностью, наделенной бытием с определенной очевидностью.

Эта "онтологическая сдержанность" Соссюра заметно отлична от теорий референции, помещающих предмет указания в центр дифференцированного, причинно обусловленного внешнего мира (зачастую "материального" или "объективного" мира). Последнее обстоятельство предстает связанным с широко описанными затруднениями, испытываемыми такими теориями по отношению к интенциональным контекстам, актуализующим "смысловое значение" языковых единиц; именно в направлении решения этих проблем развиваются теории такого типа. Хотя и отклонение реификации истинностных условий⁶⁹ не снимает этих затруднений, именно онтологический статус отсылки к предмету указания остается стержнем проблемы референции как проблемы значения.

Различные усовершенствования, принимаемые расширенными теориями референции, в самом деле, выступают в роли стабилизаторов значения, поскольку ограничивают произвольность знака, причем именно в отношении его "значения обозначения", т.е. по отношению к обозначаемой им внешней вещи. Такие теории, как теория естественных родов Крипке — Патнэма, пытаются объяснить, каким образом, например, химическое соединение H_2O могло быть правильно обозначено еще до того, как стала известна его формула. В то же время последовательное развитие теорий референции в этом направлении ведет, как представляется, к неизбежному усложнению взглядов на структуру знака, усвоению процессуальных, конструктивных представлений.

Отсюда, в частности, видно, что попытки установить природу и степень обусловленности языкового знака внешними и внутренними факторами требуют уточнения самого понятия обусловленности. В самом деле, сегодня невозможно говорить о детерминации и детерминизме в том же смысле — и, соответственно, в тех же терминах, — что и во времена Соссюра.

Детерминизм как научная стратегия доказал свою универсальную плодотворность блестящей "академической карьерой" от Декарта почти до наших дней. Практически вся современная наука возникла в результате целенаправленного поиска детерминистских, физикалистских инвариантностей, объясняющих и предсказывающих наблюдаемые феномены. Таковой явилась бы и установка, прямо противоположная соссюровской. Результативность этой методологии традиционно была впечатляющей, поэтому в эпистемологическом отношении детерминистской парадигме, подразумевающей безальтернативную Вселенную, прощалось некоторое "злоупотребление доверием" субъекта, лишаемого возможности влиять на результаты событий. Детерминированный мир, где мы можем заключать о будущем, детерминированная причинная связь являются фундаментальными понятиями, "жестким ядром" исследовательских программ, актуальных и поныне, и прежде, чем отказаться от этой парадигмы в пользу новой, возникшей в результате развития физики, биологии, теории информации в XX веке, уместно задаться вопросом, будет ли новая стратегия работать лучше. В то же время эти последние результаты настолько весомы, что для дальнейшего использования прежней стратегии она должна быть существенно модифицирована.

Рассмотрение проблемы детерминизма, согласно сложившимся традициям, затрагивает весьма широкий круг тем; тем не менее понимание науки как знаковой деятельности выдвигает на первый план взаимодействие между инструментами разума и объектом исследования. Уяснение возможностей "орудий умственного труда" и ограничений этих возможностей, накладываемых их природой, фиксирует важные для эпистемологии черты современной научной ситуации.

Любое явление, способное стать объектом научного или философского рассмотрения, должно быть прежде всего как-то описано. Следовательно, обращение к проблеме "случайность vs. детерминизм" должно начинаться с анализа того языка, на котором осуществляется описание феномена. Даже лапласовский детерминизм есть прежде всего

⁶⁹ Davidson D. Truth and Meaning. — Synthese, 17 (1967). Pp. 304-323.

проявление убеждения в неограниченных возможностях языка научного описания. Таким образом, в современных дискуссиях вопрос о детерминизме касается скорее языка современной науки, чем устройства "объективной реальности" и связан с выразительными возможностями современных научных теорий⁷⁰. Последние же, по самой своей сути, являются детерминистскими. Собственно, описанное на формализованном языке — это уже детерминированное. "Случайное", "непредвиденное" и т.п. могут быть рассмотрены как негативные понятия, обозначающие то, для чего не нашлось места в нашем языке, что осталось невыразимым в нем. В этом случае сами понятия случайного и детерминированного имеют смысл только относительно описания событий на формализованном языке (или на языке, метаязык которого известен). Отказ от допущения об универсальном и бесконечном познающем субъекте ("третий мир" Поппера) дает нам новый вид знания, который иначе, оставаясь на позициях абстракции всеведения, мы бы не получили. При этом не происходит отказа от научной строгости и определенности, но устанавливается новый вид определенности, учитывающий особенности описания и интерпретации этого описания. Подобное признание современной наукой информативности случайного и непредвиденного перекликается с установкой обыденного сознания — возможно, наследующей упрощенное понимание сциентистской ориентации, — которая склоняет видеть в самом случайном и непредсказуемом нечто предопределенное и неслучайное, расшифровывать непредвиденное как знак. Это, в частности, свидетельствует о необходимости отделить изучение языковых знаков от изучения различных видов тел, которые способны функционировать в качестве знаков. Подлежащие семиотической интерпретации тела имеют различную природу и поддаются делению на три класса — тела, которые:

- 1) могут существовать в природе (например, метеорологические знаки, симптомы болезни и др.);
- 2) могут создаваться человеком для других целей (например, предметы одежды, постройки и др.);
- 3) могут специально производиться как носители знаков (например, слова и тексты).

Языковые знаки принадлежат лишь к классу 3), но тот факт, что они могут быть рассмотрены в более широком горизонте семиотических систем, напоминает о том, что субстанциональный характер знака, наличие у него собственного "тела" или "носителя" (vehicle) — такое же неотъемлемое свойство знака, как и передаваемое им содержание. Ч. Пирс писал в этой связи о том, что *signans* — воспринимаемо, осязаемо, тогда как *signatum* — схватывается разумом, постижимо, интерпретируемо (*intelligible*), или, как настаивал на этом Р. Якобсон, — переводимо (*translatable*)⁷¹.

Коды или семиотические системы, построенные с участием разных по своей субстанции знаков, воспринимаются по-разному и различаются по своему коммуникативному использованию: знак воспринимаем, но зрительный знак воспринимается не так, как слуховой, и т.д. Устная и письменная речь, демонстрирующие использование разных по своему типу знаков, обладают специфическими особенностями своей организации уже потому, что для графических знаков в принципе существует возможность использовать их зрительные и пространственные характеристики (двухмерность плоскости становится важным ориентиром в понимании текста, аналогичным образом зрительная закреплённость текста позволяет при необходимости возвращаться к любому месту текста, а шрифтовая разбивка иконически свидетельствует об иерархическом подчинении одной части текста другой; поэзия вообще может быть формально определена как фиксация текста на плоскости установленными способами и т.п.).

Таким образом, кроме сосюррианского подхода к знаку как к ментальному конгломерату, объединяющему акустический образ знака с понятием, возможно предположить, что знак

⁷⁰ **Amsterdamski St., Atlan H. et al.** La querelle du déterminisme. Philosophie de la science aujourd'hui. Texte reuni par **Pomian Krz.** P., 1990.

⁷¹ **Jakobson R.** Selected Writings. V.II: Word and Language. The Hague — Paris, 1971. Pp. 274 — 275, 345, 565.

сочетает не две ментальных сущности, а феноменальную с трансцендентной — со закононосителем, по основанию которого, в частности, производится интерпретация знака. Некоторые возможные пределы интерпретации задаются этим внешним по отношению к сознанию "телом знака". Устройство знака в таком случае объясняется и

- (i) соотношением с неким объектом вне знака или же его референтом, и
- (ii) его внутренней организацией, внутренним строением.

Так, Р. Якобсон показывает, что классификация знаков может быть построена не только на учете соотношения разных типов знаков с объектами вне знака, но и зависима от того, как тело знака определенной природы репрезентирует свое содержание, т.е. от того, как соотносятся между собой *signans* и *signatum* знака. Развивая эту интенцию, Якобсон продемонстрировал наличие в языковой системе не только идеальных знаков-символов, но и обязательное присутствие в ней индексальных знаков (шифтеров), а также иконических знаков и явлений так называемого диаграмматического иконизма. Якобсон, комментируя Пирса, выделяет вслед за ним три типа знаков:

- 1) действие **иконического знака** основано на "фактическом подобии означающего и означаемого";
- 2) действие **индекса** — на "фактической, реально существующей смежности означающего и означаемого";
- 3) действие **символа** основано на "установленной по соглашению, усвоенной смежности означающего и означаемого"⁷².

Если иконический знак детерминирован своей внутренней структурой, то символ предстает детерминированным лишь внешней конвенцией; внутренне же символический знак произволен, случаен (*arbitrary*). Причем сложность языковой системы предстает при таком подходе не только как манифестируемая особой организацией знаков разного типа, но и как проявляющаяся в ее гетерогенности, наличии в разных ее участках индексов, иконических знаков и символов; различие трех основных классов знаков — это лишь различие в относительной иерархии. В основе разделения знаков на иконические знаки, индексы и символы лежит не всеобъемлющее наличие или полное отсутствие подобия или смежности между означающим и означаемым, равно как и не исключительно фактический или исключительно условный, привычный характер связи между двумя составляющими, а лишь преобладание одного из этих факторов над другими. Поэтому в классификации семиотик и самих знаков можно учитывать различные степени "знаковости"⁷³.

Классификация Пирса — Якобсона представляет альтернативу тезису Соссюра о немотивированности и произвольности знака⁷⁴. Представляется совершенно справедливым замечание Якобсона о том, что если бы работы Пирса были опубликованы тогда, когда он их написал (то есть до Соссюра), а не в 30-е годы, то все развитие наук о языке могло бы пойти по иному пути⁷⁵.

Таким образом, свойственные современной семиотике представления о знаке связаны с общей характерной чертой эпистемологических парадигм, актуализуемых современными исследовательскими программами: отказаться от противопоставления детерминизма и индетерминизма, трактовать их как взаимодополнительные подходы или инструменты человеческого познания и преодолеть ограниченность классического детерминизма, сняв противопоставление необходимости и случайности. Случайность, неопределенность, многозначность более не трактуются как показатель неполноты знания, некачественности нашей информации о предмете исследования; напротив, отказ от стремления исключить их из картины мира означает терпимость (согласно принципу толерантности Карнапа — Хьюбнера) к альтернативности, дополнительности, вариабельности теорий.

Такой подход позволяет уйти от противопоставления необходимости и случайности как двух

⁷² Якобсон Р. В поисках сущности языка. — В кн.: Семиотика. М., 1983. С. 104.

⁷³ Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971. С. 82.

⁷⁴ Кубрякова Е. С. Возвращаясь к определению знака. — Вопросы языкознания, 1993, №4. С. 22.

⁷⁵ Якобсон Р. В поисках сущности языка. С. 103.

несовместимых онтологических абсолютов. Особенно (если не наиболее) продуктивным способом рассмотрения детерминированности явления оказывается поэтому рассмотрение детерминированности его описания и интерпретации этого описания. Детерминированность при этом важна не как причинная обусловленность, но как открытость описания для верификационных метатеоретических процедур, подразумевающих интерпретацию в более широком метаописательном контексте. В самом деле, будучи описанными, сингулярные факты уже тем самым получают онтологический статус и не нуждаются в дальнейшей реификации, а следовательно, не могут и не должны быть сравнены в онтологическом плане с чем бы то ни было, кроме себя самих. Единственной необходимостью, достаточной для их онтологичности, является необходимость быть описанными. Обратное предположение приводит к неразличению языка как метаязыка определенного уровня и языка как коррелята некоторой внеязыковой сущности — в то время как разведение этих понятий сущностно значимо для философского описания языка. Любая ментальная сущность, которая может быть присуща знаку, не является автономным содержанием сознания в том отношении, что ее присутствие не является независимым от окружающих условий. Поэтому если даже нам известно, что такое обладание понятием, мы не сможем объяснить словесное выражение этого понятия, обращаясь к ментальной ассоциации между ними двумя. При объяснении того, что такое для слов обладать соответствующим значением, мы скорее вынуждены описывать их употребление, не считая заранее известными выражаемые ими понятия. Описание, устанавливая то, что составляет знание этих значений, само покажет, в чем заключается обладание этими понятиями⁷⁶.

При таком понимании произвольность языкового знака может быть определена как

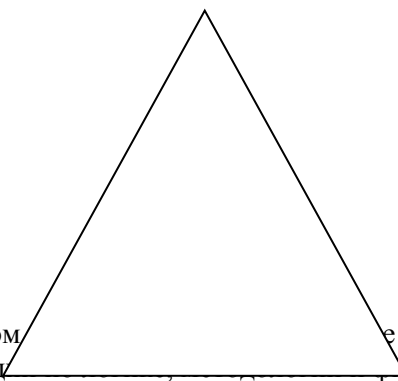
инвариантность интерпретации знака сквозь все возможные индивидуальные события его употребления.

Поэтому в этой связи — вне зависимости от того, предстает ли философия языка методологией лингвистики, методологией семиотики, или же пытается апеллировать непосредственно к обыденному языку, т.е. к индивидуальной языковой компетенции исследователей — корректнее, вероятно, говорить о произвольности знака не как о его детерминированности, а как о **с т а б и л ь н о с т и** его употребления, или о стабильности значения знака.

1.4.2 ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ ЗНАЧЕНИЯ

Допущение о том, что отражаемое в знаке приходит в язык не непосредственно из внешнего мира, а только через наше сознание, было схематически трансформировано в известный "базисный треугольник"⁷⁷, призванный в графической форме представить соотношение между именем, концептом и референтом.

Имя А

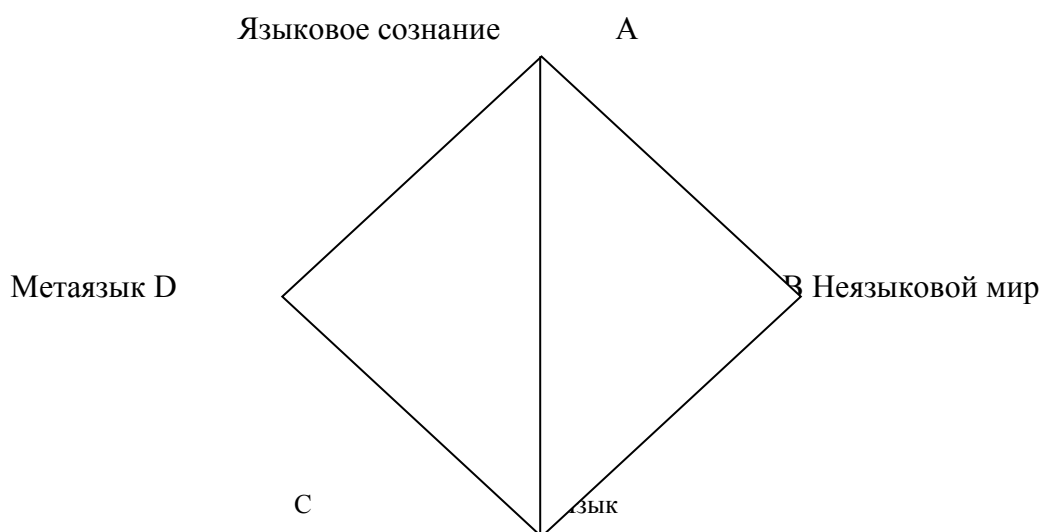

⁷⁶ Лебедев М. В. О метаязыковом употреблении знака как употребление". — Материалы XI Международной конференции по философии науки. М. — Обнинск, 1995. Т. 5. С. 64-65.

⁷⁷ Ogden C., Richards I. The Meaning of Meaning. L., 1923. P. 11.

Динамические модели учитывают, с одной стороны, актуализацию значения в процессе коммуникации, с другой — изменения в значении языковых единиц в связи с изменениями, которые претерпевают обозначаемые реалии во внешнем мире и, соответственно, с изменениями, происходящими в сознании носителя языка и языкового сообщества. Схема знака, позволяющая отразить эти интенции, должна быть более дифференцированной, включая две плоскости семантического значения: "смысловое значение" и "значение обозначения" (см. §1.3.4), где обозначение имеет дело со связями между языковыми элементами и внеязыковой реальностью, тогда как смысловое значение подразумевает систему связей между самими языковыми элементами и касается только внутриязыковых отношений.

Учитывающая эту семантическую дистинкцию схема языковой деятельности может выглядеть следующим образом:

Приведенная схема состоит из двух половин, представляющих два взаимосвязанных и взаимопроникающих аспекта речевой деятельности.

Площадь треугольника ABC представляет то, что было выше названо "значением обозначения", то есть оперирование данными о внеязыковом мире, отраженном в языке и через язык. Все, что субъекту речевой деятельности известно о мире, реальности (в том числе и о себе), включено в этот объем. В процессе коммуникации из этого корпуса знаний обычно бывает задействована лишь часть, касающаяся предмета сообщения; но эта часть находится под активным контролем, из нее черпается информация и, следовательно, все это воздействует на выбор лексических и грамматических средств, которые практически реализуют языковую коммуникацию.

Дополняющая это множество смысловая область, представленная треугольником ACD, включает все наши знания, явные и неявные, о том языке, на котором ведется речевая деятельность: все языковые единицы, известные говорящему, и все правила их употребления (синтаксические и прагматические). Знания о мире, проходя через эту область, получают языковую оболочку.

Обе области задействованы одновременно и работают, дополняя друг друга (линия AC).

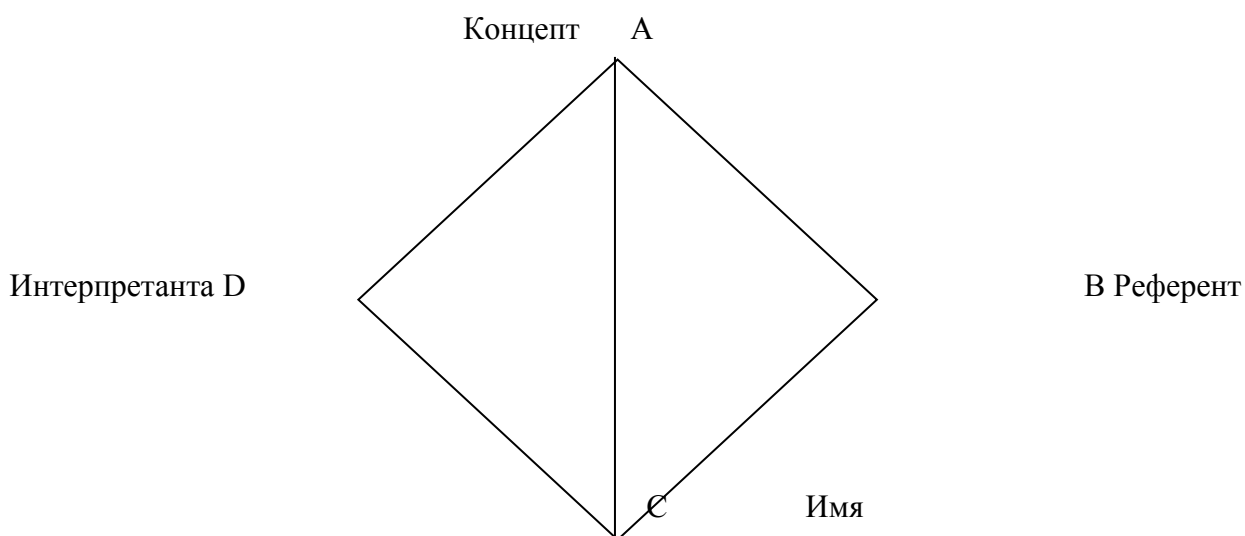
Говорящий обращается к обеим областям, как бы пропуская данные из двух источников по двум цепочкам: ABC и ACD; эти данные соприкасаются и дополняют друг друга. Обе области равнозначны для речевой деятельности, и сама речевая деятельность — результат их постоянного взаимодействия.

Значение языковой единицы может быть представлено как производное от этой схемы: знак получает значение из внеязыкового мира. Приобретение значения происходит не только за счет отдельной изолированной связи "означающее — означаемое", но в результате активного влияния всего корпуса знаний, имеющихся в распоряжении языкового сообщества. Иначе говоря, обозначение отдельной реалии не может оказаться актом, независимым от других реалий и человеческого представления о них. На это обозначение (и, следовательно, на появление новой языковой единицы) влияет вся картина мира. Наряду с этим на значение знака воздействует и лингвистическая компетенция, регулирующая внешнюю оболочку знака, правила его трансформаций и включения в синтагматические единицы разной длины. Кроме того, для успешного функционирования в качестве единицы языка знак должен быть понят, истолкован — а следовательно, он может быть рассмотрен со стороны наличия оснований для интерпретации.

В соответствии с этим в структуре знака выделяются минимум четыре компонента:

- имя, включающее внешний сознанию носитель знака и его ментальную репрезентацию ("акустический образ");
- референт;
- концепт (сигнификат) — смысл знака, подвергающийся интерпретации;
- интерпретанта, представляющая ассоциативные, прагматические и иные свойства знака, влияющие на его интерпретацию.

В этой связи (постольку, поскольку рассматриваются эти факторы) схема, представляющая речевую деятельность в целом, может быть рассмотрена и как схема значения языковой единицы.

Отнюдь не все знаки системы проходят оба показанных в схеме треугольника: в языке существуют знаки, созданные специально для оперирования его системой (функциональные слова, индексикалы). В этом случае их значение определяется исключительно правилами и законами смысловой сферы — метаязыка и концептуальных соотношенностей (линия AD). Эта область языковых взаимодействий не получает отражения в схемах, проецирующих языковые знаки только на внеязыковой мир. В то же время следует отметить, что ни одно обозначение внешних реалий из концептуальной схемы не проходит мимо формальной языковой нагрузки: любое слово должно быть оформлено по правилам языка (линия AC). Даже самые прозрачные ономотопеи приобретают свойства данной языковой системы. Основной смысл связи речевой деятельности с проблемой значения языковых единиц в том, что она позволяет подойти к значению слова с двух сторон: знаний о мире и знаний о языке. Операционные определения знака (внутрисистемные его отношения) следует рассматривать не как альтернативу к внесистемным отношениям, но как их дополнение.

Итак, отношения между всеми компонентами знака (все линии схемы) могут быть рассмотрены как в той или иной степени обусловливаемые различными вне- и/или внутриязыковыми факторами; представление о структуре знака может быть и дальше усложнено через более дробные анализы, в результате чего возрастет число усматриваемых компонентов, а соответственно и отношений между ними, и обусловливающих эти отношения **стабилизаторов**, под которыми в таком случае можно понимать

факторы, обеспечивающие некоторую инвариантность интерпретации знака за счет ограничений, усматриваемых в отношениях между его компонентами.

Вероятно, все они могут быть объектом не только специального, но и философского рассмотрения. Тем не менее той общей целью, которой будут подчинены все подобные анализы, является установление природы знака в его наиболее сущностном свойстве — свойстве обозначать предмет внеязыкового мира. Для более же полного и глубокого проникновения в эту природу важно удержать представление о знаке как об элементе работающей и развивающейся системы.

Если мы готовы признать, что в качестве стабилизаторов значения выступают *все* факторы, ограничивающие произвольность интерпретации знака, то вопрос может быть поставлен, например, так:

каково соотношение между различными типами стабилизаторов, описываемыми в теориях языка?

Такие стабилизаторы очевидным образом могут быть разделены на две группы: внутри- и внеязыковые. Первые определяют значение через ограничения, усматриваемые в отношениях между языковыми знаками как элементами системы языка; вторые делают это с помощью ограничений, устанавливаемых для отношения языковых знаков к обозначаемым ими предметам внешнего мира.

I. В соответствии с лингвистической абстракцией языка отношения между языковыми знаками как элементами системы языка предстают связанными с идеями системного характера значения, признания зависимости значения знака от его окружения и внутренней формы. Вместе с тем они могут быть рассмотрены двояко: как отношения между элементами грамматической, лексической и т.д. системы единиц языка и как отношения между элементами порождаемых с помощью этого языка текстов (речи), т.е. языковыми выражениями. Например, А. А. Потебня утверждал:

Спрашивается, как... значение... возникает в течение веков при столь слабой поддержке со стороны звука? В одном слове это и невозможно, но одного изолированного слова в действительности и не бывает. В ней есть только речь. Значение слова возможно только в речи. Вырванное из связи слово мертво, не функционирует, не обнаруживает своих лексических, ни тем более формальных свойств, потому что их не имеет... Слово *конь* вне связи не есть ни именительный, ни винительный ед., ни родительный множ.; строго говоря, это даже вовсе не слово, а пустой звук⁷⁸.

Наконец, эта дихотомия может быть проведена несколько иначе — и, вероятно, наиболее полно — через различение статического и динамического способов представления языка.

A. Внутриязыковыми статическими стабилизаторами значения могут быть признаны синтагматические отношения в языке — внутренняя форма слова, правильность предложения, связность текста и т.д. — в той степени, в которой они представляют семантические правила (композициональность значения). В этом случае, например, значение слова *трубочист* определяется значениями составляющих его морфем.

B. Внутриязыковыми динамическими стабилизаторами значения могут быть признаны синтагматические (а отчасти и парадигматические) отношения в

⁷⁸ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1. С. 41-42.

языке в той степени, в которой они представляют правила функционирования языка (смысл как результат некоторого процесса). Процесс употребления знака отражается в том факте, что знак происходит от других знаков. В этом случае значение слова *трубочист* определяется значением выражения *чистит трубы* (или *тот, кто чистит трубы*), послужившего основой номинации. Сюда же относятся все виды переносов значений, их этимология и вообще все виды семантической деривации.

II. К внешним стабилизаторам можно отнести закономерности употребления языка и его функционирования в обществе. Они рассматриваются, с одной стороны, теориями, актуализующими социальные или бихевиористские аспекты употребления языка; с другой, аналитическими теориями, возникшими в значительной степени из развития представлений о значении как о функции употребления знака. В центре внимания таких теорий находится не столько даже процесс употребления, сколько сам факт "употребляемости" языка и следующая из него философская абстракция "обыденного языка".

Все эти теории рассматривают в качестве фактора, стабилизирующего значения языковых выражений, конвенцию, фактически действующую между членами языкового сообщества.

Внутриязыковые стабилизаторы значения регулируют ту произвольность знака, которая, по мнению Ю. С. Степанова, была хорошо показана специальными исследованиями и "в настоящее время не вызывает ни у кого сомнений". Она действительно настолько хорошо показана в лингвистике, что можно трактовать ее более точно, чем произвольность связи между означающим и означаемым как двумя сторонами знака. Разделение внутриязыковых стабилизаторов значения на статические и динамические позволяет предположить, далее, что эта дихотомия приложима и к внеязыковым стабилизаторам.

Конвенциональность значения как его внешний стабилизатор устанавливается для отношения знака к обозначаемому им предмету внешнего мира лишь по основанию употребления этого знака, где сам факт употребления (употребляемости) знака воспринимается как данность и служит отправной точкой, а не объектом анализа. Теории референции, явно или неявно признающие конвенцию источником значения, испытывают хорошо известные трудности с объяснением употребления языковых выражений в референциально непрозрачных контекстах. Как представляется, эти трудности могут быть рассмотрены как связанные именно с привлечением понятия конвенции для объяснения природы значения. Об этом свидетельствует, в частности, направление развития теорий референции в сторону увеличения внимания к онтологии указания (теория родовых терминов) как к более глубокому источнику значения — которое затем конвенция лишь фиксирует. В таких случаях может утверждаться, что значение, выполняя указательную функцию, соотносит звуковой комплекс с понятием, которое тем или иным способом существует вне и помимо знака, и при этом, возможно, возникает в сознании носителей языка еще до того, как они конвенционально закрепили за данным понятием особый звуковой комплекс. Предстоит исследовать, насколько такие представления продуктивны для разрешения проблем, связанных с рассмотрением понятия конвенции в качестве стабилизатора значения.

2. ЯЗЫКОВАЯ КОНВЕНЦИЯ

2.1 ОБЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КОНВЕНЦИИ

Представление о том, что языковые знаки функционируют как бы по некоторому соглашению об их использовании, вызвано к жизни фактом низкой (обычно с трудом прослеживаемой или вообще не наблюдаемой) иконичности знаков естественного языка. Последние не похожи на обозначаемые ими вещи; с определенной точки зрения

представляется естественным предположить, что они могли бы быть использованы для обозначения чего угодно, и мы — те, кто их использует — в действительности некоторым образом сделали так, что они обозначают именно то, что они (в действительности) обозначают, потому что так или иначе мы пришли к пониманию того, для обозначения чего мы их используем. Иными словами, ситуация действительного использования знаков естественного языка может быть рассмотрена как имеющая форму ситуации существования соглашения об их использовании, действующего между членами языкового сообщества. Мы могли бы с тем же результатом использовать эти слова иначе, или использовать другие слова, как это делают члены других языковых сообществ; тогда ситуация была бы иной, но имела бы ту же самую форму. Более того: трудно представить себе, какую еще форму она могла бы иметь.

На вопрос, почему *соль* называется *солью*, не только не считаем нужным, но и не находим никакой возможности ответить. Единственное объяснение этого — "так говорят"⁷⁹.

2.1.1 МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНВЕНЦИИ

Признание конвенционального характера языковых значений свойственно не исключительно какой-либо одной философской школе, но является более или менее общим местом в объяснении природы значения. В то же время основания, по которым оно может быть оспорено (и было оспорено, например, У. Куайном⁸⁰) достаточно очевидны.

Согласно Куайну, предполагаемые языковые конвенции не могут иметь форму эксплицитного соглашения. Если представить, что употребление языковых выражений (вообще говоря, естественного языка в целом) регламентируется соглашением, заключенным между членами языкового сообщества, то возникающий при этом вопрос таков: на каком языке велось бы обсуждение такого соглашения? Ведь такое допущение фактически уводит в дурную бесконечность.

Кроме того, мы достоверно знаем о себе, что мы никогда ни с кем не договаривались об употреблении выражений естественного языка. Мы также никогда не сталкивались с достоверным описанием факта заключения такого соглашения. Предложенное описание такого события было бы воспринято нами как метафора.

Итак, идея конвенции вызывает на уровне обыденной очевидности возражения двух родов:

1. опытное. Ни мы, ни другие люди не заключали такого соглашения.
2. теоретическое (модельное). Неясно, каким образом могло бы быть осуществлено заключение такого соглашения.

С такой точки зрения, мы не располагаем такой концепцией соглашения, которая позволила бы языку быть конвенциональным; мы можем констатировать, что ситуация действительного использования знаков естественного языка имеет форму ситуации существования соглашения об их использовании, но мы не можем сказать, в силу чего она имеет такую форму. Мы можем продолжать разделять такой подход, как и сам Куайн, но мы не приблизимся тем самым к лучшему пониманию языка. Поэтому даже продолжая использовать миф о языковой конвенции, мы должны иметь в виду, что в действительности речь идет о не более чем о регулярностях, наблюдаемых в нашем использовании языка, и это — все, о чем у нас есть основания говорить в этой связи.

Тем не менее разговор о более отвлеченном понятии, чем эмпирически фиксируемая

---

⁷⁹ **Потебня А. А.** Психология поэтического и прозаического мышления. — В кн.: **Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1. С. 110.

⁸⁰ **Quine W. V.** Two Dogmas of Empiricism. — In: **Quine W. V.** From a Logical Point of View. Cambridge Mass., 1953. 2nd ed. Cambridge Mass., 1961; **Quine W. V.** Word and Object. Cambridge Mass. — N.Y., 1960.

регулярность в употреблении знаков, оправдан уже в том отношении, что все члены языкового сообщества способны отличить правильное употребление от неправильного; правила, которым можно следовать, так или иначе существуют в сознании членов сообщества. Принятие этих правил, согласие им следовать может быть описано через разделение некоторого соглашения — подобно тому, как это происходит с формальными (искусственными) знаковыми системами, когда некоторое количество людей договаривается между собой о значении определенных знаков. Можно предположить, что значение знаков естественного языка также имеет форму *условного* значения.

Для формальных языков такое описание было предложено, например, К. Айдукевичем в концепции "радикального конвенционализма". Айдукевич вводит такие логические понятия языка, переводимости и т.д., которые не могут быть адекватными соответствующим понятиям лингвистики: он накладывает на них настолько жесткие ограничения, что для естественных языков они оказываются неприменимыми. Тем не менее они могут, с его точки зрения, рассматриваться как упрощенные схемы, идеализированные модели лингвистических объектов⁸¹.

Если понимать язык как систему выражений, наделенных значением, то для его однозначной характеристики необходимо и достаточно установить запас выражений, а также значения, принадлежащие выражениям в этом языке. С такой точки зрения, устанавливая значения выражений, мы тем самым устанавливаем возникающие между ними связи, на основании которых можно сформулировать некоторые правила употребления выражений, называемые правилами значения.

Рассмотрим два примера:

1. Если кто-либо, говорящий на русском языке, отказывается признать выражение "Треугольник имеет три угла", то мы с полным правом можем сделать вывод, что этот человек связывает со словами этого выражения не те значения, которые принадлежат им в русском языке. То же самое можно сказать, если кто-нибудь признает выражение "Иван старше Петра" и одновременно отрицает "Петр моложе Ивана", или же признает "Если А, то В" и предыдущий член этого выражения "А", но вместе с тем отрицает "В". Если мы пользуемся значениями, которые имеют слова этих выражений в русском языке, мы обязаны признавать выражения, вытекающие из первых.
2. Если кто-либо испытывает чувство боли и вместе с тем отказывается признать выражение "болит", то он связывает с этим словом не то значение, которое принадлежит ему в русском языке.

Отсюда можно установить следующие правила: только тот пользуется выражениями языка *L* в значении, которое они имеют в этом языке, кто всегда, находясь в ситуации *S*, готов признать выражение типа *T*. Такого вида правила Айдукевич и называет правилами значения языка.

Он выделяет три вида правил:

- 1) аксиоматические правила значения, указывающие те выражения, отрицание которых, независимо от ситуации, в которой это отрицание происходит, указывает на нарушение присущих данному языку значений;
- 2) дедуктивные правила значения, выделяющие пары выражений такого вида, что, признав первое выражение, нужно быть готовым признать и второе, если не нарушать значений, присущих словам данного языка;
- 3) эмпирические правила значения, ставящие в соответствие опытным данным определенные выражения, которые нужно признавать, чтобы не нарушать значений слов данного языка.

В приведенных выше примерах выражение "Треугольник имеет три угла" является аксиомой языка и подчиняется аксиоматическому правилу. Два последующих примера иллюстрируют дедуктивные правила, и, наконец, четвертый подчиняется эмпирическому правилу значения.

---

⁸¹ **Ajdukiewicz K.** O związkach składniowych między członami zdań oznajmujących. – In: **Ajdukiewicz K.** Język i poznanie. Vol. II. Warszawa, 1965. S. 344.

Таким образом, совокупность правил значения языка при наличии определенных данных опыта выделяет класс предложений этого языка вместе с суждениями, образующими их значения. Мы не можем их отрицать, не нарушая значений слов этого языка. К ним принадлежат:

- 1) предложения, являющиеся, в силу своей тавтологичности, аксиомами языка, признание которых не зависит от ситуации;
- 2) предложения, признавать которые нас вынуждают эмпирические правила значения при наличии определенных опытных данных;
- 3) предложения, которые можно вывести на основе дедуктивных правил из аксиом или высказываний, установленных с помощью эмпирических правил значения.

Выделение этих типов правил позволяет Айдукевичу ввести понятия связанного и замкнутого языка.

Связанный язык. Два выражения называются непосредственно связанными по смыслу в тех случаях, когда:

- оба входят в состав одного и того же предложения, продиктованного аксиоматическим правилом значения, либо
- оба входят в состав одного и того же предложения, продиктованного эмпирическим правилом значения, либо
- оба содержатся в одной и той же паре предложений, связанных дедуктивным правилом.

Если все выражения какого-либо языка нельзя разложить на два непустых класса так, чтобы ни одно из выражений первого класса не было непосредственно связано по смыслу с каким-либо выражением второго класса, то такой язык Айдукевич называет связанным языком. В противном случае язык будет несвязанным.

Замкнутый язык. Язык является открытым, если существует другой язык, содержащий все выражения первого с теми же самыми значениями, но в который входят также выражения, не содержащиеся в первом языке, причем по крайней мере одно из этих выражений непосредственно связано по смыслу с каким-либо выражением, содержащимся также и в первом языке. Язык, который не является открытым, называется замкнутым. Открытый язык беднее, чем соответствующий ему замкнутый. В открытом языке можно увеличить запас выражений, не изменяя их значения, и таким образом преобразовать его в замкнутый язык. Если же замкнутый язык дополнить новыми выражениями, то он перестанет быть связанным и распадется на два самостоятельных языка.

Система всех значений, принадлежащих выражениям замкнутого и связанного языка, составляет понятийный аппарат данного языка, а совокупность суждений, образованных из элементов этого понятийного аппарата и навязанных нам правилами значения на основе опытных данных, можно назвать картиной мира, связанной с этим понятийным аппаратом. Основной тезис радикального конвенционализма Айдукевич формулирует следующим образом:

..Все суждения, которые мы признаем и которые составляют нашу картину мира, не являются еще однозначно детерминированными опытными данными, а зависят также от выбора понятийного аппарата, с помощью которого мы отображаем данные опыта. Мы можем, однако, выбрать тот или другой понятийный аппарат, вследствие чего изменится и вся наша картина мира. Это значит, что, пока кто-либо пользуется некоторым понятийным аппаратом, данные опыта заставляют его признавать определенные суждения. Однако... он может выбрать другой понятийный аппарат, на основе которого те же самые опытные данные не вынуждают его больше признавать эти суждения...⁸² Вместе с изменением понятийного аппарата меняются и проблемы, которые мы решаем, опираясь на те

---

⁸² Ajdukiewicz K. Język i znaczenie. — In: Ajdukiewicz K. Język i poznanie. T. I. Warszawa. 1960. S. 175.

же самые опытные данные⁸³.

Практически в тех же терминах излагается, например, принцип лингвистической относительности Сепира — Уорфа, который будет рассмотрен ниже. Б. Уорф также утверждал, что "сходные физические явления позволяют создать сходную картину Вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем"⁸⁴. Формулировки Уорфа и Айдукевича почти дословно повторяют друг друга; но если Уорф строил обоснование своего принципа чисто эмпирически, то Айдукевич попытался дать его теоретическое доказательство. Для этого ему потребовалось понятие замкнутого языка, так как если язык представляет собой открытую систему, то его всегда можно дополнить таким способом, чтобы включить в него все слова и соответствующий понятийный аппарат другого языка. Картина мира оказалась бы зависимой от понятийного аппарата, но не от структуры языка.

Тем не менее естественный язык представляет собой открытую систему в том отношении, что он постоянно в процессе исторического развития изменяет свой лексический и грамматический состав. Поэтому, если бы даже Айдукевичу удалось обосновать корректность понятия замкнутого языка, то это понятие трудно было бы применить к естественному языку (например, воспользоваться им для подтверждения гипотезы лингвистической относительности).

Однако причины, по которым Айдукевич вскоре после создания своей концепции отказался от нее, были связаны с достижениями логики — прежде всего с появлением теоремы Тарского об истинности. Согласно Тарскому, понятие истинности непротиворечивой формализованной системы, охватывающей рекурсивную арифметику, неопределимо в этой системе. (И, далее, семантическая замкнутость языка является причиной семантических парадоксов.) По Айдукевичу же, об истинности картины мира, созданной в рамках замкнутого и связанного языка при помощи понятийного аппарата, принадлежащего этому языку, можно говорить, лишь используя этот понятийный аппарат.

Тем не менее, несмотря на подобную ограниченность этой попытки формализации, понятие конвенции применимо к ситуации употребления формального языка или другого искусственного кода хотя бы на уровне обыденного здравого смысла. Для каждой из таких ситуаций факт заключения соглашения является эксплицитным — например, язык эсперанто, дорожные знаки или таблица Менделеева. И именно это обстоятельство коренным образом отличает такой тип ситуаций от ситуации употребления естественного языка и затрудняет привлечение понятия конвенции для ее объяснения.

Единственный описанный случай заключения конвенции по поводу естественного языка — это изложенная в Библии история о соглашении Бога с Адамом об употреблении родовых терминов⁸⁵.

Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей.

Бытие 2:19

Вне зависимости от того, понимать ли этот текст метафорически или иным способом, в силу своей огромной ассоциативной нагруженности он представляет чрезвычайно содержательную модель номинации. Обеспечение стабильности знака предстает здесь онтологическим принципом, отношение к которому важно для любой возможной теории языка, поскольку она берется заключать об именах (знаках языка) как о соответствиях

⁸³ *Ibid.* S. 215.

⁸⁴ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960. С. 175.

⁸⁵ Второй прецедент создан языковым сообществом, локализованным в границах государства Израиль. Поскольку общественный договор был заключен о том же самом языке — иврите, то формально эта конвенция может быть рассмотрена как возобновление прежней.

вещей.

Прежде всего, здесь получает обоснование инструментальное понимание языка, лежащее в основе конструктивной парадигмы. Между языком и актом создания устанавливается связь, вооружающая человека некоторым полаганием, убежденностью по поводу сути, сущности, заложенных в каждом слове языка — той убежденностью, которую сегодня философы-аналитики называют "verbal belief". Наделение именами животных является актом творения — утверждением подлинного, актуального места человека в мировом процессе, символом контроля человека, поскольку номинация естественных родов конституирует некоторые идентичности способов существования различных частей мира.

Называя вещи, Адам делал их такими, каковыми им надлежало быть и каковы они есть сейчас. Имя становилось неотъемлемой принадлежностью и важнейшей органической частью называемого. В оригинальном тексте на иврите онтологичность описываемого акта номинации еще более очевидна: употребленное здесь в значении "имя" слово *hashem* означает также и "Бог". Дать имя в этом смысле означает придать Божественное начало, вложить Божественное содержание, конституирующее уникальность вещи в ее целостности и позволяющее идентифицировать вещь.

С такой точки зрения связь между вещью и ее именем не (или, по крайней мере, не только) выступает как нечто внеположное (данное) человеку, но определяется языковой деятельностью человека. Вместе с тем конкретность приведенной модели дает основания для реализующего это положение конвенционального подхода к анализу природы языка.

Содержание имени здесь ставится в зависимость от того способа, которым Адам употребляет это имя. Принимая этот способ, Бог тем самым заключает с Адамом соглашение о его дальнейшем употреблении. Имя является произвольно выбранным знаком, установленным в результате общего согласия конкретного языкового сообщества. Участие члена сообщества в языковом коммуникативном акте выражает его согласие на принятие соответствующего кода.

Приведенное описание предстает также и историей того, как Бог наделил Адама речью. Это первый случай произнесения Адамом слов; до этого он лишь слушал Бога. После того, как животные не проходят на роль "помощника, соответственного человеку", Бог создает второго человека — женщину, способную выступать в роли собеседника и поддержать языковую конвенцию. Имя ей также дает Адам, поэтому уже начиная со второго человека — первого *нового* члена конвенции — соглашение выступает для нового члена свершившимся фактом постольку, поскольку он может лишь принять его либо — с самыми саморазрушительными последствиями — отвергнуть⁸⁶, но не изменить преднамеренно его условия. Согласие Евы, в отличие от согласия Адама, уже не выражается волеизъявлением: оно внедряется необходимостью существовать внутри данного сообщества, принятым порядком вещей, традицией и образованием.

Поскольку необходимость принятия конвенции носит внеязыковой характер, постольку конвенция выступает внешним стабилизатором значения. Но поскольку необходимость следовать грамматическим (внутриязыковым) правилам также может быть рассмотрена как результат конвенции, постольку она предстает и внутренним стабилизатором. В связи с этим может быть задан следующий вопрос: о чем, собственно, заключено подразумеваемое соглашение? Что является предметом конвенции? Иными словами,

что значит "условиться об употреблении языковых выражений"?

---

⁸⁶ Последнее, впрочем, также может быть оспорено. Можно дать обет молчания, но нельзя запретить себе понимать речь других людей.

2.1.2 КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЕ-ИСТИННОСТНЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ЗНАЧЕНИЯ

Если мы считаем, что предметом конвенции является значение языковых выражений, то тем самым подразумевается, что мы уже знаем, что имеем в виду, когда говорим, что данное высказывание имеет данное конкретное значение. Но ведь именно для прояснения понятия значения мы и привлекаем представление о конвенции. Для размыкания намечающегося таким образом круга привлекаются — как и для определения значения в более широком рассмотрении, а не только в связи с конвенцией — внешние по отношению к языку феномены: намерения и цели говорящего, а также его убеждения, желания и т.д. Конвенция в таком случае призвана объяснять связь (или, скорее, управлять связью) между языковыми значениями, с одной стороны, и установками и действиями людей, описываемыми в лингвистических терминах, с другой.

Исходя из подобных соображений, Д. Дэвидсон выделяет три подхода к анализу понятия конвенции (возможны их любые комбинации):

1. теории, утверждающие конвенциональный характер связи произносимого предложения с намерениями говорящего или с какой-либо более общей целью;
2. теории, анализирующие конвенциональный характер каждого предложения (в том смысле, что буквальное значение каждого предложения, согласно Дэвидсону, не зависит от его скрытой цели);
3. теории, доказывающие наличие конвенции, связывающей конкретные слова с их экстенциональным или интенциональным значением⁸⁷.

По мнению Дэвидсона, с помощью конвенции можно связать значения употребляемых нами слов (то есть их буквальные семантические свойства, включая истинность) с той целью, для достижения которой мы их употребляем (например, для того, чтобы высказать истину)⁸⁸.

Дэвидсон предпринимает подробный разбор теорий конвенции, предложенных М. Даммитом (пункт 1) и Д. Льюисом (пункт 3), применительно к понятию коммуникативного намерения и приходит к следующему выводу:

Несмотря на то, что при помощи принципа конвенциональности мы можем описать одно из общих свойств языкового общения, этот принцип не дает объяснения, что же такое само языковое общение. ... нельзя с уверенностью утверждать наличие убеждений, желаний, намерений у существ, лишенных возможности пользоваться языком. Как убеждения, желания, намерения — это условия существования языка, так и язык является условием для их существования. Однако возможность приписания тому или иному существу убеждений и желаний есть условие для того, чтобы иметь с ним общие конвенции. ... конвенция не является условием существования языка. Поэтому я считаю, что философы, рассматривающие конвенцию как необходимый элемент языка, ставят все с ног на голову: на самом деле язык есть условие для выработки конвенций⁸⁹.

Говорить о том, что "на самом деле" вторая крайность лучше первой — и, в частности, оспаривать наличие у животных намерений и полаганий, не говоря уже о желаниях — можно, видимо, лишь в одном отношении: допуская, что конвенция позволяет нам принимать определенные утверждения за истинные в определенной ситуации. Дэвидсон следует здесь направлению анализа, предложенному, например, Даммитом:

...существует общая конвенция о том, что высказывание того или иного

⁸⁷ Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность. — В кн.: Горский Д. П., Петров В. В. (ред.) Философия. Логика. Язык. М., 1987. С. 214. (Davidson D. Communication and Convention. — Synthese, 59, 1984.)

⁸⁸ Там же. С. 221.

⁸⁹ Там же. С. 232-233.

предложения (за исключением особых контекстов) понимается как намерение высказать предложение, содержащее истину⁹⁰.

Понятие коммуникативного (или, возможно, декларативного) намерения используется здесь для экстерииоризации конвенционального значения, его выведения из "тумана внутреннего". Подобное стремление к большей определенности соответствует общей для современной философии языка тенденции перехода от автономного изучения семантического и прагматического аспектов значения к их совместному, целостному рассмотрению. Но в таком случае, поскольку мы признаем ту или иную связь значения выражения с условиями его истинности, постольку мы должны объяснить, каким образом истинность выражения может быть конвенциональна.

Здесь недостаточно обоснования конвенционального характера самой истины: представления такого рода ("унаследованные нами знания имеют бледно-серый цвет — они черны от фактов и белы от конвенций"⁹¹) не мешали Куайну выдвигать упоминавшиеся выше возражения против языковой конвенции.

Дэвидсон привлекает для объяснения Т-конвенцию Тарского, в соответствии с которой, как он считает, удовлетворительная теория истины для языка L должна полагать, что для каждого предложения s из L существует теорема формы " s истинно, если и только если p ", где " s " заменяется описанием s , а " p " — самим s (или переводом s на тот язык, совокупность всех тривиально истинных предложений которого единственным образом определяют объем понятия истины для его носителя, если L не является таковым). Отвлекаясь от собственно определения истинности, Т-конвенция воплощает нашу интуицию о том, как должно использоваться понятие истины применительно к языковым выражениям⁹².

По мнению самого Дэвидсона, его теория находится в рамках стандартной теории истины Тарского — или, по крайней мере, очень хорошо согласуется с ней. Тот вариант подхода Тарского, который принял Дэвидсон, стал настолько популярен, что его, по мнению С. Крипке, уже стали путать с исходным подходом Тарского⁹³.

В самом деле, предъявленное Дэвидсоном требование выводимости Т-утверждений формально совпадает с требованием, сформулированным Тарским для понятия истины в формализованных языках⁹⁴. Вместе с тем, по замечанию А. Л. Блинова, в условии-истинностных концепциях значения Т-утверждения призваны играть роль, в некотором смысле противоположную той роли, которую они играют в теории истины Тарского⁹⁵. Цель, которую ставил перед собой Тарский, заключалась в том, чтобы дать "содержательно адекватное и формально корректное" определение истины для формализованных языков. В условно-истинностной теории значения предикат "истинно" рассматривается как исходное, а не определяемое в рамках теории понятие. Предполагая, что понятие истинности уже задано предварительно, Дэвидсон использует построение Тарского для формулировки требований, предъявляемых к теории значения: если дано предложение S языка L , то утверждение о его значении вида " S значит P " может быть заменено соответствующим Т-утверждением. Тем не менее язык, о котором идет речь у Тарского — формальный, а не естественный язык, и, соответственно, его употребление регулируется *ad hoc*'овой, а не тотальной (по

⁹⁰ Dummett M. Frege: Philosophy of Language. L., 1973. P. 298.

⁹¹ Quine W. V. Carnap and Logical Truth. — In: Schlipp P. A. (ed.) The Philosophy of Rudolf Carnap. LaSalle, 1963. P. 406.

⁹² Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы. — В кн.: Грязнов А. Ф. (сост.) Аналитическая философия: избранные тексты. М., 1993. С. 155-156. (Davidson D. On the Very Idea of Conceptual Scheme. — Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. V. 47, 1974.)

⁹³ Kripke S. Is There a Problem about Substitutional Quantification? — In: Evans G., McDowell J. (eds.) Truth and Meaning. Ox., 1976. P. 325.

⁹⁴ Tarski A. The Concept of Truth in Formalized Languages. — In: Tarski A. Logic, Semantics, Metamathematics. Ox., 1956.

⁹⁵ Блинов А.Л. Семантика и теория игр. Новосибирск, 1983. С. 26.

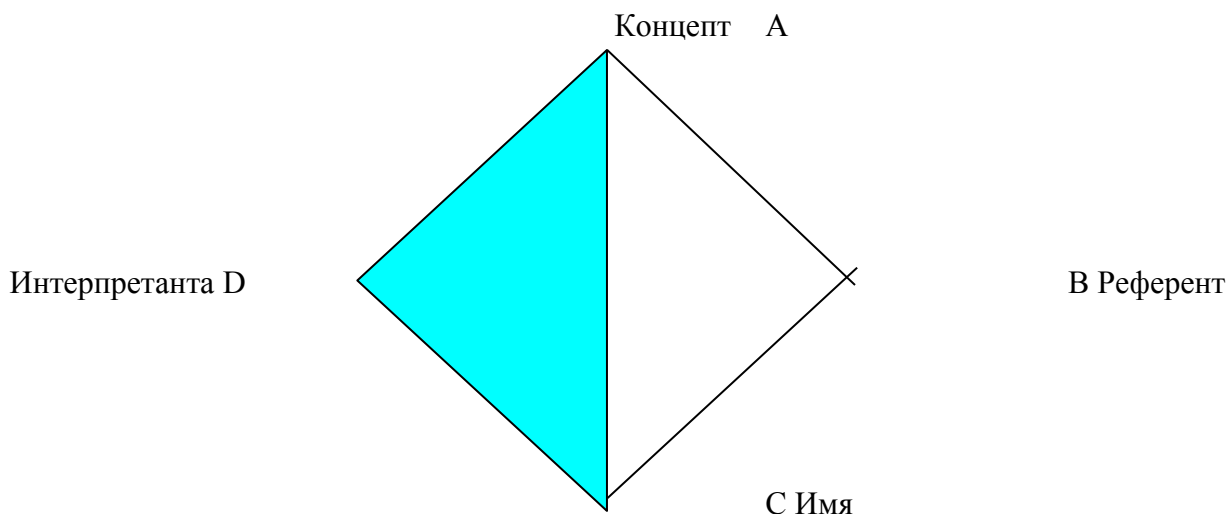
выражению Блинова), т.е. заключенной между всеми членами языкового сообщества, конвенцией. Последняя очевидным образом отличается по форме от первой: она не была заключена явно, не ограничена во времени и т.д. Поэтому уместно задать следующий вопрос: что происходит с Т-конвенцией при использовании определения истинности "в духе Тарского" для определения значения в естественном языке?

Если семантическая теория должна иметь форму теории, определяющей условия истинности (в соответствии с Т-конвенцией) для анализируемых предложений языка, то знание семантического понятия истины для языка L означает знание того, что означает для предложения S языка L быть истинным. Дэвидсон пишет:

Если мы характеризуем предложения только по их форме, как это делает Тарский, то возможно, используя методы Тарского, определить истину, не используя семантических концепций⁹⁶.

Вместо точного определения истина характеризуется конечным множеством аксиом. Теория значения при этом рассматривается в качестве системы утверждений, предназначенных ответить на вопросы об отношениях друг к другу языковых выражений, тогда как теория истины выступает в качестве теории указания, т.е. системы утверждений, предназначенных ответить на вопросы об отношениях языковых выражений к миру.

Таким образом, в соответствии с подобным подходом конвенция может быть признана управляющей значениями лишь аналитически истинных высказываний естественного языка — или, если заменить аналитико-синтетическую дистинкцию различием концептуальной схемы и наполняющего ее содержания (как это происходит, например, в концепции Сепира — Уорфа), управляющей интерпретацией высказываний. Т.е., если воспользоваться схемой, конвенция будет регулировать содержание области ADC, но не ABC.

Отсюда видно, что языковая конвенция не может служить *источником* референциальных значений выражений естественного языка. Тем не менее для рассмотрения конвенции в качестве фактора стабильности употребления языкового знака это положение, само по себе тривиальное, нуждается в дальнейшем (или, скорее, предварительном) прояснении. Каким образом могут быть конвенциональны основания употребления? Значения оказываются конвенциональны, по крайней мере, в некоторой своей части; как устанавливается эта часть? *Откуда она берется?*⁹⁷ Иными словами,

где пролегают границы языковой конвенции?

⁹⁶ Davidson D. In Defence of Convention T. — In: Leblanc H. (ed.) Truth, Syntax and Meaning. Amsterdam, 1975. P. 84.

⁹⁷ Lebedev M., Tchernyak A. Functional Bounds of Convention. — Proceedings of the 2nd European Congress of Analytic Philosophy. Leeds, 1996.

Попытаемся проанализировать, как работает понятие конвенции для обоих видов дистинкций: аналитико-синтетической и концептуальной схемы vs. содержания мира.

2.2 АНАЛИТИКО-СИНТЕТИЧЕСКАЯ ДИСТИНКЦИЯ

2.2.1 КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК АНАЛИТИЧЕСКАЯ ИСТИННОСТЬ

Аналитическая истинность представляет такой вид истинности, который устанавливается только на основе анализа логических и дескриптивных терминов предложений без привлечения эмпирических процедур и положений конкретных научных теорий. Очевидно, что невозможно, чтобы эмпирически (синтетически) истинное предложение было аналитически ложным: класс аналитически истинных предложений является собственным подклассом любого класса эмпирически и теоретически истинных предложений.

Хотя различие между аналитическими и синтетическими высказываниями до недавнего времени было принято большинством философов-эмпиристов за эпистемологически основное и считалось аксиомой⁹⁸, оно было подвергнуто сомнению Куайном как слабо обоснованная "догма эмпиризма".

Несмотря на то, что такие примеры подстановок в логические законы, как "ни один неженатый человек не женат", можно принять, не обращаясь к конкретным фактам, тем не менее то, что содержится в этом высказывании, — это, по мнению Куайна, скорее логическая истинность, а не аналитичность⁹⁹. Среди аналитически истинных предложений выделяется такой класс предложений, истинность которых устанавливается исключительно на основе анализа логических терминов и/или с использованием логических средств. В этом случае процедура проверки истинности предложения еще более упрощается, так как нет необходимости анализировать дескриптивные термины предложения. Такие предложения относятся к классу логически истинных (ложных) предложений. Так, истинностная оценка предложения "идет дождь, или неверно, что идет дождь" основывается на анализе смысла союза "или", который соответствует логической связке строгой дизъюнкции. Для выделения класса логически истинных предложений в семантике используется понятие описания состояния, которое восходит к возможным мирам Лейбница, где под описанием состояния понимается класс предложений, который содержит для любого простого предложения или само это предложение, или его отрицание, но не то и другое вместе, и не содержит никаких других предложений (Р. Карнап). В этом определении содержатся две существенные характеристики классического описания состояния — непротиворечивость и полнота. Используя это определение, можно сказать, что предложение является логически истинным, если оно истинно во всех описаниях состояний. В этом смысле логически истинные предложения не несут никакой информации и отличаются от других типов предложений, которые выделяют некоторые подклассы описаний состояний, где они получают семантическую оценку "истинно".

Основную трудность при этом представляют такие считающиеся аналитическими высказывания, которые хотя и не являются логическими истинами, но могут быть превращены в них путем замены одних синонимов другими, например: "Ни один холостяк не женат". Необходимое для подстановки понятие синонимии нуждается в разъяснении не меньше, чем само понятие аналитичности. Для выяснения понятий синонимии и аналитичности бесполезно обращаться к процедуре определения, так как определение само зависит от синонимии. Взаимозаменяемость *salva veritate* также не дает результатов, так как

⁹⁸ Хилл Т. И. Современные теории познания. М., 1965. С. 435. (Hill T. E. Contemporary Theories of Knowledge. N.Y., 1961.)

⁹⁹ Quine W. V. Two Dogmas of Empiricism. Pp. 22-24.

в высказывании "«Холостяк» содержит меньше десяти букв", конечно, нельзя заменить термин "холостяк" термином "неженатый человек", не изменяя значения истинности. Во всяком случае, в экстенциональном языке, в котором любые два предиката, истинные для одних и тех же объектов, взаимозаменяемы *salva veritate*, эта взаимозаменяемость *salva veritate* не является гарантией синонимии. Нет также никакой гарантии, что экстенциональное совпадение терминов "холостяк" и "неженатый человек" основано на значении этих выражений, а не на случайном, по мнению Куайна, факте, как это имеет место для экстенционального совпадения понятий "существо, имеющее сердце" и "существо, имеющее почки"¹⁰⁰.

Попытки спасти синонимию и аналитичность с помощью обращения к семантическим правилам искусственных языков рассматривают эти понятия как несводимые в их особых употреблениях и представляют, по Куайну, мало ценности с точки зрения действительного языкового поведения. Попытки же определить аналитическое высказывание в терминах верификационной теории значения как высказывание, которое подтверждается чем угодно, выглядят правдоподобно, поскольку истинность высказываний зависит, по-видимому, от различимых языковых и неязыковых компонентов. Но известно, что полное подтверждение любого индивидуального высказывания невозможно, и с такой точки зрения "бессмысленно — и является корнем многих бессмыслиц — говорить о языковом и фактическом компонентах истинности какого-либо индивидуального высказывания"¹⁰¹.

Фундаментальное исследование конвенции, предпринятое Дэвидом Льюисом¹⁰², следует именно в русле проблемы аналитичности в том виде, в каком она была поставлена Куайном. Льюис пытается полностью ответить на вызов Куайна и спасти конвенцию, реабилитировав аналитичность. Для этого он четко соблюдает разграничение внешних и внутренних по отношению к языку факторов. Льюис стремится объяснить, каким образом языковая конвенция может иметь форму неязыковой — описанной, например, Юмом как "взаимное осознание взаимного интереса".

По мнению Льюиса, существует два рода семантических теорий:

1. Один род семантических теорий анализирует истину, аналитичность и т.д. интерпретируемого языка в отвлечении от ситуаций его употребления, характеристик его носителей и т.д. Это — род семантики, представленный Фреге, Тарским и (большей частью) Карнапом. Его недостатками являются хорошо известные затруднения с референциально непрозрачными контекстами: неспособность различать коэкстенсивные выражения с различными значениями и неспособность описывать индексикальные особенности языка. Для разрешения этих проблем Д. Льюис предлагает рассматривать экстенциональные значения относительно возможного мира, времени произнесения, говорящего, и т.д.
2. Другой род семантических теорий анализирует истинность, аналитичность и т.д. относительно агента (говорящего) или множества агентов (языкового сообщества) — т.е., возможно, как *функцию от условий употребления языкового выражения*. Это — род семантики, представленный поздним Витгенштейном, П. Грайсом, Б. Скиннером, Куайном, Ч. У. Моррисом и (частично) Карнапом. Его недостатком является, по мнению Льюиса, "нежелание рассматривать больше чем одно языковое выражение одновременно"¹⁰³.

Это различие, по Льюису, не может быть описано через различие семантики формального vs. естественного языка. Оба рода теорий могут быть применены и к тому, и к другому; оба лучше работают на упрощенных фрагментах естественных языков (используемых в качестве формальных), чем на полных естественных языках.

Описанное различие используется Льюисом для ответа на критику аналитичности,

¹⁰⁰ **Ibid.** P. 30.

¹⁰¹ **Ibid.** P. 32.

¹⁰² **Lewis D.** *Convention*. Cambridge Mass., 1969.

¹⁰³ **Ibid.** P. 203-204.

выдвинутую Куайном. Согласно Куайну, аналитичность в смысле Карнапа такова: утверждение является аналитическим в языке L , если и только если оно истинно на основании семантических правил для L (причем исключительно на этом основании); при этом язык L — по крайней мере, если это искусственный язык — соответствует некоторому множеству семантических правил, определяющих условия истины. Куайн замечает:

Но таким же путем мы могли бы более просто рассматривать искусственный язык L как соответствие (ordered pair), вторым компонентом которого является класс аналитических утверждений этого языка; тогда аналитические утверждения L станут уточняемыми просто как утверждения во втором компоненте L . ...

Обращение к гипотетическим языкам искусственно простого вида могло бы очевидно быть полезно в освещении аналитичности, если ментальные, поведенческие или культурные факторы, релевантные для аналитичности — чем бы они ни являлись — могли бы так или иначе быть обрисованы в этой упрощенной модели. Но модель, которая рассматривает аналитичность просто как нередуцируемый признак, вряд ли прольет свет на проблему объяснения аналитичности¹⁰⁴.

Согласно Льюису, любой (а не только искусственно упрощенный, как для Карнапа) возможный язык в самом деле может быть представлен как соответствие, вторым компонентом которого является множество семантически правильных истинных предложений; но ментальные, поведенческие или культурные факторы при этом будут должны учитываться в самих правилах истинности. Собственно, это и есть то, что с ними происходит при их использовании для определения значения. Предположим, что мы вступили в общение с человеком, говорящим на непонятном для нас языке, и у нас имеется определение истинности, сформулированное в духе Тарского; можем ли мы в таком случае судить о применимости этого определения к данному языку? Если высказывание "Gwyn uw eira" является истинным на некотором возможном интерпретируемом языке в том и только в том случае, если снег бел, а некто Морган заявляет "Gwyn uw eira", то говорит ли он истину? Тот факт, что возможный рассматриваемый язык назван валлийским потому, что это — язык уэльсцев, не объясняет, что мы имеем в виду, когда говорим, что Морган сообщает истину на своем языке, или что мы имеем в виду, когда мы просто говорим, что Морган сообщает истину. Для объяснения того, что мы имеем в виду в этом случае, мы будем должны ввести некоторые ментальные и/или социально-бихевиоральные факторы.

Льюис формализует ситуацию, учитывающую эти факторы, с помощью семантики возможных миров. Технический аппарат семантики возможных миров привлекается в подобных случаях для обеспечения квантификации референциально непрозрачных контекстов, где понятие "возможный мир" представляет собой способ описания ситуаций или событий в реальности, альтернативных некоторому описанию "действительного мира". Используя фиксированную систему понятий (слов с фиксированным значением), мы описываем альтернативные универсумы. Считая, что некоторые предложения должны быть истинными просто из-за включаемых в них понятий и значений, а другие истинны благодаря тому, что происходит в мире, мы должны будем признать, что при описании возможных миров мы используем только предложения второго типа. Каждый из возможных миров содержит некоторое количество индивидов с определенными свойствами и определенными отношениями между ними; тогда квантификация таких выражений возможна лишь в том случае, если некоторый термин "а" выбирает из области индивидов действительных и возможных миров один и тот же индивид a . Для этой цели должна существовать процедура, которая позволяла бы осуществлять указание или "распознавание" индивида в возможных мирах. Согласно Льюису, носитель языка определяет аналитические предложения своего языка, определяя, который из возможных языков является его языком.

¹⁰⁴ Quine W. V. Two Dogmas of Empiricism. Pp. 35-36.

Конвенции здесь не создают и не отменяют фактические утверждения о том, что является возможным (или сами фактические возможности): конвенция членов языкового сообщества может выражаться лишь в выборе одного языкового выражения скорее, чем другого, для высказывания истины на основании фактов относительно возможных миров. Можно сказать, что "женатых холостяков" или "круглых квадратов" не существует в силу конвенции, но это будет означать, что в соответствии с соглашением не может существовать языковое выражение "женатый холостяк" или "круглый квадрат", а не что невозможно быть одновременно женатым и холостым или круглым и квадратным в соответствии с соглашением. Последняя невозможность не может быть конвенциональна.

Таким образом, аналитичность определяется Льюисом (вслед за Карнапом, связывавшим аналитичность, в духе лейбницеvской традиции, с методом описания состояния) как истинность во всех возможных мирах. Аналитическая истинность высказывания для агента *A* зависит как от фактов в возможных мирах, так и от языка *L*, который *A* использует. *L* зависит от конвенции, которую разделяет *A*. И эта конвенция — не что иное, как **регулярность в поведении, поддерживаемая заинтересованностью участников языкового общения во взаимной координации своих действий и их ожиданием, что другие будут выполнять свою часть соглашения, т.е. поступать так же**¹⁰⁵.

Вместе с тем привлечение технического аппарата возможных миров несколько усиливает модальность ситуации: в каком отношении вообще можно говорить о конвенциональности там, где истинность выражения устанавливается с необходимостью?

Вообще говоря, семантическое понятие аналитичности часто уравнивается (или смешивается) с эпистемологическим понятием априорности и метафизическим понятием необходимости. Понятие априорной истины — в том виде, как оно было введено Кантом, — представляет собой такую истину, которая может быть известна независимо от опыта. Необходимая истина, однако, является истиной несколько иного вида, а именно такой, которая не могла бы быть ложью. С определенной точки зрения представляется интуитивно ясным, что многое из того, что случается, могло бы и не случиться; и в этом смысле то, что истинно, не является необходимо истинным, и этот факт, собственно, не имеет отношения к состоянию нашего знания. При этом допущение о том, что все необходимое известно a priori, или что все известное a priori является необходимым, является подлежащим обсуждению тезисом, а не эквивалентностью в определении. Например, Крипке резко разделяет эпистемическую и метафизическую истину: он утверждает, что существуют контингентные априорные истины (истины о состояниях дел, которые не основаны на опыте), равно как и необходимые апостериорные истины (необходимые истины, которые мы обнаруживаем через опыт).

Одна из причин смешения необходимой и априорной истинности состоит в том, что, начиная с Лейбница, необходимое принято объяснять как нечто истинное во всех возможных мирах. С такой точки зрения, умозрительно рассматривая все возможные миры, мы должны быть способны видеть, необходимо ли истинно суждение, и знать это a priori. Однако можно было бы предположить, наоборот, что если нечто известно a priori, это должно быть необходимо истинно, потому что, будучи истинным a priori, это было известно без обращения к фактическому миру. Если бы истина зависела от некоторой контингентной особенности мира, то это не могло бы быть известно без обращения к миру; фактический мир мог бы быть одним из миров, в которых проверяемое суждение было бы ложно. Это, однако, предполагает, что любой способ знания о фактическом мире без обращения к миру является способом знания обо всех возможных мирах. Если мы теперь раскроем термин "аналитически истинный" в его обычном понимании, как "истинный в силу (своего) значения", то с такой точки зрения оказывается, что все аналитические истины необходимо истинны, но не наоборот. В этом отношении модель Льюиса также рассматривает аналитичность как нередуцируемый признак и не выходит из круга критики Куайна. Если сам способ отсылки к миру не является конвенциональным, то как мы можем уйти от

¹⁰⁵ Lewis D. Convention. P. 208.

жесткого логического детерминизма в трактовке значений? Но, с другой стороны, как может быть конвенциональна сама референция?

2.2.2 ИДЕНТИФИКАЦИЯ В РЕФЕРЕНЦИАЛЬНО НЕПРОЗРАЧНЫХ КОНТЕКСТАХ

Распространение Т-теорий на модальные и косвенно-речевые контексты, естественный язык в целом обнаружило их ограниченность, состоящую в том, что стандартная теория оказалась не в состоянии обеспечить указание в такого рода контекстах в силу нарушения принципа подставимости тождественного. Контексты с ложной подставимостью тождественного не подлежат квантификации и определяются как референциально непрозрачные: переменные в этих контекстах находятся не в указательных позициях.

Основанные на корреспондентной теории истины условно-истинностные концепции значения могут не оперировать понятием "смысл" или "значение", но, поскольку они стремятся к тому, чтобы их положения давали знакам верные референции — а это намерение равносильно требованию, чтобы они демонстрировали значение выражений, — постольку они содержат явную или неявную отсылку к "способу, которым дается референт" (Фреге), т.е. постольку такие концепции явно или неявно предполагают, что Т-теории могут предоставлять больше, чем сами по себе истинностные условия выражений, а именно, что они могут предоставлять истинностные условия в таком аспекте, который "показывает" или "отображает" значения выражений. Для этого может утверждаться, что в то время, как два выражения имеют один и тот же референт, подобно "Цицерон" и "Туллий", они имеют отличные друг от друга значения, так как выражения имеют различные режимы, или алгоритмы представления, т.е. они представляют референт "Цицерон/Туллий" различными способами. Поскольку "Цицерон" и "Туллий" имеют различные значения, то, например, в убеждениях кого-то, кто полагает, что Цицерон был лыс и что Туллий не был лыс, может не содержаться противоречия.

Традиционно возникающие в этой связи вопросы таковы: могут ли Т-теории работать с подобными интенциональными контекстами, т.е. представляют ли теоремы такой теории только референты выражений, или также и значения? Правая сторона Т-предложения отсылает к выражению слева: каков характер этой отсылки? Простое ли это указание или же эта ссылка может до той или иной степени показывать или отображать некоторое значение? Может ли это значение быть конвенционально? Если да, то каким образом?

Предполагается, что способность Т-теории отображать значения является наиболее важной при обсуждении вопроса о том, может ли Т-теория служить теорией значения. Для построения теории значения на основе теории истины следует определить некоторые условия адекватности, которые теория истины должна рассматривать для того, чтобы функционировать как теория значения, пригодная для интерпретации выражений языка ^{L¹⁰⁶}. В таком случае, если Т-теория предназначена служить теорией значения, то она должна быть Т-теорией такого вида, которая может отображать значения (смыслы). В противном случае следует отклонить условия адекватности.

Адекватная Т-теория для агента *A* будет содержать теоремы (1) — (2), но не теоремы (3) — (4).

- (1) "Цицерон лыс" — истинно ТТТ Цицерон лыс
- (2) "Туллий лыс" — истинно ТТТ Туллий лыс
- (3) "Цицерон лыс" — истинно ТТТ Туллий лыс
- (4) "Туллий лыс" — истинно ТТТ Цицерон лыс

Если агент *A* полагает, что Цицерон лыс, но не что Туллий лыс, то Т-теория, порождающая теорему (3), будет неправильно характеризовать семантическую компетенцию *A*. Опасность

¹⁰⁶ LePore E., Loewer B. Dual Aspect Semantics. — In: LePore E. (ed.) New Directions in Semantics. L., 1987. Pp. 83-112.

введения (3) в семантическую теорию для *A* состоит в том, что это ведет к неправильной атрибуции суждения в следующем виде:

(a) *A* полагает: "Цицерон лыс";

(b) *A* полагает, что "Цицерон лыс" — истинно (из (a) и допущения о рациональности *A*);

(c) *A* полагает, что "Цицерон лыс" истинно ТТТ, когда Туллий лыс (посредством гипотезы);

(d) *A* полагает: "Туллий лыс" (из (b), (c), и предположения о замкнутости выражения)¹⁰⁷.

Шаг (c) основан на предположении о том, что *A* фактически принимает за истину теоремы Т-теории. Это предположение исходит из того, что *A*, не обладая специальными семантическими познаниями, имеет тем не менее некоторые убеждения (по крайней мере, делает заключения) относительно теорем Т-теории определенного вида. Поскольку нельзя сказать, что *A* (не семантик) обладает отчетливым (осознающим себя) знанием относительно таких вопросов, то отсюда следует, что *A* должен обладать некоторым неявным знанием о (3).

Допущение о том, что введение (3) будет позволять нам выводить (d), требует обоснования важного предположения, задействованного в приведенном выше рассуждении. А именно, приписывает ли теорема (3) агенту больше семантических знаний, чем (1)? Ведь утвердительный ответ на этот вопрос в категориях корреспондентной теории истины означал бы, по сути, отказ от представления об аксиомах и теоремах Т-теории как о предложениях, изоморфных аксиомам и теоремам любой другой науки.

В самом деле, при рассмотрении предложений других наук (научных языков) способ представления классификаций (законов) не имеет для нас важности в том смысле, что мы не выводим, например, свойства атомов из названий элементов. Убеждение в том, что свойства атомов элемента не изменятся при переименовании элемента, как не меняются они при склонении и других изменениях названия элемента в процессе речи, характеризует позитивное научное знание в его наиболее существенных основаниях. И если мы пытаемся строить семантическую теорию на таких основаниях, то она не должна быть чувствительна к имени, которое мы даем семантическому значению, подобно тому, как экономические законы не чувствительны к разновидностям валют, а геологические — к названиям минералов и именам горных хребтов. Поскольку, далее, теория представляет собой разработанную структуру с большим числом следствий, постольку эти следствия должны включать как можно больше явлений. В традиционной теории истины к явлениям относится событие, фиксируемое Т-предложением; тогда, если теория истины строится по подобию научной теории, Т-предложения должны быть доказуемы.

В рамках условно-истинностной концепции значения может предполагаться, что Т-теории трактуются "дефляционным" способом — так, чтобы они не отсылали к объекту (предмету) или состоянию дел¹⁰⁸. Теория истины, которая приписывает возможные состояния дел или факты указательным предложениям, назначает одни и те же истинностные условия предложениям "Цицерон лыс" и "Туллий лыс". Тем не менее условно-истинностные теории значения вовсе не обязательно должны иметь такую форму: стандартная теория Дэвидсона отклоняет реификацию истинностных условий¹⁰⁹. Отсутствие отсылки к вещам не мешает таким условиям выполнять свою функцию — сертифицировать истинность предложений. Но и так называемые дефляционные теории не преодолевают основной трудности на пути отображения значения. Фундаментальная проблема здесь состоит в следующем: при использовании языкового выражения (например, русского языка) с правой стороны Т-предложения то, что утверждается с правой стороны, не может быть ни больше ни меньше, чем то, что утверждается этим языковым выражением. Вопрос тогда может быть поставлен так: о *разных ли вещах* идет речь в предложениях "Цицерон лыс" и "Туллий лыс"? Поэтому эта проблема свойственна не исключительно определенным видам Т-теорий, в которых полагается, что правая сторона Т-предложений отсылает к определенному состоянию дел;

¹⁰⁷ Ibid. P. 104.

¹⁰⁸ Ibid. P. 106.

¹⁰⁹ Davidson D. Truth and Meaning. — Synthese, 17 (1967). Pp.304-323.

скорее она вытекает из того факта, что для установления истинностных условий используется некоторый язык, и, поэтому Т-теория может отображать не более, чем то, что сообщается выражением этого языка, используемым для установления истинностных условий.

Но в том случае, если теоремы Т-теории являются частью языковых знаний говорящего, то способ, в котором это знание выражается, становится релевантным. В самом деле, если теоремы входят в языковую компетенцию агента, то они могут быть помыслены как встроенные в традиционный для рассмотрения в аналитической философии контекст вида "агент знает, что..." При том, что эти контекстные среды непрозрачны, использование теоремы (1) для характеристики семантических знаний агента может быть адекватным, но использование теоремы (3) — нет.

Поскольку эта среда непрозрачна, то теоремы (1) и (3) (и их непосредственно составляющие) не будут просто указывать на референты, но скорее будут содержать отсылку к интенционалам. Так как интенциональные значения (1) и (3) различны, то теоремы (1) и (3) будут в таком контексте выражать различные вещи.

Трудность здесь состоит в том, что поскольку среды, вызываемые обычным использованием контекстов вида "знает, что", непрозрачны — и, следовательно, случаи (1) и (3) могут различаться, — то отношение "А знает, что В", используемое в семантической теории, не является отношением, обозначаемым этим выражением повседневного языка, но скорее техническим отношением в абстрактной логико-ориентированной теории значения. Оно отличается от обычного отношения "А знает, что В" прежде всего тем, что учитывает "неявное знание" — знание, которое агент может не сознавать или не признавать. Не будучи семантиком, агент без сомнения не будет эксплицитно признавать (осознавать) большинство аксиом и теорем семантической теории, однако, согласно такой теории, агент все же будет соблюдать — и, таким образом, "знать" эти аксиомы и теоремы. Интенциональные обороты, выражающие такое отношение, были подвергнуты Дэвидсоном запрету для языка теории значения (например, следующего вида: "Интерпретатор языка *L* знает, что в данной теории утверждается, что..."¹¹⁰). Тем не менее нельзя отрицать, что при наличии таких радикально различающихся типов отношений, имеющих одинаковую форму "А знает, что В", интуиции относительно того, что выражается в обычной среде, неприменимы к теории значения.

Невозможно представить, что в среде, вызываемой техническим отношением, теорема (3) выражает что-либо отличное от (1). В частности, можно сказать, что агент, неявно знающий (1), должен таким образом неявно знать (3). Знания (1) и (3) выступают для агента способами знания друг о друге.

Предположим, однако, что мы откажемся от понятия неявного семантического знания и используем обычное отношение "А знает, что В" для характеристики семантической компетенции агента. Это позволяет утверждать, что теорема (3) выражает нечто отличное от (1). Но поскольку неискушенный в семантике агент может произвольно интерпретировать фактически любое выражение, содержащее семантическую терминологию, то запрет на неявное знание исключит из теории даже выражения вида "x указывает на y" или "x удовлетворяет P".

Поэтому семантические теории знаний агента о значении могут быть разделены следующим образом:

- а) Теории, использующие обычное отношение "А знает, что В", будут допускать, что теорема (3) выражает нечто иное, чем теорема (1), но они будут неадекватны для обеспечения дифференцированных (пригодных для описания естественного языка) семантических теорий.
- б) Теории, представляющие техническое отношение "А знает, что В" для допущения неявного знания, могут обеспечивать дифференцированные семантические теории, но в таких теориях неясно, что теорема (3) будет выражать нечто иное, чем теорема

¹¹⁰ Davidson D. Radical Interpretation. — *Dialectica*, 27 (1973). Pp. 313-327.

(1).

Следовательно, такая теория, которая отображала бы значение выражения, должна состоять:

- а) из теорем Т-теории;
- б) из теории выражений, используемых в Т-теоремах.

Очевидно, что такая теория более высокого порядка не является собственно Т-теорией: это — Т-теория, объединенная с теорией, обеспечивающей способ, которым агент представляет истинностные условия предложения, т.е. теорией, демонстрирующей (хотя и не отображающей непосредственно) значения выражений объектного языка.

Конвенциональный характер носят, соответственно, теоремы группы б), но не а).

Постоянство указания, таким образом, обеспечивается с помощью некоторой его интерпретации. Инвариантность интерпретации сквозь все возможные индивидуальные события употребления и представляет стабильность языкового знака как конвенциональность, регулируемую здесь способы представления истинностных условий. Различные способы представления истинностных условий, разработанные с целью обеспечить постоянство указания в рамках расширенных теорий референции К. Доннеланом, С. Крипке, Х. Патнэмом, М. Девином, Г. Эвансом, Р. Бойдом и другими, нашли отражение в дискуссиях по теории идентифицирующих дескрипций и теории терминов естественных родов. Способы представления истинностных условий, призванные прояснить использование понятия конвенции для объяснения значений естественных языков, могут (и, вероятно, должны) предполагать рассмотрение системы языка в ее развитии, что означает применительно к семантической системе учет динамики значений. Следовательно, использование понятия конвенции должно опираться на генетический анализ значений — которые именно в силу этого могут быть описаны конвенционально.

Позиция Куайна, с которой полемизировал Льюис, состояла в следующем: когда мы говорим о конвенции, то в действительности речь идет о не более чем о регулярностях, наблюдаемых в нашем использовании языка. Льюис дополнил понятие регулярности внеязыковыми факторами — "взаимным ожиданием" и т.д., и конвенция заработала как понятие, условно говоря, "формальной прагматики". Но в таком случае нуждается в разборе и сам *предмет регулярности*, включая *происхождение* этой регулярности. Так, в частности, если языковая конвенция должна иметь форму тотальной, она не должна быть ограничена во времени: языковые знаки должны одинаково интерпретироваться в любой момент. Это обстоятельство подчеркнуто Дэвидсоном:

Регулярность в данном контексте должна означать регулярность во времени, а не просто соглашение на данный момент. Чтобы конвенция (в понимании Льюиса и, я бы сказал, в любом понимании) могла иметь место, нечто должно повторяться во времени. Единственным кандидатом на то, чтобы быть этим "нечто", является интерпретация звуковых образов (sound patterns): и говорящий, и слушатель должны регулярно, намеренно и во взаимном согласии интерпретировать одинаковые звуковые образы говорящего одинаковым способом¹¹¹.

Условия истинности связываются Дэвидсоном с интерпретацией, и эта связь признается им конвенциональной. Аналитико-синтетическая дистинкция может быть заменена при этом различием концептуальной схемы и наполняющего ее содержания. В то время как первая модель требует различения в языке понятия и содержания, вторая предлагает вместо нее дуализм целостной схемы (языка) и неинтерпретированного содержания¹¹². Как на наиболее наглядный пример второй модели Дэвидсон ссылается на концепцию Сепира — Уорфа, согласно которой язык производит обработку, организацию и классификацию потока чувственного опыта.

¹¹¹ Дэвидсон Д. Общение и конвенциональность. С. 229.

¹¹² Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы. С. 148-149.

2.3 ДИСТИНКЦИЯ "СОДЕРЖАНИЕ МИРА VS. КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА"

Гипотеза лингвистической относительности Сепира — Уорфа представляет — здесь следует согласиться с Дэвидсоном — один из наиболее ярких примеров теорий конвенциональности значения, исходящих из противопоставления концептуальной схемы, на использовании которой основано описание, и наполняющего схему содержания "внешнего" мира, трансцендентного описанию.

2.3.1 ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ СЕПИРА — УОРФА

Гипотеза Сепира — Уорфа непосредственно связана с этнолингвистическими исследованиями американской антропологической школы. Формы культуры, обычаи, этнические и религиозные представления, с одной стороны, и структура языка — с другой, имели у американских индейцев чрезвычайно своеобразный характер и резко отличались от всего того, с чем до знакомства с ними приходилось сталкиваться исследователям в подобных областях. Это обстоятельство, по общепринятому мнению, и вызвало к жизни в американском структурализме представления о прямой связи между формами языка, культуры и мышления.

В основу гипотезы лингвистической относительности легли две мысли Эдварда Сепира:

- 1) Язык, будучи общественным продуктом, представляет собой такую лингвистическую систему, в которой мы воспитываемся и мыслим с детства. В силу этого мы не можем полностью осознать действительность, не прибегая к помощи языка, причем язык является не только побочным средством разрешения некоторых частных проблем общения и мышления, но наш "мир" строится нами бессознательно на основе языковых норм. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе, те или другие явления в зависимости от языковых навыков и норм своего общества.
- 2) В зависимости от условий жизни, от общественной и культурной среды различные группы могут иметь разные языковые системы. Не существует двух настолько похожих языков, о которых можно было бы утверждать, что они выражают такую же общественную действительность. Миры, в которых живут различные общества, — это различные миры, а не просто один и тот же мир, которому приклеены разные этикетки. Другими словами, в каждом языке содержится своеобразный взгляд на мир, и различие между картинками мира тем больше, чем больше различаются между собой языки.¹¹³

Речь здесь идет об активной роли языка в процессе познания, о его эвристической функции, о его влиянии на восприятие действительности и, следовательно, на наш опыт: общественно сформировавшийся язык в свою очередь влияет на способ понимания действительности обществом. Поэтому для Сепира язык представляет собой символическую систему, которая не просто относится к опыту, полученному в значительной степени независимо от этой системы, а некоторым образом определяет наш опыт. Сепир, по наблюдению Дэвидсона, следует в направлении, хорошо известном по изложению Т. Куна, согласно которому различные наблюдатели одного и того же мира подходят к нему с несоизмеримыми системами понятий. Сепир находит много общего между языком и математической системой, которая, по его мнению, также

регистрирует наш опыт, но только в самом начале своего развития, а со временем

---

¹¹³ Сепир Э. Грамматист и его язык. — Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993. С. 248-258.

оформляется в независимую понятийную систему, предусматривающую всякий возможный опыт в соответствии с некоторыми принятыми формальными ограничениями... (Значения) не столько обнаруживаются в опыте, сколько навязываются ему, в силу тиранического влияния, оказываемого языковой формой на нашу ориентацию в мире¹¹⁴.

Развивая и конкретизируя идеи Сепира, Уорф проверяет их на конкретном материале языка и культуры хопи и в результате формулирует принцип лингвистической относительности.

Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категориями и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном – языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию...

Это обстоятельство имеет исключительно важное значение для современной науки, поскольку из него следует, что никто не волен описывать природу абсолютно независимо, но все мы связаны с определенными способами интерпретации даже тогда, когда считаем себя наиболее свободными... Мы сталкиваемся, таким образом, с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем¹¹⁵.

Уорф придал более радикальную формулировку мыслям Сепира, полагая, что мир представляет собой калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашей языковой системой. Так, условия жизни, культура и прочие общественные факторы воздействовали на языковые структуры хопи, формировали их и в свою очередь подвергались их влиянию, в результате чего оформлялось мировоззрение племени.

Между культурными нормами и языковыми моделями существуют связи, но не корреляции или прямые соответствия... Эти связи обнаруживаются не столько тогда, когда мы концентрируем внимание на чисто лингвистических, этнографических или социологических данных, сколько тогда, когда мы изучаем культуру и язык... как нечто целое, в котором можно предполагать взаимозависимость между отдельными областями¹¹⁶.

Но главное внимание Уорф уделяет влиянию языка на нормы мышления и поведения людей. Он отмечает принципиальное единство мышления и языка и критикует точку зрения "естественной логики", согласно которой речь – это лишь внешний процесс, связанный только с сообщением мыслей, но не с их формированием, а различные языки — это в основном параллельные способы выражения одного и того же понятийного содержания и поэтому они различаются лишь незначительными деталями, которые только кажутся важными¹¹⁷.

Согласно Уорфу, языки различаются не только тем, как они строят предложения, но также и тем, как они членят окружающий мир на элементы, которые являются единицами словаря и

¹¹⁴ Sapir E. Conceptual Categories in Primitive Languages. — Science, 1931. Vol. 74. P. 578.

¹¹⁵ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. – В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960. С. 174 – 175.

¹¹⁶ Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. С. 168.

¹¹⁷ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. С. 170.

становятся материалом для построения предложений. Для современных европейских языков, которые представляют собой одну языковую семью и сложились на основе общей культуры (Уорф объединяет их в понятии "общевропейский стандарт" — SAE), характерно деление слов на две большие группы — существительное и глагол, подлежащее и сказуемое. Это обуславливает членение мира на предметы и их действия, но сама природа так не делится. Мы говорим: "молния блеснула"; в языке хопи то же событие изображается одним глаголом *rehpi* — "сверкнуло", без деления на субъект и предикат.

В языках SAE одни слова, обозначающие временные и кратковременные явления, являются глаголами, а другие — существительными. В отличие от них в языке хопи существует классификация явлений, исходящая из их длительности. Поэтому слова "молния", "волна", "пламя" являются глаголами, так как все это события краткой длительности, а слова "облако", "буря" — существительные, так как они обладают продолжительностью, достаточной, хотя и наименьшей, для существительных.

В то же время в языке племени нутка нет деления на существительные и глаголы, а есть только один класс слов для всех видов явлений. Таким образом, определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п. исходя из природы невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка¹¹⁸.

Языки SAE обеспечивают искусственную изоляцию отдельных сторон непрерывно меняющихся явлений природы в ее развитии. Вследствие этого мы рассматриваем отдельные стороны и моменты развивающейся природы как собрание отдельных предметов. "Небо", "холм", "болото" приобретают для нас такое же значение, как "стол", "стул" и др.¹¹⁹ Вопрос, таким образом, заключается в следующем:

от чего зависит тип деления?

Или:

почему мы классифицируем мир именно таким, а не иным способом?

Уорф утверждает не то, что членение явлений мира свойственно лишь языкам SAE, а то, что у языков, сильно отличающихся друг от друга, различна также система анализа окружающего мира, различен тип деления на изолированные участки. Он усиливает свой тезис тем, что подчеркивает влияние языковых норм не только на процесс мышления, но и на восприятие людьми внешнего мира. Это положение явно сформулировано Сепиром и взято в качестве эпиграфа в одной из работ Уорфа:

Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения¹²⁰.

Уорф исследует, каким образом категории пространства и времени фиксируются в языках SAE и хопи, и приходит к выводу, что хопи не знает такой категории времени, которая свойственна нашим языкам, тогда как категория пространства сходна в обоих случаях. Наш язык не склонен проводить различия между выражениями "десять человек" и "десять дней", хотя такое различие есть: мы можем непосредственно воспринимать десять человек, но сразу воспринимать десять дней мы не можем. Это воображаемая группа, в отличие от "реальной" группы, которую образуют десять человек. Такие термины, как "лето", "зима", "сентябрь", "утро", "рассвет", также образуют множественное число и исчисляются подобно тем существительным, которые обозначают предметы материального мира. Уорф считает, что в этом отражаются особенности нашей языковой системы, и называет такое явление "объективацией", поскольку здесь временные понятия утрачивают связь с субъективным

¹¹⁸ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. С. 177.

¹¹⁹ Уорф Б. Л. Лингвистика и логика. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I. С. 187.

¹²⁰ Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. I.

восприятием времени как "становящегося все более и более поздним" и объективируются как исчисляемые количества, т.е. отрезки, состоящие из отдельных величин, в частности длины, так как длина может быть реально разделена на дюймы. "Длина", "отрезок" времени мыслятся в виде одинаковых единиц, подобно, скажем, ряду бутылок¹²¹. Сравнивая выражение времени в языках SAE с хопи, Уорф отмечает, что множественное число и количественные числительные в языке племени хопи употребляются только для обозначения тех предметов, которые образуют или могут образовать реальную группу. Такое выражение, как "десять дней", не употребляют. Эквивалентом его может служить выражение, указывающее на процесс счета, а счет ведется с помощью порядковых числительных. Выражение "они пробыли десять дней" превращается в языке хопи в "они прожили до одиннадцатого дня" или "они уехали после десятого дня". Этот способ счета не может применяться к группе различных предметов, даже если они следуют друг за другом, ибо и в таком случае они могут объединяться в группу. Однако он применяется по отношению к последовательному появлению одного и того же человека или предмета, не способных объединиться в группу. "Несколько дней" воспринимается не как несколько людей, к чему склонны, по мнению Уорфа, наши языки, а как последовательное появление одного и того же человека¹²². Уорф считает необоснованным тот взгляд, согласно которому хопи, знающий только свой язык и идеи, порожденные культурой своего общества, должен иметь те же самые понятия времени и пространства, которые имеем мы и которые вообще считаются универсальными.

Понятие "времени", свойственное языкам SAE, и понятие "длительности" у хопи, по мнению Уорфа, различны. Вместе с тем он настойчиво подчеркивает, что особенности языка хопи нисколько не препятствуют им правильно ориентироваться в окружающем мире. Более того, по его мнению, этот язык ближе к современной науке — теории относительности и квантовой механике, — чем индоевропейские языки, которые дают возможность воспринимать вселенную как собрание отдельных предметов, что наиболее характерно для классической физики и астрономии.

В работах Уорфа рассматриваются главным образом фундаментальные представления — категории субстанции, времени, пространства, т.е. как раз те, которые, как можно предположить без привлечения дополнительных допущений, с наибольшей вероятностью должны были бы являться общими для всех людей. Поэтому, когда языки фиксируют в своих элементах понятия субстанции, времени и пространства, то в этих элементах исследователь с наибольшей вероятностью может обнаружить общее содержание. Уместный здесь вопрос может быть сформулирован так: о чем идет речь в таком обсуждении — о категориальной структуре человеческого мышления или о конкретном содержании соответствующих понятий? Если мы считаем, что категории являются формами мышления, то должны будем признать, что у нас нет оснований считать возможным "непредметное" мышление, не связанное с представлениями о предмете и его свойствах (которые навязываются нам категориями субстанции и акциденции). Точно так же вряд ли возможен естественный язык, лишенный всяких выразительных средств, позволяющих мыслить в нем качественно-количественные или пространственно-временные характеристики предметов¹²³. Единственный пункт в работах Уорфа, ставящий под сомнение "предметность" мышления, — утверждение, что в языке племени нутка нет деления на существительные и глаголы, а есть только один класс слов для всех видов явлений, — оставляет много неясностей. Сепир, напротив, настаивал на универсальности этого деления:

Какой бы неуловимый характер ни носило в отдельных случаях различие имени (существительного) и глагола, нет такого языка, который вовсе бы пренебрегал

¹²¹ Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку. С. 142.

¹²² Там же. С. 154.

¹²³ Васильев С. А. Философский анализ гипотезы лингвистической относительности. Киев, 1974. С. 25.

этим различием. Иначе обстоит дело с другими частями речи. Ни одна из них для жизни языка не является абсолютно необходимой¹²⁴.

Итак, исследования Уорфа ставят под вопрос всеобщность категорий мышления как *форм связи* некоторого мыслительного содержания.

2.4.2 КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ГРАММАТИКИ

Грамматические значения языковых единиц оказываются, с такой точки зрения, связаны с "членением" мира с помощью грамматических категорий. Например, в английском языке слово "волна" — существительное, а в языке хопи — глагол. Оно принадлежит к разным грамматическим категориям, и тем самым язык в первом случае "принуждает" нас рассматривать волну как предмет, а во втором — как действие. Ответить на вопрос "что такое волна — предмет или действие?" без обращения к грамматическим категориям того или иного конкретного языка, по мнению Уорфа, невозможно. В этом выводе, который он обобщает до значения принципа, и заключается, очевидно, суть всей концепции. Рассмотрим вопрос о роли грамматических категорий и связанных с ними грамматических значений.

В лингвистике принято различать грамматические и неграмматические значения, например, следующим образом. Значение называется грамматическим, если в данном языке оно выражается обязательно, т. е. всякий раз, когда в высказывании появляется элемент, значение которого может сочетаться с данным грамматическим значением; причем такие элементы образуют в языке большие классы и поэтому появляются в текстах достаточно часто. Если же некоторое значение выражается не обязательно и не появляется в текстах достаточно часто, то оно считается неграмматическим. С этой точки зрения значение числа в русском языке является грамматическим, так как всякое существительное обязательно имеет показатель числа — единственного или множественного. Грамматические правила русского языка вынуждают нас выражать это значение, независимо от того, считаем ли мы его существенным для сообщения или нет. Напротив, в китайском языке значение числа является неграмматическим: оно остается невыраженным, если нет нужды специально указывать число предметов, о которых идет речь. Значения, являющиеся грамматическими в одном языке, могут быть неграмматическими в другом. Более того, в соответствии с правилами того или иного языка может происходить принудительная категоризация грамматических значений (§ 1.2.2).

Можно предположить, что не всякое значение может быть грамматическим, так как трудно представить себе язык, в котором, скажем, различие между иволгой и сойкой выражалось бы грамматически. Обычно в качестве грамматических, т.е. подлежащих обязательному выражению, выступают более или менее абстрактные значения (времени, числа, деятеля, объекта, причины, цели, контакта, обладания, знания, ощущения, модальности, реальности, потенциальности, возможности, умения и т. п.). С лингвистической точки зрения представляют интерес те значения, которые хотя бы в некоторых языках являются грамматическими: именно они "входят" в структуру языка (правила кодирования сообщений), независимо от того, являются ли они в данном языке грамматическими или нет¹²⁵.

Считается, что язык тем совершеннее, чем меньше доля выражаемой в высказывании обязательной информации, вынуждаемой исключительно правилами кодирования, а не существом сообщаемого. Разбирая латинскую фразу *illa alba femina quae venit* ("та белая женщина, которая приходит"), Э. Сепир указывает, что логически только падеж требует в ней выражения; остальные грамматические категории или совершенно не нужны (род, число

¹²⁴ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. — Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. С. 116.

¹²⁵ Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966. С. 105-106.

в указательных и относительных словах, в прилагательном и глаголе), или же не относятся к существу синтаксической формы предложения (число в существительном, лицо и время)¹²⁶. Еще менее совершенен в этом отношении язык нутка. Грамматический строй этого языка вынуждает говорящего каждый раз, когда он упоминает кого-либо или обращается к кому-либо, указывать, является ли это лицо левшой, лысым, низкорослым, обладает ли оно астигматизмом и большим аппетитом. Язык нутка заставляет говорящего мыслить все эти свойства совершенно независимо от того, считает ли он соответствующую информацию существенной для своего сообщения или нет.¹²⁷

Глагольная система языка навахо резко отличается от обычной в европейских языках системы обилием категорий, описывающих все аспекты движения и действия.

Грамматические категории навахского глагола заставляют классифицировать в качестве разных объектов движение одного тела, двух тел, более чем двух тел, а также движение тел, различных по форме и распределению в пространстве. Даже предметные понятия выражаются не прямо, но через глагольную основу, и поэтому предметы мыслятся не как таковые, а как связанные с определенным видом движения или действия¹²⁸.

В этой связи можно допустить, что различие между иволгой и сойкой могло бы выражаться и с помощью грамматических значений. Если бы какое-нибудь племя знало только эти два вида птиц (или, по крайней мере, не очень большое их число), то в системе языка этого племени могли бы существовать такие глагольные окончания, одно из которых относилось бы глагол ("летит", "сидит", "клюет") к иволге, другое – к сойке, а третье – ко всем остальным предметам. В этом случае говорящий не мог бы сказать "летит", не указывая в то же время, что летит: иволга, сойка или что-либо третье — так же, как в русском языке мы не можем сказать "читал", не указывая одновременно, относится ли данное сообщение к существу мужского, женского или среднего рода: *читал – читала – читало*.

Рассмотренный пример свидетельствует в пользу того, что в принципе любые лексические различия могут быть выражены с помощью грамматических категорий и тем самым представлены в качестве грамматических значений в каком-либо — пусть лишь возможном — языке. Безотносительно к языку нельзя указать никакой границы между лексическими и грамматическими значениями.

Итак, язык, которым мы пользуемся и из круга которого можем выйти, лишь попадая в другой круг, предписывает нам соответствующую систематизацию и категоризацию мира. С такой точки зрения, языковая система априорна: она призвана организовать "калейдоскопический поток впечатлений"; синтез этого "чувственного многообразия" с языковой формой дает нам картину мира, которая может быть сходна с другими картинами только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем:

Определить явление, вещь, предмет, отношение и т. п., исходя из [их] природы, невозможно; их определение всегда подразумевает обращение к грамматическим категориям того или иного конкретного языка¹²⁹.

Грамматические категории и соответствующие им значения более консервативны и изменяются гораздо медленнее, чем лексика. Это приводит к тому, что новое содержание, зафиксированное в лексических значениях языковых единиц, начинает противоречить грамматическим значениям с которыми оно оказывается связанным. Мы, например, знаем, что молния — это не предмет, подобно столу, стулу и т. д., и тем более сама по себе она не имеет никаких родовых признаков, хотя слово "молния" в русском языке — существительное женского рода. Так, одни грамматические категории кажутся нам совершенно "искусственными", не соответствующими ничему в реальности, как, например,

¹²⁶ Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. С. 97.

¹²⁷ Сепир Э. Аномальные речевые приемы в нутка. — Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. С. 437-454.

¹²⁸ Hoijer H. Cultural Implication of Some Navaho Linguistic Categories. — Language, v.27, #2, 1951.

¹²⁹ Уорф Б. Л. Наука и языкознание. С. 177.

категория рода имен существительных для неодушевленных предметов в русском языке, другие же — "естественными", указывающими на способы существования внешней реальности: категория числа, категория времени для глагольных форм и т. д. Современному обыденному сознанию свойственно отличать реальную действительность от мыслимой и параллельно этому — лексические значения (понятийный состав мышления) от грамматических форм их выражения. Но таким обыденное сознание было не всегда. Например, древний грек еще почти не отличал своего мышления от реального существования, самого себя от природы вообще: миф был для него целостной, окончательной, реально существующей действительностью. Что же касается понятия и слова, то даже в гораздо более поздние времена их неразличимость, единство, доходящее до полного тождества, находило свое выражение в термине *λογος*, не имеющем точного аналога в современных европейских языках. Грамматические характеристики слова не отличались от его понятийного содержания и вместе с этим последним переносились на реальную вещь. В определенном отношении можно сказать, что некоторые грамматические категории современных языков являются памятниками минувших эпох в развитии человеческого сознания. Так, например, категория рода имен существительных может рассматриваться, по-видимому, как рудимент анимистического сознания наших предков, которым физические предметы представлялись одушевленными существами. Лексические и грамматические значения дополняют друг друга и только в своем единстве образуют картину мира, фиксируемую в данном языке. С этой "дополнительностью" мы сталкиваемся при переводах с одного языка на другой: одна и та же информация в одних языках фиксируется в лексических, а в других — в грамматических значениях (например, перевод с русского языка на китайский влечет трансформацию грамматических значения числа в лексические).

2.3.3 КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛЕКСИКИ

Наибольшее внимание конвенциональности лексики уделяют представители современного неогумбольдтианства, сторонники так называемой теории семантических полей — Л. Вайсгербер, Й. Трир и др.; с их точки зрения, лексический состав языка представляет собой классификационную систему, сквозь призму которой мы только и можем воспринимать окружающий мир, несмотря на то, что в природе самой по себе соответствующие подразделения отсутствуют. Содержащаяся в языке классификационная система вынуждает нас выделять в окружающем мире такие предметы, как "плод", "злак", и противопоставлять их "сорняку" с точки зрения их пригодности для человека. Мы выделяем "плод" и "злак" и противопоставляем их "сорняку" не потому, что сама природа так делится, а потому, что в этих понятиях зафиксированы различные способы, правила нашего поведения. Ведь по отношению к сорняку мы поступаем отнюдь не так, как к злаку. Это различие в способах нашего действия, зафиксированное словом, определяет и наше видение мира, и наше будущее поведение. Например, Уорф приводит ситуацию, в которой слово "пустой", примененное к порожним бензиновым цистернам, определяло неосторожное обращение с огнем работавших поблизости людей, хотя эти цистерны более огнеопасны из-за скопления в них паров бензина, чем наполненные.

Тезис о существовании в языке более или менее специфической классификационной системы обычно не вызывает возражений; вопрос в том, насколько велико влияние языка и содержащейся в нем классификационной системы на восприятие мира. Где доказательства тому, что от той или иной терминологии зависит, например, восприятие цвета? Как показали исследования самых разнообразных языков, спектр "распределяется" различными языками по-разному.

Проблема влияния лексики на восприятие содержит в себе минимум два вопроса:

- 1) может ли человек воспринимать те явления, свойства — например, цвета — для которых в его родном языке нет специальных слов?
- 2) оказывает ли лексика языка влияние на восприятие этих явлений на практике, в

повседневной жизни?

Количество названий цветов, а также их распределение по различным частям спектра в различных языках зависит в первую очередь от практической заинтересованности в различении цветов и в их обозначении, от частоты, с которой те или иные цвета встречаются во внешнем мире. Если, например, разбить цвета на три группы (ахроматические, красно-желтые и зелено-синие), то окажется, что в русском (как и в немецком, английском, французском языках) названий для хроматических цветов больше, чем для ахроматических, а для красно-желтой группы больше, чем для зелено-синей, в ненецком же языке названия распределены по всем этим группам равномерно. Одно из объяснений сравнительно высокого уровня развития в ненецком языке названий для ахроматических, а также для зеленых и синих цветов можно искать в практической значимости различения соответственных окрасок в условиях жизни на Крайнем Севере. И наоборот, объясняя причину отсутствия в языке африканского племени аранта особого слова для обозначения синего цвета, указывают, что в окружающей людей этого племени природе, за исключением неба, нет синего цвета. Слово, обозначающее желтый и зеленый цвет, может быть использовано людьми этого племени также для обозначения синего; однако из этого использования слов не следует, будто аранта смешивают эти цвета на деле, зрительно¹³⁰. Количество цветов, которые человеческий глаз способен различить в предметах, определяется в пределах примерно от пятисот тысяч до двух с половиной миллионов. Между тем число простых названий цвета (*красный, лимонный*), зарегистрированных в толковых словарях европейских языков, как правило, колеблется около сотни, а число составных названий (*кроваво-красный, лимонно-желтый*) равняется нескольким сотням. Налицо диспропорция между количеством цветов, различаемых глазом, и количеством их названий. Таким образом, человеческий глаз может воспринимать и те цвета и цветовые оттенки, для которых в языке нет названий, но человек быстрее и легче воспринимает и дифференцирует то, на что наталкивает его родной язык.

Рассмотрение языка как динамической системы указывает на необходимость генетического подхода к анализу лексических значений: в самом деле, человеческое познание всегда обусловлено мышлением предшествующих поколений, зафиксированным в языке, в его лексическом составе. Многовековая практика языкового сообщества, сложившаяся система мышления аккумулировали и преобразовали коллективный эмпирический опыт, вследствие чего результаты восприятия всегда содержат в себе в большей или меньшей степени момент рациональной обработки. Мысль, опирающаяся на базу готовой языковой формы, возникает при прочих равных условиях быстрее и легче, чем мысль, не имеющая такой опоры в родном языке говорящего. Язык влияет на формирование новых мыслей через значения терминов, в которых так или иначе отразились и закрепились познавательная деятельность предыдущих поколений и их опыт; он сообщает возникающей мысли устойчивость и необходимую определенность. Уже в силу этого можно говорить о том, что значения терминов, определяемые внешней действительностью, формируются не независимо от данного языка, а под влиянием эмпирического и рационального опыта предыдущих поколений, зафиксированного в системе языка.

Язык не в одинаковой степени влияет на оформление мысли в разных случаях: так, можно предположить, что его роль здесь тем важнее, чем менее прямой и непосредственной является связь с соответствующим предметом внешней языку действительности. Например, хотя русский и английский языки по-разному формируют мысль о таких предметах, как рука и нога (русский язык направляет внимание на эти конечности как целое, без необходимости не отмечая, какая из их частей имеется в виду, а английский или французский выделяет ту или другую часть руки или ноги, даже когда в этом нет необходимости), все же сами эти предметы таковы, что легко усмотреть различие их частей и можно скоро приучиться к оформлению мысли о них как о двух различных частях, или, напротив, привыкнуть думать о них как о целом.

¹³⁰ Nida E. Language Structure and Translation. Stanford, 1975. Pp. 185-188.

Точно так же по-разному оформляют мысль русский и английский языки, с одной стороны, и французский и немецкий – с другой, когда речь идет о знании. Знать можно самые разные вещи: математику, правила уличного движения, немецкий язык, определенное лицо, номер его телефона и т. д., не задумываясь о том, что все эти виды знания существенно различны. Русский язык, так же как английский, ничего не "подсказывает" в этом отношении, не наталкивает на классификацию видов и разновидностей знания. Напротив, французский язык требует от пользующихся им, чтобы они обязательно различали знание как "понятие о чем-либо, или научное знание" и знание как "практическое знание, умение", и обозначали эти два вида знания соответственно словами *connaître* и *savoir*.

В первом случае такие объекты мысли, как нога и рука, вполне понятны, определены и без обозначения их словами: они доступны для непосредственного сенсорного восприятия и т. п. Поэтому особенности языкового оформления отходят на второй план, не имея существенного значения для самой мысли. Во втором же случае влияние языка (т.е. образование мысли под воздействием предшествующего общественного опыта, отложившегося в семантике языка) имеет большей частью решающее значение для возникновения именно такой, а не иной мысли. Различать два вида знания, помимо отдельных частных случаев, и распределять по ним эти частные случаи, пользуясь такими широко обобщающими словами, как русское *знать* и английское *to know*, можно, лишь привлекая дополнительные лингвистические средства. И наоборот, усвоив вместе с языком привычку постоянно дифференцировать два вида знания посредством таких слов, как французские *connaître* и *savoir*, трудно отвлечься от соответствующих различий и мыслить "знание вообще". Здесь оформление мысли оказывается неотделимым от создания самой мысли, от ее содержания. Язык уже настойчиво навязывает то или иное обобщение и различие в осознании отдельных фактов действительности.

В результате того, что каждый язык представляет собой индивидуальную, неповторимую систему языковых значений, отдельные значения, входящие в систему данного языка, часто оказываются несоизмеримыми со значениями другого языка, и в силу этого перевод теоретически кажется невозможным. Однако можно предположить, что при теоретической непереводаемости перевод существует практически вследствие того, что значения того и другого языка обозначают одну и ту же действительность, и поэтому имеется возможность с помощью сочетаний значений дать на любом языке приблизительный эквивалент данному значению любого другого языка. Чем более простое значение мы берем, тем с большим основанием можем говорить о непереводаемости и отсутствии адекватности. Чем более сложным является значение, тем более близкий возможен перевод, так как в определенном пределе совокупность значений одного и другого языка отражает одну и ту же внешнюю действительность. Но каким образом все же мы могли бы быть уверены в том, что система значений языка хопи в целом совпадает с системой английского? Ссылка на одну и ту же внешнюю действительность ничего не доказывает, потому что в лексических значениях первого языка могли отразиться (в силу специфических условий жизни и деятельности) одни стороны этой действительности, а в лексике второго языка — другие ее стороны и аспекты. Наше восприятие внешнего мира всегда понятийно направлено. Направленность зрения проявляется уже в том, например, что мы способны рассматривать фотографию как образ, вид дома. При этом мы не видим самой фотографии — бумаги с черно-белыми пятнами. Наоборот, шестимесячный ребенок, который уже очень хорошо узнает мать, не может "увидеть" ее на фотографии. Таким образом, то, что мы способны увидеть в окружающем нас мире, какие "предметы" мы выделяем в нем, — зависит от разработанности наших понятий или (что в данном случае одно и то же) от содержания лексического состава языка. Вопрос, возникающий в этой связи, возвращает нас к понятию "замкнутого языка" Айдукевича: итак, накладывает ли структура языка какие-либо ограничения на его лексический состав или же лексика (понятийный аппарат) может безгранично расширяться? Так, в работах противников гипотезы лингвистической относительности (например, Макса Блэка) предполагается, что структура языка не накладывает каких-либо существенных

ограничений на лексику и соответствующий ей понятийный аппарат. С такой точки зрения различия между языками в лексике интерпретируются как эмпирический факт, а не как логическая необходимость¹³¹. Из этого обстоятельства следует отсутствие принципиальных ограничений круга понятий у носителей данного языка, поскольку он может быть пополнен, а следовательно, и картина мира, сложившаяся на базе их языка и соответствующей понятийной системы, может быть тождественной другим картинам мира, связанным с иными языковыми системами.

В самом деле, естественный язык представляет собой открытую систему в том отношении, что если в языке нет слова для выражения какого-либо нового понятия, то последнее может быть передано словосочетанием, заимствованным из другого языка, или специально придуманным словом. Отсюда различия в структуре языка определяются экстралингвистическими факторами: характером и историей культуры сообщества носителей данного языка и т.д.; язык же является открытой системой, с такой точки зрения, прежде всего по двум обстоятельствам:

1. Язык стремится зафиксировать все явления внешнего мира и все отношения между ними, при том, что существует неограниченное количество фиксируемых явлений, которые к тому же постоянно изменяются.
2. Язык стремится зафиксировать явления в соответствии с максимально эффективной системой правил действия (метаязыком). Но и эти правила тоже постоянно меняются в связи с изменениями лексики языка и непрекращающимися попытками улучшить сами правила.

Однако в такой форме язык может быть описан только в идеале. Чем ближе описание языка к реальным практическим целям, тем оно конкретнее и замкнутее. Прикладные исследователи изначально определяют, какие ограничения они устанавливают при описании, какие цели ставят перед собой, каков будет состав отобранной лексики и грамматики и как придется работать над отобранным материалом. Результатом их усилий всегда будет замкнутая языковая система, более или менее отличная от своего открытого идеала. Овладение рядом замкнутых систем позволяет изучающим ту или иную языковую систему выработать навыки работы с материалом и приближает его к максимальному овладению системой. Постигание естественного языка продолжается для человека всю жизнь; сама система этого языка находится при этом в состоянии постоянного изменения, и попытки полностью постичь ее поэтому никогда не могут быть завершены.

Поэтому когда мы говорим об описании естественного языка как открытой системы, в действительности мы говорим скорее о его описании как системы замкнутых систем. Отвлекаясь от некоторого технического различия в определении замкнутого языка у Айдукевича и Тарского, можно сказать, что выделение последним отдельного языка, в котором формулируются утверждения о семантических свойствах исходного объектного языка, в определенном смысле призвано именно преодолеть дихотомию открытого и замкнутого языков путем представления открытого языка в виде системы замкнутых языков. Такой подход соответствует результатам, описанным в § 2.2.2 в связи с идентификацией значений в референциально непрозрачных контекстах. Поэтому при обращении к эпистемологическим основаниям дистинкции концептуальной схемы vs. содержания мира оказывается, что основания верификации значений обнаруживаются в ее первой части. Иными словами, истинность выражения может быть описана как истинность относительно некоторой концептуальной структуры.

В самом деле, относительность истины представляется неременной предпосылкой, если мы пытаемся говорить о конвенциональности значения, удерживая при этом представления о связи значения языкового выражения с условиями его истинности.

---

¹³¹ **Блэк М.** Лингвистическая относительность (теоретические воззрения Бенджамена Л. Уорфа). — В кн.: Новое в лингвистике. Вып. 1. С. 212.

2.4 КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ ЗНАЧЕНИЯ КАК ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ИСТИННОСТЬ

2.4.1 СОГЛАСОВАНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СХЕМ

Релятивистские представления обычно развиваются в терминах когерентной теории истины¹³², восходящей в современной традиции к Ф. Брэдли. Согласно когерентной теории, мера истинности высказывания определяется его ролью и местом в некоторой концептуальной системе. Чем более связны, или согласованы между собой (coherent) наши идеи, тем в большей степени они истинны¹³³.

Вопрос о том, может ли когерентная истинность быть использована для определения значения в рамках условие-истинностного подхода, остается недостаточно проясненным. Однако следует отметить, что для такой семантической теории оказалось бы справедливым ограничение Куайна, определяющее аналитически истинные утверждения языка L как не более чем имеющие соответствия в заданном классе аналитических утверждений этого языка.

Для преодоления подобной узкой аналитичности и выхода за пределы отношений языковых выражений друг к другу может быть использована модель истинностного релятивизма Джека Мейланда, остающаяся в пределах корреспондентной истинности. Согласно Мейланду, понятие абсолютной (в противовес относительной) истины представляется понятием двухместного отношения между языковыми выражениями, с одной стороны, и фактами или состояниями дел, с другой. Понятие относительной истины может быть представлено как трехместное отношение между суждениями, миром и третьим термином, которым может быть любой человек, картина мира, историческая или культурная ситуация и т.д.

Отношение, обозначенное выражением "абсолютная истина", может без привлечения дополнительных понятий быть рассмотрено как корреспондентное. Если релятивист будет использовать этот тип представления отношения, то он скажет, что " P истинно относительно W " (" P соответствует фактам с точки зрения W ")¹³⁴, где место W могут занимать люди, наборы принципов, картины мира или ситуации:

концептуальные схемы, концептуальные рамки, лингвистические рамки, формы жизни, режимы речи или мысли, Weltanschauungen, дисциплинарные матрицы, парадигмы, совокупности абсолютных пресуппозиций, точки зрения, перспективы или миры¹³⁵.

Размышляя о том, почему Гуссерль мог рассматривать любое понятие истины как необходимо включающее понятие абсолютной истины, Дж. Мейланд приходит к выводу, что Гуссерль

считал абсолютную истину соответствием действительности и полагал, что любая форма или разновидность истины должна включать соответствие с действительностью... Гуссерль и другие абсолютисты совершают большую ошибку, принимая, что относительная истина должна либо вообще не существовать, либо быть разновидностью абсолютной истины¹³⁶.

Существенно для этой позиции то, что понятие относительной истины здесь не включает в

¹³² **Davson-Galle P.** Realistic Truth Relativism, Frameworks Of Belief And Conceptual Schemes. — Electronic Journal of Analytic Philosophy, 4:1, 1996. [1]

¹³³ **Bradley F. H.** Appearance and Reality. 2nd ed. Ox., 1930. P. 477.

¹³⁴ **Meiland J.** Concepts of Relative Truth. — The Monist, 60 (1977). P. 571.

¹³⁵ **Swoyer C.** "True for". — In: **Meiland J., Krausz M. (eds.)** Relativism: Cognitive and Moral. Notre Dame, 1982. P. 84.

¹³⁶ **Meiland J.** Concepts of Relative Truth. P. 572-573.

себя понятие абсолютной истины¹³⁷. С такой точки зрения, мы не можем рассматривать форму относительного истинного выражения как правильно выраженную в виде: "*P* истинно относительно *W*", так как это поднимает вопрос: "что значит "истина" в этом выражении?" Форма этого вопроса подразумевает, что простейшим ответом на него является "абсолютная истина" — включающим, таким образом, понятие абсолютной истины в наше понятие относительной истины в качестве его составной части.

Мейланд предлагает способ записи выражения "*P* истинно относительно *W*" с единым предикатом: "*P* истинно-относительно-*W*", где компонент "истина" не имеет независимой семантической роли и должен рассматриваться как механическая составляющая термина "истинно-относительно-*W*", подобно тому, как "cat" в качестве фрагмента слова "cattle" не означает "животное семейства кошачьих"¹³⁸.

Эта аналогия вызывает заслуженные нарекания¹³⁹. "Истина" в "истинно-относительно-*W*" значима уже потому, что речь идет о концепции относительной истины, а не чего-то еще. В каком смысле вообще можно говорить, что обе концепции — абсолютной и относительной истины — являются концепциями истины? Для ответа на этот вопрос, возможно, требуется более общее понятие истины, имеющее по крайней мере два раздела. Либо понятие "истина" в "истинно-относительно-*W*" должно предполагать эту более широкую концепцию, либо понятие "истинно-относительно-*W*" должно означать вид или отдел более общего понятия истины, где абсолютная истина будет другим, коррелятивным видом. В последнем случае понятие "истинно-относительно-*W*" будет значимо только как целое и будет обозначать понятие относительной истины в рамках более широкого понятия истины.

Каким образом такое более общее понятие истины могло бы включать эти два подмножества? Если мы хотим выразить понятие относительной истины в контексте некоторой корреспондентной концепции истины, то нам следует

различать соответствия с двумя и с тремя терминами. Другими словами, мы можем включить и абсолютную истину, и относительную истину в более общее понятие соответствия с действительностью, хотя эти два типа соответствия могут значительно отличаться друг от друга¹⁴⁰.

Понятие соответствия с действительностью, используемое традиционной корреспондентной теорией истины, исходит из достаточно ясных интуитивно, хотя и уязвимых для критики допущений. Имеется "внешний" мир, только один мир (или один из "возможных миров" или положений дел), и имеется объективный способ, которым мир существует. Люди обладают теми или иными концепциями мира и способа его существования и выражают суждения о том, каким является мир. Эти выражения могут соответствовать тому, каким мир фактически является, или же они могут не соответствовать этому.

Располагает ли релятивизм таким понятием соответствия с тремя терминами, которое было бы так же легко интуитивно схватываемо с очевидной ясностью здравого смысла? Каким образом концептуальная схема *W* могла бы удовлетворить эти требования?

Очевидно, что любое *P* будет использовать категории и понятия *W*, но вряд ли это поможет уточнить взгляды релятивиста. Даже с точки зрения абсолютиста любое *P* использует некоторое *W*, но затем, после того, как смысл *P* установлен, истинность/ложность *P* является лишь вопросом двухместного отношения *P* и действительности. Действительность либо является такой, что *P* соответствует ей, либо нет. Если нет, то проблема может состоять в том, что *W*, использованное *P*, таково, что мир не содержит вещи, постулируемые *W* (и принимаемые *P*), и, таким образом, *P*, предполагающее *W*, не будет соответствовать действительности этого мира. Но допускать подобное означает просто обратить внимание на

¹³⁷ **Ibid.** P. 574

¹³⁸ **Ibid.**

¹³⁹ **Siegel H.** Relativism Refuted: A Critique of Contemporary Epistemological Relativism. Dordrecht, 1987. Pp. 13 - 14

¹⁴⁰ **Meiland J.** Concepts of Relative Truth. P. 574.

один из возможных источников несоответствия P и действительности мира; здесь еще нет оснований для рассмотрения истинности/ложности как некоторого вида специфического отношения с тремя терминами. Но если истинность выражения зависит от его способности служить ответом на вопрос о том, какова действительность, то мир выступает в качестве истинностного оператора выражений. Именно это отношение может быть выражено как " P соответствует фактам с точки зрения W ".

С абсолютистской точки зрения мир существует одним определенным способом, обладает определенной структурой, т.е. его части находятся в определенных отношениях и т.д., и эта структура открыта для фиксации в истинных выражениях.

Например, представляется ясной интуиция, согласно которой содержание мира состоит из частей различных родов или классов (natural kinds), и эти категории — естественные рода — таким образом реифицированы, а не просто наложены на содержание мира как некоторая искусственная классификация¹⁴¹. Термины естественных родов существенно отличаются от других знаков языка тем, что они требуют "понимания" или "знания" того, что они означают. Так, они отличаются от общих терминов вида "треугольник" или "холостяк" тем, что последним легко дать дескриптивное определение, содержащее необходимые и достаточные условия для того, чтобы выделить эти объекты единственным образом. Но такого типа определения нельзя применять для естественных родов. Можно, скажем, предложить определение "тигр — это четвероногое полосатое животное", но это и подобные ему определения имеют серьезные недостатки. Если тигр потеряет одну ногу и станет трехногим, он от этого не перестанет быть тигром; в то же время удовлетворяющая этому определению кошка — не тигр, и т. д. Поэтому необходимо обращение к более сущностным свойствам, выражающим внутреннюю структуру таких объектов.

Категоризация может фиксировать естественные рода как некоторые идентичности способов существования различных частей мира. Но в таком случае термины естественных родов и термины конвенциональной категоризации указывают на различные — обладающие различным онтологическим статусом — категории содержания мира.

Выражение, указывающее на некоторые естественные рода и на связи между ними, способно быть истинным в отношении прямого соответствия миру. Либо мир таков, что он содержит эти рода, и они состоят в этой связи, либо нет. Это прямое двухместное отношение, которое может быть использовано для прояснения характера референции абсолютно-истинного выражения. " P абсолютно истинно" будет означать в таком случае: "мир таков, что в его содержание входят элементы тех родов, на которые указывает P , и эти элементы состоят в той связи, на которую указывает P ".

Напротив, выражения, указывающие на некоторые конвенциональные классы и на связи между ними, не могут быть истинны в отношении такого же прямого соответствия миру, как абсолютно-истинные выражения, потому что они оперируют категориями, находящимися в ином отношении к содержанию мира. Эти категории принадлежат некоторой концептуальной схеме, так или иначе не тождественной содержанию мира. В результате возникает трехместное отношение между выражением, миром и конвенциональной концептуальной схемой, ассоциированной с выражением. " P истинно относительно конвенциональной концептуальной схемы W " будет означать в таком случае: "мир таков, что его содержание может быть традиционно (скажем, в силу действующего соглашения) классифицировано посредством W тем способом, на который указывает P "¹⁴².

Такой подход не означает взаимоисключаемость абсолютной и относительной истин: выражение может являться в одно и то же время и абсолютно, и относительно истинным. Концептуальная схема W может использовать категории, которые образуют не только искусственные классы, но также и естественные рода. Кроме того, некоторое выражение P может быть абсолютно-ложно, потому что термины W будут не в состоянии указывать на

¹⁴¹ Linsky B. Natural Kinds and Natural Kinds Terms. Stanford, 1975. P.7-35.

¹⁴² Davson-Galle P. Neo-Meilandian Truth-Relativism of a Weak Sort. — Electronic Journal of Analytic Philosophy, 2:1, 1994. [26]; [38]

естественные рода, но относительно-истинно, потому что мир охватывается конвенциональными категориями тем способом, на который указывает P . Отсюда следует, что хотя абсолютная истина так же, как и относительная, располагает ассоциированной концептуальной схемой, определяющим различие является онтологический статус этой схемы. В этом, в частности, состоит причина того, почему относительная истина может быть выражена трехместным отношением, а абсолютная — нет: третий термин такого отношения, концептуальная схема, должен быть отчетливо отделен от двух остальных¹⁴³. Схема W , истолкованная как схема внешних (конвенциональных) классификаций, удовлетворяет этому требованию, но если W полагается не более чем констатацией признаков референта, то такое W не будет обладать достаточной онтологической автономностью от референта: отношение W — референт не будет коррелировать с отношением P — референт, и, следовательно, трехместное отношение между этими тремя терминами не будет ни онтологически однородным, ни сообщающим о мире нечто значимое. Поэтому привлечение концептуальной схемы для выражения абсолютной истины оказывается избыточным. Отсюда проясняется индивидуальный характер понятия "**концептуальная схема**": это — **индивидуальная картина мира, образуемая системой ментальных репрезентаций (концептов)**.

Существует столько W , сколько есть языковых агентов (носителей языка L), и существует множество референций, истинных для всех W . Такое множество некоторым образом характеризует область конвенционального для всех носителей языка L — например, можно сказать, что оно представляет ее содержание. Если же мы универсализируем понятие концептуальной схемы — допустим, отождествляем владение концептуальной схемой с владением языком, — то мы затрудняемся объяснить с его помощью понятие конвенции, поскольку впадаем в порочный круг, о котором предостерегал Куайн: для того, чтобы применять конвенцию, которая была бы достаточно общей для обеспечения истинности высказываний, мы уже будем должны использовать истинные высказывания в рассуждении, применяющем конвенцию к индивидуальным приложениям.

Именно отрицание индивидуального характера концептуальной схемы, ее отождествление с языком приводит Дэвидсона к выводу:

То, что прежде звучало подобно сенсационному: открытию — истина относительна к концептуальной схеме — оказалось не более чем скучным и хорошо известным фактом, что истина предложения относительна к включающему в себя данное предложение языку¹⁴⁴.

Эти взгляды Дэвидсона встретили как поддержку¹⁴⁵, так и критику за "чрезмерный верификационизм"¹⁴⁶. Последняя точка зрения представляется более обоснованной. Рассмотрим, каким образом одно выражение P может быть в одно и то же время истинно относительно одной концептуальной схемы, W_1 , и неистинно относительно другой, W_2 . К. Суойер назвал такой подход, согласно которому P будет иметь только одно ассоциированное W , "сильным релятивизмом" в противоположность "слабому релятивизму", где выражение может быть истинно относительно W_1 и при этом вообще не формулируемо в терминах W_2 ¹⁴⁷. Ценность "слабого" варианта концепции относительной истины для обоснования языковой конвенции будет зависеть от возможности существования радикально различающихся концептуальных схем. Если в сообществе носителей языка L , включающем n членов, действует соглашение по поводу употребления P , то это означает, что P истинно относительно $W_1, W_2, \dots, W_n$. Тогда $W_1, W_2, \dots, W_n$ должны иметь некоторую область

¹⁴³ Siegel H. Relativism Refuted: A Critique of Contemporary Epistemological Relativism. P. 12.

¹⁴⁴ Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы. С. 150.

¹⁴⁵ Edwards S. Relativism, Conceptual Schemes and Categorical Frameworks. Aldershot, 1990.

¹⁴⁶ Davson-Galle P. Neo-Meilandian Truth-Relativism of a Weak Sort. [5]; Swoyer C. "True for". P. 99.

¹⁴⁷ Swoyer C. "True for". P. 92.

пересечения $\mathcal{E}$, содержанием которой будет множество всех высказываний, тривиальным образом истинных для всех носителей языка L . Область $\mathcal{E}$ может быть описана с помощью интенциональной функции¹⁴⁸, областью определения которой будет множество всех возможных правильных высказываний языка L , а областью значения — множество всех возможных истинных референций, выражаемых на этом языке. Логика нашего языка предполагает эти референции: таким способом конституируется все, что мы можем сказать о мире. По отношению к конвенции это означает, что связь между высказываниями и их референтами задает пределы функционирования соответствующих соглашений. Поскольку мы способны усматривать такие пределы, постольку мы не можем говорить о том, что так заданная связь и, соответственно, логика языка суть результаты конвенции. Конвенция выступает в качестве регулятива, создавая условия **интерсубъективной проверяемости индивидуальных концептуальных схем**. Прояснение смысла конвенции и ее роли в формировании значений может быть осуществлено в направлении определения функциональных границ конвенции по отношению к значениям путем генетического анализа значений, которые полагаются конвенциональными.

Рассмотрим два примера.

- I. Предположим, что мальчик-африканец спрашивает у своего учителя из советского культурного представительства "Скажите, дяденька: снег — он какой?" — при том, что учитель понимает, что это вопрос и что он обращен к нему. Учитель (А) честно объясняет ему, что снег белый и т.д. Другой же учитель (Б) вместо ответа, как дзэнский монах, бьет ученика палкой по голове, не забыв после этого заботливо переспросить: "Ну, теперь понял?" И в первом, и во втором случаях оба учителя представляли себе ситуацию: они понимали, что это вопрос, и что он обращен к ним, и, более того — что эта ситуация должна быть реализована в направлении достижения понимания со стороны ученика. В этом смысле, можно считать, что оба учителя, А и Б, разделяли сходные цели; однако, их подходы к успешной реализации данной ситуации различаются, так что, если ученик и наблюдатели ожидают, что на вопрос последует ответ и разъяснения, то они будут удивлены поведением Б: в этом контексте (это контекст определенного понимания ситуации, которое мы можем считать конвенционально заданным) такое оформление, в том числе и языковое, этой ситуации будет развивать ее в направлении, обратном направлению к цели, то есть к объяснению. Для Б же, наоборот, его действия означают движение к цели — они направлены на то, чтобы вызвать у ученика состояние понимания.
- II. Предположим, что А и Б верят в загробную жизнь. Они говорят на одном языке и понимают друг друга. Но Б приводит такое доказательство этого тезиса, которое А никак не может считать доказательством. Это означает, что совпадение полаганий А и Б по вопросу о загробной жизни не может быть проверено, поскольку не имеет общего поля интерсубъективной истинности. Можно ли тогда считать, что А и Б говорят об одном и том же? Где здесь границы конвенции?

Если А в ответ на требование Б предъявить доказательства существования загробной жизни бьет его палкою (не насмерть) с целью убедить собеседника, то мы полагаем (сторонний наблюдатель В может считать), что они действовали в рамках разных конвенций. Для А его действия обладали доказательной силой, а для Б — нет. Поскольку А и Б говорят на одном языке, то W_a и W_b имеют общее $\mathcal{E}$, но из примеров мы видим, что конвенция не всегда является источником интерсубъективной проверяемости. В данном случае для успеха проверяемости W_a и W_b должны не только иметь общее $\mathcal{E}$, но и иметь возможность дальнейшего взаимного согласования концептуальных схем, которое может быть проведено относительно внеязыковых ориентиров. Конвенция задает рамки и/или указывает направление такого согласования, но не заполняет его предметную

¹⁴⁸ Льюиз Д. Общая семантика. — В кн.: Семиотика М., 1983. С. 259. (Lewis D. General Semantics. — In: Davidson D., Harman G. (eds.) Semantics of Natural Language. Dordrecht, 1972.)

(содержательную) область¹⁴⁹.

Таким образом, ситуации, которые мы можем рассматривать как примеры реализации конвенций, предстают как целесообразное единство действий и языковых выражений. Такая ситуация предполагается развивающейся в направлении соответствующей цели — например, достижения понимания — при правильном применении языка. Можно сказать, например, что языковое выражение употреблено правильно, если цель, которую ставил перед собой говорящий при его произнесении, достигнута. Поэтому если мы строим объяснение конвенции на "слабом" варианте релятивизма, то такое объяснение предполагает не то, что необходимые истины созданы в соответствии с соглашением, а только то, что необходимые истины (например, естественнонаучные) традиционно выражаются в одних терминах скорее, чем в других.

Итак, мы установили, что языковая конвенция обеспечивает возможность взаимного согласования индивидуальных концептуальных схем и что пределы такого согласования связаны с характером отсылки к внеязыковому миру, представляемой языковыми выражениями. Поэтому дальнейшее обсуждение конвенции должно более определенно учитывать соотношение между языковыми знаками, концептуальными схемами и внеязыковым миром.

2.4.2 ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СХЕМ

Если выражение P истинно как относительно W_1 , так и относительно W_2 , то это означает, что и W_1 , и W_2 располагают достаточными концептуальными ресурсами для того, чтобы быть сопоставимыми друг с другом. Но если бы это был единственный вид взаимоотношений концептуальных схем, связанных с предложениями, указывающими на один и то же феномен, то релятивистская концепция работала бы в конечном итоге совершенно аналогично абсолютистской. Различие между концептуальными схемами сводилось бы к тому тривиальному факту, что некоторый идиолект может содержать простые предикаты, объему которых в некотором другом идиолекте не соответствует ни один простой предикат или не один предикат вообще — и, соответственно, отождествление владения языком и владения концептуальной схемой, в духе Дэвидсона, было бы оправдано. Тем не менее наличие общей для двух идиолектов онтологии, содержащей понятия, которые индивидуализируют одни и те же объекты, само по себе еще не гарантирует пересечение концептуальных схем носителей этих идиолектов. Поскольку содержание мира может быть отражено в различных концептуальных схемах различным образом, поскольку оно открыто для различных способов концептуализации, в том числе и для несоизмеримых¹⁵⁰ — постольку регулятив, управляющий взаимным согласованием концептуальных схем, должен быть открыт для онтологического анализа.

В самом деле, если мы скажем, что все истинные выражения истинны относительно концептуальной схемы конвенциональных классификаций, связанных с обсуждаемым выражением, то такой тезис может быть оспорен на непосредственном основании собственного истинностного статуса. Если сам тезис истинен лишь относительно, то он, если истинен, опровергает сам себя, составляя собственный контрпример¹⁵¹. Если же, с другой стороны, тезис относительной истины приемлем для сообщения о себе, значим относительно самого себя, тогда, в силу того, что он может являться в лучшем случае лишь относительно истинным, он сам сужает свою значимость, снижает свою релевантность для того, для кого относительная истина релятивизована к другой концептуальной схеме.

Поэтому, возможно, следует ограничить область применения понятия относительной истины

¹⁴⁹ Лебедев М. В., Черняк А. З. Конвенция: опыт генетического анализа. — Философские исследования, 1996, № 3.

¹⁵⁰ Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge Mass., 1981. P. 115.

¹⁵¹ Meiland J. On the Paradox of Cognitive Relativism. — Metaphilosophy, 11, (1980). Pp. 115-126.

выражениями о содержании мира, т.е. выражениями объектного языка. Такое ограничение соответствовало бы онтологическому тезису о конвенциональной категоризации содержания мира: в центре оказываются выражения о содержании мира, а не метавыражения, заключающие о содержательных выражениях. П. Давсон-Галле формулирует такой ограниченный тезис относительной истинности объектно-языковых выражений следующим образом:

истинное выражение объектного языка истинно относительно концептуальной схемы конвенциональных категоризаций, связанных с обсуждаемым выражением¹⁵².

Такое определение, будучи метаязыковым выражением, избегает самореференции и тем самым самоопровержения через представление контрпримера.

Однако вместе с тем выражения объектного языка, о которых оно заключает, также являются, в свою очередь, частью содержания мира, и поэтому заключающее о них выражение также может быть рассмотрено как выраженное на объектном языке. С такой точки зрения, проблема онтологического статуса конвенциональных категоризаций не может учитывать различие между выражениями, использующими непосредственно указывающие на содержание мира понятия, и метавыражениями относительно таких выражений. Если это так, то надежда избежать самоопровержения релятивизма, ограничивая область его приложения, не оправдывается.

Тем не менее прояснение этого различия важно для завершения описания того механизма, с помощью которого происходит взаимное согласование концептуальных схем. В ходе такого согласования языковое выражение подвергается интерпретации — которая, как известно, может иметь один из двух видов: описание в других знаках того же кода (парафраз) либо описание в знаках другого кода (перевод). Систематическое знание языка как языковая компетенция говорящего или слушающего предшествует интерпретации языкового выражения и конвенционально по природе¹⁵³. Для того, чтобы показать пределы взаимного согласования концептуальных схем, следует выяснить, что именно может выступать в роли интерпретационного кода в концептуальных схемах — и, соответственно, в каком отношении находится интерпретационный код к содержанию мира.

Мы уже видели, что позиция, отождествляющая владение языком с владением концептуальной схемой, не является продуктивной для объяснения конвенции как стабилизатора значения. Мы приняли, далее, что концептуальная схема — это нечто большее, чем аналитический набор аксиом, с которым сравнивается выражение *P* для установления его истинности, поскольку использование набора неинтерпретированных выражений в качестве релятивизатора сталкивается с непреодолимыми трудностями¹⁵⁴. Определив это "нечто большее" как систему ментальных репрезентаций, мы должны теперь показать, каким образом эта система может выступать в роли интерпретационного кода, т.к. в противном случае обсуждение конвенциональности значения в предложенном здесь направлении остается неполным.

Объявляя противопоставление концептуальной схемы эмпирическому содержанию "третьей догмой эмпиризма" (вслед за двумя Куайновыми — аналитико-синтетической дистинкцией и редукционизмом), Дэвидсон исходил из того, что как аналитико-синтетическая дистинкция, так и концептуальный релятивизм, по его мнению, объяснимы в терминах идеи эмпирического содержания. Дуализм синтетического и аналитического является дуализмом предложений, которые истинны вследствие как своего значения, так и эмпирического содержания, и предложений, истинных лишь благодаря своему значению и не имеющих никакого эмпирического содержания. Однако поскольку мы считаем, что все предложения имеют эмпирическое содержание, которое объясняется через референцию к внеязыковому

¹⁵² Davson-Galle P. Neo-Meilandian Truth-Relativism of a Weak Sort. [38]

¹⁵³ Davidson D. A Nice Derangement of Epitaphs. — In: Lepore E. (ed.) Truth and Interpretation: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson. Ox., 1986. P. 434.

¹⁵⁴ Edwards S. Relativism, Conceptual Schemes and Categorical Frameworks; Davson-Galle P. Realistic Truth Relativism, Frameworks Of Belief And Conceptual Schemes.

миру, постольку мы не можем отказаться от идеи эмпирического содержания. Таким образом, вместо аналитико-синтетического дуализма мы получаем дуализм концептуальной схемы и эмпирического содержания.

Трудно не согласиться с Дэвидсоном в том, что описанный им дуализм не может быть представлен в рациональной форме¹⁵⁵, но отсюда еще не ясно — и не видно, как может быть прояснено, — каким образом концептуальная схема может быть описана в терминах соответствия некоторой внешней ей сущности. Возможно, у эмпиризма была всего лишь одна догма, а именно — сама идея "эмпирического содержания". Говорить о конвенциональности "данного" возможно лишь постольку и лишь в том отношении, что собственно "данными" полагаются ощущения и другие явления сознания, которые мы не можем не воспринимать как таковые. Мы не можем принять, что мир находится у нас в голове; следовательно, явления сознания, на основании которых мы заключаем о мире, сами им не являются. То предположение, согласно которому именно эти явления и являются миром, неудовлетворительно уже в силу того, что их *наиболее сущностное* свойство — как раз свидетельствовать о мире, "быть направленными на объект". У нас нет никаких других свидетельств о мире, кроме феноменов; о мире и о самом его существовании мы заключаем из факта невозможности (по крайней мере, без специальных технических ухищрений) воспринимать явления нашего сознания иначе, чем относящимися к чему-то внешнему по отношению к ним.

Репрезентация предмета включает нас в определенную заданность, позволяющую нам воспринимать предмет именно в качестве такового. Такие представления могут быть свойственны радикальной позиции, согласно которой не существует трансцендентной по отношению к сознанию реальности. Но и если мы будем рассматривать вещь (например, снег) даже с диаметрально противоположных позиций — как, скажем, материальный предмет, принадлежащий объективному миру, — то мы тем более не станем отрицать, что содержанием нашего сознания является не сам снег, а некоторая психическая сущность, ментальная репрезентация снега, "означающее" в сосюрловском понимании. Эта репрезентация существует в качестве таковой лишь одним способом: имея свое бытие вне себя. Сама идея репрезентации подразумевает, что это — некая сущность, отличная от другой сущности, к которой она относится или которую она представляет¹⁵⁶. Отношение между этими двумя сущностями есть простейшее отношение означения. Наши визуальные, тактильные и иные сенсорные и рефлексивные представления предмета — например, снега — являются знаками снега в языке непосредственного описания действительности — языке нашей концептуальной схемы, с помощью которой мы ориентируемся в мире и вообще способны делать все, что мы делаем. Концептуальная схема как *система* концептов и была бы тем "индивидуальным языком", невозможность которого постулирует соответствующий аргумент; но она — не язык: она является текстом на этом индивидуальном языке, языке непосредственного описания действительности. Этому языку не хватает "языковости" в том отношении, что он не обеспечивает коммуникацию — мы не можем непосредственно обмениваться с другими людьми нашими мыслями и т.п. (по крайней мере, согласно современным научным представлениям, спорить с которыми не представляется возможным — так же, как и считать вопрос закрытым). Но мы можем использовать — и используем — для описания нашей концептуальной схемы естественный язык, предстающий, таким образом, метаязыком по отношению к языку непосредственного описания действительности. Поэтому вопрос о конвенциональности "данного" может быть поставлен следующим образом: являются ли метавыражения конвенциональных концептуальных схем абсолютно или же относительно истинными для своих концептуальных схем? Очевидно, это зависит от того, чем являются референты метавыражений: терминами естественных родов содержания мира или категориями конвенциональных классификаций. Указывают ли конвенциональные

¹⁵⁵ Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы. С. 150-151.

¹⁵⁶ Вартофский М. Модели. Репрезентация и научное понимание. М., 1988. С. 31. (Wartofsky M. Models. Representation and the Scientific Understanding. Dordrecht, 1979.)

категории, связанные с понятием относительной истины, на естественные рода?
Ответ на этот вопрос будет зависеть от того, что мы признаем объектным языком концептуальной схемы.

I. Если мы не различаем язык концептуальной схемы и естественный язык, то очевидный список ассоциируемых понятий будет включать "выражение", "истинное выражение", "концептуальная схема", "конвенциональная классификация" и т.д. — плюс, в концептуально контрастной роли, такие понятия, как "естественный род". Трудно представить себе, каким образом референты любого из этих понятий могут формировать естественный род — даже и самого понятия "естественный род", которое по своему онтологическому статусу ничем не отличается от любого другого понятия. Даже при неприятии онтологического конвенционализма полагание естественных родов объектами указания само по себе еще не будет означать, что эти естественные рода образованы референтами, а не внешним понятием "естественный род". Утверждение абсолютной истинности истинных выражений будет, с релятивистской точки зрения, ложно относительно связанной с этим утверждением концептуальной схемы, но, с абсолютистской точки зрения, оно не может не быть истинно относительно этой же самой схемы¹⁵⁷.

Таким образом, абсолютно-истинное выражение, отрицающее истинность относительно-истинных выражений, вынужденно использует ту же самую концептуальную схему, что и сами относительно-истинные выражения. Подобная трактовка не преуменьшает истинностный статус абсолютно-истинных выражений, но только отражает конвенциональный характер понятий, принадлежащих к ассоциируемой с языковым выражением концептуальной схеме. Но в то же время, поскольку могут существовать достаточно радикально различающиеся между собой концептуальные схемы, постольку сами формы фактуальности могут позволять действительности быть структурируемой различными способами. Иными словами, это не означает иррелевантности представления о естественных родах для объяснения стабильности значения: речь идет о *разных механизмах стабилизации*. Теория терминов естественных родов, поскольку она заключает о закреплении именованного, представляет вариант *динамического* внешнего стабилизатора значения.

II. Если же мы признаем объектным языком концептуальной схемы язык непосредственного описания действительности, по отношению к которому естественный язык является метаязыком, то мы не можем признать его термины терминами естественных родов содержания мира, поскольку не может быть предложена теория, рассматривающая термины вида "ментальная репрезентация снега" как термины естественных родов. (Например, попытки младограмматистов опираться на понятия подобной формы как на онтологические привели к кризису теории, так как вели к ничем не мотивированному удвоению объекта исследования.) С другой стороны, мы не можем признать его термины и категориями конвенциональных классификаций, поскольку индивидуальная перцепция с очевидной необходимостью предшествует дальнейшему согласованию полученных в ее ходе данных с другими наборами данных, являющимися результатами других индивидуальных перцепций.

Как попытки снятия описанного дуализма могут быть рассмотрены "философские языки", пик интереса к которым приходится на XVII в. Созданию философских языков предшествовал постулат рационалистической школы о том, что языки порождаются априорно заложенными в языковом сознании идеями; Бэкон, Декарт, Паскаль, Лейбниц, Локк отмечали неадекватность слов соответствующим понятиям и пытались найти другой тип знака, могущий выразить идею ближе к ее содержанию таким образом, чтобы она была понятна любому человеку на земле. Такой "подлинный знак" был призван передавать понятия (а не звуки) с помощью символов и лишь потом переводился бы на соответствующий язык. Аналогиями знаков такого рода признавались ноты, цифры,

¹⁵⁷ Davson-Galle P. Neo-Meilandian Truth-Relativism of a Weak Sort. [47], [48]

пиктограммы, иероглифы. Все они напрямую выражали идеи и могли быть поняты говорящими на любом языке.

Попытки выработать "подлинный знак" и на его базе философский язык были связаны с классификацией всего корпуса знаний о мире; соответственно, очень скоро такое деление оказывалось нарушенным, так как происходило переосмысление и пополнение научных знаний — т.е. знаний, с той или иной необходимостью являющихся общепризнанными. Например, епископ Джон Уилкинс разделил все существующие знания на сорок разделов, таким образом пытаясь классифицировать все научные факты по их взаимосвязям. Уилкинс считал, что его разделы устанавливали реальные взаимоотношения вещей в природе, открывая подлинные связи между ними путем компоновки их в группы: "сравнение всех вещей по определенным параметрам, как это предложено в наших таблицах, позволяет проложить кратчайший и простейший путь к подлинному знанию о мире из всех когда-либо предлагавшихся"¹⁵⁸. Для письма предлагался тот самый "подлинный философский знак", призванный непосредственно отражать понятие. Каждый знак включал значимые компоненты, в совокупности сочетавшиеся в понятие. Так, слово *лосошь* ничего нам не говорит само по себе, своей внутренней формой; соответствующее слово *zana* у Уилкинса содержит в себе определение для человека, усвоившего сорок категорий и подвидов этих категорий: рыба, чешуйчатая, речная, с розовым мясом. Однако кит, которого Уилкинс поместил в класс рыб, вскоре, по выражению Борхеса, стал млекопитающим, а это повлекло за собой полную переделку классов в системе "подлинных знаков"¹⁵⁹.

Хотя поиски универсальных, не выбранных произвольно "элементов человеческой мысли", некоего *lingua mentalis* (Оккам) как основы любых возможных семантических построений связаны прежде всего с рационалистической традицией, вряд ли они являются специфически рационалистической интенцией. Скорее это одна из наиболее общих программ исследования проблемы связи между вещью и ее названием, причем такая программа, методология которой, возможно, в наибольшей степени отражает природу предмета, поскольку ясно, что исследование связи между вещью и ее названием отсылает к весьма глубоким основаниям знания: если и возможно усмотрение более предельных оснований, то оно тем не менее *ex definitio* не может быть вербализовано. В современных семантических теориях выбор элементарных терминов (*primitive terms*) предстает некоторым метафизическим ориентиром: либо он признается произвольным — что связано с конвенционалистским подходом к значению, — либо наоборот. Однако в последнем случае исследователю не обязательно занимать "реалистскую" позицию. Поскольку весьма трудно было бы указать удовлетворительные причины, по которым разрыв между теорией и эмпирическим фактом в семантике должен быть больше, чем в физике или химии, постольку выбор семантических "атомов" может считаться произвольным, с такой точки зрения, не в большей степени, чем установление списка химических элементов (в таком отношении эмпирически ориентирована теория "семантических примитивов" А. Вежбицкой¹⁶⁰).

Таким образом, представляется затруднительным задать такую онтологию, в которой конвенциональные категории указывали бы на естественные рода. Само по себе это, разумеется, не означает и не может означать, что естественные рода "не существуют"; но отсюда следует, что для инвариантности интерпретации языковых выражений участниками коммуникационного акта — и, следовательно, для успешного функционирования языка — необходима возможность взаимного согласования индивидуальных концептуальных схем. Подобный подход представляется преимущественным минимум в двух отношениях. Он позволяет

1. преодолеть ограниченность эмпирической позиции, согласно которой знание семантических фактов относительно слов неотделимо от знания эмпирических фактов

¹⁵⁸ Large A. The Artificial Language Movement. L., 1985. P 33.

¹⁵⁹ Борхес Х. Аналитический язык Джона Уилкинса. — Проза разных лет. М., 1984. С. 218.

¹⁶⁰ Wierzbicka A. Semantic Primitives. Frankfurt a. M., 1972; Wierzbicka A. *Lingua Mentalis: the Semantics of Natural Language*. Sydney, 1980.

относительно обозначаемых этими словами предметов.

Эмпиристский подход был, в свою очередь, вызван неприятием теорий "августинианского" вида, согласно которым значение является некоторой автономной сущностью. Однако впадение в противоположную крайность оказывается не более продуктивным для решения семантических проблем описания естественного языка. Рассмотрение значения как результата согласования концептуальных схем дает возможность избежать и этой противоположной крайности ("догмы реализма"?) и

2. отказаться от представления о значении как о сущности, которая может быть полностью описана без указания на процесс семиозиса. Таким образом, эта позиция представляет аналитический вариант подхода, восходящего в современной традиции к Ч. Пирсу и в той или иной степени разделяемого сегодня большинством лингвистов.

Итак, если мы теперь вернемся к вопросу о том, каким образом ситуация употребления знаков естественного языка может иметь форму ситуации существования соглашения об их использовании, действующего между членами языкового сообщества — при том, что такое соглашение не заключалось в действительности, или, говоря более строго, при том, что нам ничего не известно о действительном факте заключения такого соглашения и о возможности условий его заключения, — то мы можем сделать следующий вывод.

Говоря о "языковой конвенции", мы подразумеваем возможность взаимного согласования индивидуальных концептуальных схем, которое обеспечивает инвариантность дальнейшей интерпретации языковых выражений. Пределы взаимного согласования индивидуальных концептуальных схем устанавливаются их отношением к внеязыковому миру, через которое осуществляется обозначение языковыми выражениями элементов внеязыкового мира.

Установление отношения обозначения выступает внешним динамическим стабилизатором значения, и мы переходим к его обсуждению.

3. УСТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ЗНАКОМ И ЕГО РЕФЕРЕНТОМ

3.1 КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА РАСШИРЕННЫХ ТЕОРИЙ РЕФЕРЕНЦИИ КАК ДИНАМИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

Если — по крайней мере, в рамках традиционной условие-истинностной концепции значения — конвенциональные категории никак не указывают и не могут указывать на естественные рода, то удовлетворительная теория терминов естественных родов должна объяснять, каким образом это все-таки происходит, коль скоро мы пытаемся удерживать представления о конвенциональности значения. В современной аналитической философии языка чрезвычайно влиятельным является каузальный подход к теории референции — так называемый "подход Крипке — Патнэма", — который может быть рассмотрен как представляющий такое объяснение. Если мы исходим при этом из понимания конвенциональности значения как возможности взаимного согласования индивидуальных концептуальных схем, то подобное рассмотрение может выглядеть следующим образом.

3.1.1 ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ДЕСКРИПЦИИ

Как мы видели при обсуждении конвенциональности значения, использование понятия конвенции не решает проблему индивидулирующих функций, т.е. процедуру прослеживания индивидов сквозь возможные миры. Эта проблема обладает относительной независимостью от формальных проблем семантики возможных миров.

Для решения задачи идентификации предмета обозначения привлекается понятие дескрипции, понимаемой при этом как **языковая (текстовая) характеристика предмета по**

некоторым из его признаков, которая может употребляться в языке (речи) вместо имени этого предмета. Успешность такого употребления выступает показателем релевантности тех параметров, по которым произведена дескрипция.

Например, вместо имени "Наполеон" можно употребить дескрипцию "побежденный при Ватерлоо" — или, скажем, дескрипцию "vaincu à Waterloo", являющуюся переводом первой на другой естественный язык. Вместе с тем дескрипция "побежденный при Бородино" будет указывать на Наполеона, а ее перевод на французский язык — "vaincu à Borodino" — наоборот, на его противника Кутузова: поскольку в указанном сражении было уничтожено примерно равное число людей с обеих сторон, а войска при этом остались на прежних позициях, то вопрос о том, кто же при этом оказался победителем, оказывается вопросом интерпретации. Естественный язык при этом выступает не в качестве некоторой эмпирической догмы ("язык, на котором в действительности говорят все французы"), а в качестве некоторого *основания формализации* (например — язык, совокупность всех тривиально истинных предложений которого единственным образом определяет объем понятия истины для его носителя). Дескрипция оказывается, таким образом, релятивизованной к некоторой *системе описания*, или *концептуальной схеме*. Наиболее простым — и наиболее привлекательным для многих, в том числе наиболее авторитетных, исследователей — путем снятия этой проблемы оказывается отождествление концептуальной схемы с языком. Однако такой ход не устраняет затруднений, связанных с идентификацией референта в интенциональных контекстах. Для их элиминации привлекаются понятия коммуникативного намерения, иллокутивной силы высказывания и множество других, достаточно гетерогенных понятий, коррелирующих в том отношении, что они образуют некую "референцию говорящего" (К. Доннелан), управляющую семантической референцией.

Поскольку невозможно непосредственное указание на объекты в референциально непрозрачных контекстах и требуются дополнительные индивидулирующие (идентифицирующие) процедуры, постольку проблема указания оказывается связанной с проблемой индивидуации. Суть принципа идентифицирующих дескрипций резюмирована в известном утверждении "дескриптивной метафизики" П. Стросона: "Имя ничего не значит без поддержки дескрипций"¹⁶¹. В соответствии с этим принципом знание ряда дескрипций обеспечивает возможность выделения "базисного индивида" — референта собственного имени — единственным образом. Так, возможность распознавания человека по имени Цицерон достигается при условии знания дескрипций "великий оратор" и "житель Древнего Рима" определенным образом. Однако, с этим требованием определенности понимания дескрипций, лежащих в основании индивидуации, связана проблема межконтекстуальной многозначности: дескриптивный способ указания не гарантирует выделения во многих ситуациях единственного референта, удовлетворяющего имеющимся в наличии дескрипциям.

Когда говорящий утверждает нечто, обладающее формой " N есть P ", где N — имя, а P — предикат, то условия истинности выглядят следующим образом: сказанное истинно *ТТТ*:

- а) имеется некая (объектная) сущность, связанная определенным образом с использованием имени " N ";
- б) предмет, существующий этой сущностью (т.е. существование этого предмета задает "наличие" этой сущности), обладает свойством, означенным " P ".

Возникающий в связи с этим вопрос может быть сформулирован так:

каким образом сущность предмета должна быть связана с использованием имени " N ", чтобы имя указывало на предмет?

Согласно принципу идентифицирующих дескрипций, ответ заключается в следующем: такой объект должен обладать свойствами, которые фиксируются соответствующими дескрипциями. По традиционным представлениям, идущим от Рассела и Фреге, указание на предмет возможно в случае представления собственного имени как совокупности

¹⁶¹ Strawson P. F. Individuals. L., 1971. P.20.

дескрипций: знание таких, например, дескрипций, как "ученик Платона" и "учитель Александра Македонского", считается достаточным для указания на человека по имени "Аристотель". Возможность указания при таком подходе определяется некоторым уровнем знания об объекте, а сама проблема указания ставится как эпистемологическая проблема. Теория Рассела о дескриптивном содержании имен (по крайней мере, обычных имен собственных) является фрегеанской в том отношении, что, согласно ей, имена обеспечивают референцию к вещам через дескриптивное содержание, которое связано с именем. Иными словами, имя связано с эквивалентным (синонимичным) множеством дескрипций, и имя относится к чему бы то ни было, что удовлетворяет всем (или наибольшему количеству из имеющихся или возможных) дескрипций. С такой точки зрения, дескрипции дают значение имени, определяя предмет референции, который является чем бы то ни было, что удовлетворяет (или лучше всего удовлетворяет) дескрипции. Так, имя собственное является сингулярным выражением обращения, которое используется, чтобы обеспечить референцию к единственному индивиду или предмету. Возникающий в этой связи вопрос таков: в силу чего имена отсылают к их носителям? Согласно Расселу и Фреге, имя выбирает своего носителя в силу некоторой связанной с именем дескриптивной информации, которая относится исключительно к носителю имени.

Таким образом, традиционные представления о дескрипциях могут быть рассмотрены как основанные на репрезентационистском подходе к языку. Если референциальная теория в ее традиционном (эмпиристском) варианте отождествляла значение выражения с тем, на что оно указывает, или с референциальной связью (т.е. не привлекала допущения об отождествлении знания с возможностью описания), то включение в поле рассмотрения Т-теорий референциально непрозрачных контекстов, неизбежное при анализе высказываний естественного языка, потребовало увеличения выразительных возможностей формальных систем. Для этого теория значения референциального типа должна быть основана на такой концепции указания, которая позволила бы выразить более сложные взаимоотношения между предметом и концептуальной схемой. В связи с этим возникает тенденция говорить не столько о значении, сколько о формах представления значения, или об определениях терминов, позволяющих единственным образом выделить указываемый предмет¹⁶². Обладать некоторым знанием предмета, достаточным для его идентификации, означает тогда располагать не просто информацией о предмете, но информацией о значении термина, указывающего на этот предмет. Таковы, в частности, более современные референциальные ходы — жесткие десигнаторы, индексикалы, "референция говорящего" и т.д.

Представляется, что, с такой точки зрения, описание предмета (трансцендентного описанию референта) с помощью дескрипции исходит из допущения о том, что этот предмет является так или иначе *данным*, заданным (*pre-given*); более же сложные виды описания исходят из несколько иного допущения, а именно: первичное описание предмета может быть помещено в контекст некоторой системы описания — или: имеется (дана, задана, может быть задана) такая система описания, что помещение в нее указания на описываемый референт не нарушит правил функционирования этой системы.

Формально отношение между референциальными знаками и трансцендентной описанию реальностью есть отношение дескриптивности; "материально" же — т.е. по отношению к описываемой реальности как таковой, как имеющегося в наличии в качестве реальности референциального "материала" — отношение между предложениями и тем, что они описывают, может задаваться в конкретной ситуации по крайней мере двумя способами: как дескрипция исходной данности и как *конструкция*, т.е. расширенная по отношению к первично репрезентированному материалу дескрипция более высокого уровня репрезентации. В контексте понимания репрезентации как отношения описания к некоторой реальности (М. Вартофский) такая расширенная дескрипция предстает описанием некоторой иной, новой по отношению к первично репрезентированной, реальности. Конструктивное

---

¹⁶² **Donnellan K.** Proper Names and Identifying Descriptions. — In: **Davidson D., Harman G. (eds.)** Semantics of Natural Language. Dordrecht, 1972. Pp. 356-79.

отношение характеризуется привнесением новых элементов — "объектов", чей референциальный статус может быть не прояснен, то есть эти референции могут не отсылать к изначально наличной реальности так, как к ней отсылают референции, устанавливаемые в первичной дескрипции — в наличную реальность.

Если есть система взаимосвязанных (формально и содержательно) обозначений и в этой системе взаимосвязаны как дескриптивные, так и конструктивные по характеру отношения к реальности — а эта реальность полагается в пределе общей для дескриптивного выражения в данной системе предложений — то перед нами встает вопрос: как эта внутренняя взаимосвязанность (единство) достигается и сохраняется в контексте различного характера соотношения с реальностью внутри данной системы предложений? Уместный здесь вопрос может быть сформулирован следующим образом:

как осуществляется и как возможно дескриптивное расширение наличной реальности, означаящее по существу увеличение знания о мире?

Поскольку мы считаем и дескрипцию, и более развернутые характеристики предмета — например, объяснение — различными видами *описания* некоторой сущности (в данном случае, трактуя термин "описание" подобным расширительным образом, мы не отступаем от современной аналитической традиции), постольку переход от одного вида описания к другому сам, в свою очередь, может быть описан. Такое описание перехода от дескрипции к объяснению предполагает установление некоторых критериев, руководствуясь которыми мы можем в случае необходимости говорить о таком переходе как о совершившемся.

Например, мы говорим: "Вода — это H_2O ". Указываем ли мы таким способом на свойство воды "быть веществом, молекула которого состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода" или же мы даем с помощью этого высказывания объяснение, т.е. теоретическое описание структуры вещества "вода"? Очевидно, и то, и другое: это будет зависеть от контекста, в который помещено высказывание "Вода — это H_2O ". Дескрипция, в отличие от объяснения, может не предполагать вообще никакого вопроса или же наиболее общий вопрос: "Каков этот предмет?" Объяснение же управляется более специальными вопросами — например (чаще всего): "Почему этот предмет таков (каков он есть)?" — и, соответственно, имеет целью установление таких взаимосвязей между различными видами представлений об исследуемом предмете, в силу которых имеет место то или иное знание о нем.

Согласно общепринятой дедуктивно-номологической модели объяснение предполагает описание некоторого исходного знания об исследуемом предмете и описание некоторого дополнительного знания более общего характера. С такой точки зрения, к последовательности подобных построений сводимы выводы, возникающие в реальном процессе познания. Объяснением того, почему истинно высказывание "Вода — это H_2O ", будет, например, указание на то, что это высказывание дедуктивно выводимо из высказываний "Вещества, молекула которых состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода, представляют собой H_2O " и "Молекула воды состоит из двух атомов водорода и одного атома кислорода". Разумеется, возможны и другие пути вывода, но в любом случае эксплананс как совокупность утверждений, выражающих то или иное знание об исследуемой предметной области, и экспланандум как совокупность утверждений, выражающих некоторое исходное знание об исследуемом предмете, должны быть связаны отношением дедуктивной выводимости экспланандума из эксплананса.

Привлечение логических понятий и символических средств призвано устранить так называемый парадокс объяснения, который заключается в следующем: для того, чтобы объяснить, как произведено то или иное объяснение, нужно знать, в чем заключается общий механизм объяснения, т. е. заранее знать то, что неизвестно и еще только рассматривается в качестве предмета объяснения. В дедуктивно-номологической модели парадокс оказывается снятым, однако оценка истинности высказывания фактически сводится к проверке соответствия этого высказывания некоторому (полагаемому данным) множеству истинных высказываний; оцениваемая таким способом истинность не может не быть аналитической,

что в данном случае означает — конвенциональной (§ 2.2.1). Здесь нет еще оснований считать полученное таким образом знание о мире истинным в смысле, скажем, прямого соответствия миру. Центральным вопросом, таким образом, здесь оказывается выбор базовых примитивов, или элементарных терминов (*primitive terms*) — "семантических атомов", из которых строится объяснение (§ 2.4.2). Предполагаемая произвольность такого выбора может быть постулирована как положение о том, что по крайней мере элементарные термины языковой системы должны функционировать как термины естественных родов. Указанная проблема достаточно широко обсуждалась в дискуссиях о "догмах эмпиризма", и отсутствие (или недостаточная мотивация) собственно эпистемологических оснований для формализации эмпирических данных в дедуктивных теориях не является на сегодняшний день специфически "анархическим" допущением: оно не оспаривается и вполне сдержанными исследователями. Однако здесь оказывается более релевантным прагматический критерий: поскольку теория отвечает целям не только объяснения уже известных фактов, но и *предсказания* новых, постольку она признается удовлетворительной, а отсутствие или невозможность *метаметодологического* обоснования теории как описания некоторой трансцендентной ей сущности не снижает ее ценности как теории. Применительно к языковым системам это означает, что если мы можем успешно употреблять термин в будущем таким же образом, каким мы его употребляли в прошлом, то сам этот факт выступает для нас в качестве более релевантного критерия правильности или истинности обозначения, чем степень и собственно характер соотносительности этого термина с его референтом. Таким образом, элементарные термины устанавливаются самим функционированием языковой системы. Нельсон Гудмен выразил эту мысль следующим образом:

Термин выбирается в качестве элементарного не потому, что он является неопределяемым; скорее, он является неопределяемым в силу того, что он был выбран элементарным¹⁶³.

Поэтому важный для нас вывод, следующий отсюда, таков:

Дескриптивное содержание, которое мы связываем с именем, не представляет значение имени; оно используется скорее, чтобы установить референцию имени.

Указание дескрипциями само по себе возможно тогда и только тогда, когда мы предварительно уже обладаем некоторым знанием об указанном объекте. Тогда само указание сводится к *проверке* соответствия некоторых предикатов определенным свойствам, уже известным нам. Допустим, мы обладаем знанием следующей совокупности дескрипций: человек, который был великим оратором, жил в Древнем Риме и был лыс. Мы полагаем, что этим человеком был Цицерон. Однако наша уверенность в правильном указании основывается на том, что мы уже ранее обладали достаточными знаниями о человеке по имени Цицерон — достаточными в том смысле, что мы были способны ответить на вопрос: "на кого вы указываете?" Наше указание сводится к установлению соответствия между известными дескрипциями и ранее известными нам свойствами Цицерона.

Однако неясно — и неясно, с какой точки зрения может быть определено — какое количество дескрипций будет необходимым и достаточным для выделения объекта. Поэтому во многих ситуациях дескриптивный способ указания не обеспечивает выделения объектов или референтов единственным образом.

Недостатки указания дескрипциями обнаруживаются, например, при попытке указания с помощью одних и тех же дескрипций на один и тот же объект в различные периоды — скажем, на человека по имени Цицерон в юности, когда он еще не облысел, и в период позирования для бюста. Отсюда понятно, почему принцип идентифицирующих дескрипций не выдерживает некоторых контрпримеров: они возникают оттого, что возможны ситуации, в которых референт имени не выделяется данной совокупностью дескрипций, или ситуаций, в которых объект, удовлетворяющий такому описанию, не является искомым референтом. В

¹⁶³ Goodman N. The Structure of Appearance. Cambridge Mass., 1951. P. 57.

последнем случае ситуация выглядит, с точки зрения корреспондентной теории истины, следующим образом: дескрипции действительно указывают на объект, но указание оказывается ложным.

Такого рода ситуации свидетельствуют о необходимости выделения двух моментов в указании: определения истинности или ложности значения имени указываемого объекта и определения истинности или ложности способа указания. Как мы видели в § 2.2.2, такая теория, которая отображала бы значение выражения, должна состоять:

- а) из теорем Т-теории;
- б) из теории выражений, используемых в Т-теоремах.

Отождествление этих моментов в принципе идентифицирующих дескрипций приводит к описанным трудностям.

Рассмотренные особенности дескриптивного способа указания приводят к вопросу о различии между знанием того, что означает данное выражение, и тем, что оно называет. Знание того, что такое вода, например, требует определенных знаний о воде. Можно было бы сказать: только тот, кто знает, что вода есть H_2O , на самом деле знает, что такое вода. Однако понимание термина "вода" не требует этого. Другими словами, следует проводить различие между пониманием термина и конкретным знанием конкретного объекта, на который он указывает. Такое различие предполагает, далее, разграничение знания семантических фактов относительно слов и знания эмпирических фактов относительно их референтов. Обладать некоторым знанием объекта, достаточным для его идентификации, означает тогда располагать не просто информацией об объекте, но и информацией о значении термина, указывающего на этот объект.

Так, Сол Крипке утверждает, что фрегеанская теория не в состоянии дать адекватную теорию того, как имена указывают на предметы, и предлагает более адекватное, по его мнению, объяснение того, как имена выбирают свои референты. В теории Крипке появляются два важных компонента: социальный и каузальный. Теория дескрипций считает, что имя N обозначает объект x при использовании S в том случае, если x единственно удовлетворяет всем или большинству таких предикатов F , что S согласился бы с " N есть F "; имя определяет свое обозначение с помощью критерия пригодности. Но во многих случаях информация, обычно связываемая со специфическими индивидами, является ошибочной. Поэтому теория дескрипций могла бы быть расширена за счет включения социального элемента, который Крипке считает необходимым. Согласно такой альтернативе, имена должны рассматриваться как играющие референциальную роль в пределах языкового сообщества, а дескрипции, которые связаны с именем, должны определяться общепринятыми полаганиями (beliefs) по поводу называемого индивида. Это не обязательно должно достигаться усреднением полаганий языкового сообщества, касающихся этого индивида: может быть увеличен "удельный вес" отдельных дескрипций — например, принадлежащих таким членам языкового сообщества, кто обладает лучшим знанием рассматриваемого индивида.

Согласно Крипке, выбор не может зависеть исключительно от свойств, которыми обладает индивид; каузальный элемент должен быть включен в любую успешную теорию референции. Необходимость в каузальном элементе может быть обнаружена по следующей аналогии: расплывчатая фотография все же является фотографией именно некоторого специфического человека на основании причинного отношения, даже если мы можем получить лучшее представление о внешности этого человека по фотографии его близнеца. Каузальная референция выглядит, по Крипке, следующим образом. Индивид x "окрещен" именем N , и далее это имя передается от одного к другому конкретному случаю употребления N . Говорящий может обозначить x при помощи имени N , если имеется цепь сохраняющих референцию связей, который ведет назад к начальному крещению. Связь сохраняет референцию, если говорящий намеревается использовать имя с той же самой референцией, что и тот человек, от которого он его слышал ("так говорят"). С помощью подобного рода каузальной зависимости объясняется возможность употребления имени в

таких ситуациях, где для обсуждаемого индивида не отыскиваются дескрипции, идентифицирующие его единственным образом.

Возникающий в этой связи вопрос таков:

**каковы онтологические основания для того, чтобы
"так говорить"?**

На что, с такой точки зрения, указывают имена естественного языка, употребляемые в реальной речевой деятельности — на элементы мира, заданные самой природой вещей, или на конвенциональные классы (§ 2.4.1)? Функционируют ли выражения естественного языка (например, имена собственные) как термины естественных родов или как термины конвенциональной категоризации содержания мира? Теория сингулярной референции Крипке пересекается, таким образом, с теорией значения терминов естественных родов.

3.1.2 ЖЕСТКИЕ ДЕСИГНАТОРЫ

По традиционной (фрегеанской) теории, естественно-родовые термины функционируют аналогично именам собственным. Так же, как имена собственные имеют смысл, который определяет их референцию, так родовые термины имеют смысл или значение, которое определяет их экстенционал, т.е. те случаи, к которым они применяются. В дополнение к этим естественно-родовым терминам существуют термины не-естественных, или конвенциональных (номинальных) родов. Поскольку естественные рода отражают дистрикции, локализованные во внешнем мире (является ли нечто золотом или тигром — вопрос экстралингвистический), постольку номинальные рода предстают предметом наших систем классификации и зависят от лингвистического удобства и соглашения. Естественные рода определены внешним описанию миром; номинальные рода определены нашей конвенциональной категоризацией.

Концепция референции для родовых терминов должна, как и любая теория референции, экстенционально корректным образом обеспечивать идентификацию объекта указания; специфика же указания именно посредством родовых терминов заключается в том, что такая теория предполагает некоторое объяснение особенностей указания не просто на объект, но на его сущностные свойства. Указание как связь между знаком (родовым термином) и обозначаемой им вещью (элементом множества внеязыковых объектов, образующих естественный род) предстает, таким образом, в определенной степени обусловленным теми сущностными свойствами, благодаря которым эта вещь существует как идентифицируемая в своем родовом качестве.

Крипке предлагает решение этой проблемы с помощью двух допущений:

- (1) родовый термин обозначает (designates) специфический род объектов на основании причинной связи, соединяющей термин с родовой сущностью в ее проявлениях;
- (2) родовые термины являются жесткими (rigid) десигнаторами: они определяют один и тот же род объектов во всех возможных мирах, в которых существует этот род.

Тезисы (1) и (2) покрывают две пересекающиеся области определения. Положение (1) заявляет каузальную теорию референции для родового термина. Такое объяснение призвано отвечать на вопросы вида: "На каком основании термин "вода" относится к H_2O ?" Это — объяснение способа, которым специфический тип термина соотносится с некоторой специфической частью мира. С другой стороны, (2) сообщает нам нечто относительно того, как родовый термин проявляет себя (т.е. может быть употреблен) в различных условиях. Положение (2) помогает нам отвечать на вопросы, подобные следующему: "Является ли утверждение "Вода заполняет реки и моря" истинным в возможном мире W ?"

Существует несколько различных каузальных теорий референции¹⁶⁴, сходящихся на том, что

¹⁶⁴ **Boyd R.** Metaphor and Theory Change: What is "Metaphor" a Metaphor for? — In: **Ornony A.** (ed.) Metaphor & Thought. Cambridge Mass., 1979; **Devitt M.** Designation. N. Y., 1981; **Evans G.** The Causal Theory of Names. — In: **Shwartz S. P.** (ed.) Naming, Necessity and Natural Kinds. Ithaca — N.Y., 1977. Pp 192-215; **Kripke S.** Naming and Necessity. Cambridge Mass., 1972; **Putnam H.** The

референциальная связь между родовым термином и его референтом может быть установлена даже в том случае, если говорящий не информирован или плохо информирован о природе референта. В наиболее общем виде эта позиция выражена Крипке следующим образом:

Мы используем термин "золото" как термин для некоторого рода вещей. Другие люди обнаружили этот *род* вещей, и мы слышали об этом. Таким образом, мы как часть языкового сообщества располагаем некоторой связью между нами непосредственно и некоторым родом вещей. Род вещей *полагается* имеющим некоторые параметры идентификации (*identifying marks*). Некоторые из этих параметров могут не быть действительно истинными для золота. Мы могли бы обнаружить, что заблуждаемся относительно них. Далее, может существовать такая субстанция, имеющая все параметры идентификации, которые мы обычно приписывали золоту и использовали для того, чтобы идентифицировать его, но эта субстанция не является тем же самым родом вещей. Мы сказали бы о такой вещи, что, хотя она имеет все признаки, которые мы первоначально используем, чтобы идентифицировать золото, это — не золото¹⁶⁵.

Здесь Крипке показывает, что его широкий подход к референции, например, термина "золото" в идиолекте говорящего позволяет успешно указывать на золото, даже если тот ничего не знает о природе золота или о том, где найти золото в окружающей его среде.

Вообще говоря, термины для естественных родов (например, животных, растений и химических веществ) получают референцию следующим образом: субстанция определяется как родовая сущность, представленная (почти всегда) данным образцом¹⁶⁶.

Крипке исходит из рассмотренных ранее недостатков указания дескрипциями. Во-первых, нельзя утверждать, что для правильного указания именем как совокупностью дескрипций нам необходимо знание существенных и несущественных свойств указываемого объекта. Во-вторых, если даже нам известны существенные характеристики, то они могут быть истинны по отношению к другому референту, а не тому, который имеет в виду говорящий.

Такие представления ведут к изменению взглядов на условия появления указания. Согласно Крипке, мы не задаем свойства, которые каким-то способом качественно и исключительно выделяют некий предмет и таким образом определяют наше указание. Напротив, мы указываем на определенный референт не потому, что знаем его существенные свойства, а благодаря нашей связи с другими людьми, и эта связь доходит до самого референта. В общем случае наше указание зависит не только от того, что мы сами думаем, но и от других людей, от истории того, каким образом имя дошло до говорящего и т.п. Появление указания, с точки зрения Крипке, происходит в церемонии "первого крещения", например в случае первоначального именованя домашнего животного, на которое при этом непосредственно указывают. В других ситуациях первое указание может закрепляться дескрипцией, которая отражает какое-либо конкретное свойство объекта. Таким образом, введение понятия жестких десигнаторов позволяет, во-первых, объяснить функционирование и усвоение терминов с момента их появления и, во-вторых, описать условия единичности указания как условия "церемонии крещения".

Серьезная особенность каузальной теории указания Крипке состоит в том, что закрепление указания чаще всего происходит по случайному свойству объекта: хотя для Аристотеля самое существенное свойство связано с его философскими работами, а для Цицерона — с ораторской деятельностью, отсутствие этих свойств не лишило бы их собственных имен. С такой точки зрения, действительное употребление имени не требует знания существенных

Meaning of Meaning. — In: **Putnam H.** Mind, Language and Reality. Vol. 2. Cambridge Mass., 1975. Pp. 215-271; **Putnam H.** Representation and Reality. Cambridge Mass., 1988.

¹⁶⁵ **Kripke S.** Naming and Necessity. Pp. 118-119.

¹⁶⁶ **Ibid.** Pp. 135-136.

свойств объекта, поскольку указание определяется возможностью проведения "каузальной цепи" от настоящего употребления к первому употреблению. Изменение взгляда на соотношение имени и его носителя выступает как следствие этой центральной идеи каузальной теории указания.

В связи с тем, что именование в концепции Крипке претендует на роль единственного способа указания, сфера действия процедуры именования значительно расширяется. Каждый естественный род обладает определенными отождествляющими характеристиками, которые могут быть разделены на случайные и необходимые. Закрепление указания термина часто осуществляется по случайным свойствам. Например, термин "тепло" был первоначально закреплен по ощущению тепла, вызываемому у человека. Если кто-то в другом возможном мире попытается закрепить этот термин посредством иного признака — допустим, в силу неспособности воспринимать тепло — то это не значит, что термину "тепло" соответствует другой референт. Случайные свойства — цвет, вкус, способность оказывать определенное чувственное воздействие на человека и т.д. — по-картезиански отделены от первичных, сущностных качеств и не существенны для естественных родов, а проявляются в ощущениях человека и служат для закрепления первых указаний.

Отсюда следует, что тождество объектов, которое по эмпиристской традиции считается случайным, не является таковым, если объекты поименованы твердыми десигнаторами, выбирающими один и тот же индивид в каждом возможном мире, в котором этот индивид существует. Таким образом, согласно Крипке, тождества необходимо истинны, если они истинны вообще.

Так, рассмотрим утверждение тождества, в котором обе стороны являются твердыми десигнаторами. Если такое утверждение истинно, то оно необходимо истинно. Например, истинно утверждение тождества "Утренняя звезда = Вечерняя звезда". Как твердые десигнаторы, оба эти термина определяют одну и ту же вещь (планету Венера) во всех возможных мирах. Так, в каждом возможном мире, в котором существует Венера, утверждение "Утренняя звезда = Вечерняя звезда" является истинным. Таким образом, это утверждение необходимо истинно.

Используя имена тем способом, каким мы обычно это делаем, мы можем сказать заранее, что если Утренняя звезда и Вечерняя звезда являются одним и тем же, то ни в каком возможном мире они не могут быть различны. Мы используем [термин] "Утренняя звезда" как имя определенного тела и "Вечерняя звезда" как имя определенного тела. Мы используем их как имена этих тел во всех возможных мирах. Если фактически они являются одним и тем же телом, то в любом другом возможном мире мы должны использовать их как имя этого объекта. Итак, в любом другом возможном мире будет истинно, что Утренняя звезда является Вечерней звездой¹⁶⁷.

Крипке признает, что утверждение тождества носит эмпирический характер (не аналитично) и может быть оправдано только *a posteriori*. В результате истинные подлинные утверждения тождества (утверждения тождества между жесткими десигнаторами) необходимы *a posteriori*. Мы не знаем *a priori*, что Утренняя звезда — это Вечерняя звезда, и не имеем, согласно Крипке, возможности выяснить ответ каким-либо путем, кроме эмпирического. Об этом свидетельствует то соображение, что мы могли бы иметь очевидность, "качественно неотличимую" от очевидности, которую мы имеем, и определять референцию обоих имен позициями двух планет в небе без того, чтобы эти планеты были одной и той же планетой¹⁶⁸.

Например, предположим, что (вопреки фактам) планета Вулкан выглядела бы в точности подобно тому, как выглядит по вечерам Венера. В этом возможном мире, термин "Вечерняя звезда" относился бы к Вулкану, а термин "Утренняя звезда" — к Венере; поэтому

---

¹⁶⁷ Ibid. P. 104.

¹⁶⁸ Ibid.

утверждение "Утренняя звезда тождественна Вечерней звезде" было бы ложным. Но язык такого возможного мира оказывается (уже в силу различия хотя бы одного термина) отличным от языка нашего мира. Для языка этого мира термин "Утренняя звезда" имеет не тот же референт, который имеет орфографически тождественный термин (омоним) в нашем языке. Таким образом, учитывая референцию терминов "Утренняя звезда" и "Вечерняя звезда" в нашем языке, утверждение тождества истинно, причем с необходимостью.

Аргумент Крипке против тезиса тождества основан по существу на его представлениях о том, как функционирует родовой термин. Когда говорящий использует термин "тепло", он успешно обозначает молекулярную кинетическую энергию, даже если он не знает того, что такое кинетическая энергия. Кроме того, и научный, и родовой термины должны являться твердыми десигнаторами. Такие термины, как "стимуляции нервных волокон" и "средняя молекулярная кинетическая энергия" должны относиться к одним и тем же родам вещи во всех возможных мирах, в которых они существуют, иначе аргумент не имеет смысла.

Аргумент такой формы заключает, что утверждение тождества ложно, с помощью

- метафизического утверждения относительно того, что является возможным, и
- предположения, что оба термина являются твердыми десигнаторами.

Однако знания такого рода случайных характеристик недостаточно для идентификации понятия в контрфактических ситуациях. Вполне возможно, что естественный род вещей может вообще не проявлять в некотором возможном мире тех свойств, по которым его впервые идентифицировали.

Например, причина тепловых явлений, вызывающих ощущение тепла, объясняется через молекулярное ощущение. Это свойство Крипке предлагает считать необходимо истинным в самом строгом смысле, потому что мы не в состоянии представить возможный мир, в котором тепловые изменения не проявляются через молекулярное ощущение. По этой причине "молекулярное движение" определяется как твердый десигнатор, который вместе с другим твердым десигнатором — "тепло" — составляет необходимо истинное утверждение тождественности.

По мнению В. В. Петрова, существует сходство между концепцией Крипке и концепцией собственных имен Рассела. Процедура именования проводится аналогично подлинным собственным именам Рассела в условиях неполноты знания свойств указываемого объекта. Каузальную точку зрения Крипке на указание можно считать аналогом расселовского "знания по знакомству" (acquaintance). Их сходство проявляется в том, что знание в "церемонии первого крещения" и "знание по знакомству" являются исходными и "неисправимыми" элементами в концепциях именования Рассела и Крипке¹⁶⁹.

Но термины естественных родов не во всем подобны собственным именам. Их различие связано с тем, что тождественность терминов родов в качестве твердых десигнаторов основывается на конкретных научных данных: например, утверждение тождественности "тепло – молекулярное движение", хотя и является необходимо истинным, получено в результате конкретных научных исследований. Поэтому свойство "молекулярное движение" в контексте развития науки может быть определено скорее как "важное", но не как существенное или необходимое. Идентификация указанного свойства в качестве необходимо истинного, т.е. истинного во всех возможных мирах, предполагает, что мы находимся на некотором идеальном конце науки, поскольку в дальнейшем мы не можем утверждать что-либо новое природе тепловых явлений. Если же термин "молекулярное движение" определяется в качестве "важного", понятие "необходимого" будет зависеть от контекста развития науки. Это ставит под вопрос тезис о независимости метафизической тождественности имен от эпистемологических посылок, от исследовательской позиции. Использование твердых десигнаторов позволяет избежать разговора только об индивидулирующих сущностях или об идентифицируемых объектах, но не об

---

¹⁶⁹ Петров В.В. Структуры значения (логический анализ). Новосибирск, 1979. С. 72.

"аристотелевских сущностях", под которыми подразумевается совокупность свойств, необходимых для существования вещи естественного рода. Именно знание такого рода свойств, выражающих, по мнению Крипке, природу объекта, гарантирует нам указание во всех возможных мирах (например, для золота этим свойством является атомный вес 79). Но если мы считаем, например, что определение понятия необходимо зависит от контекста развития науки, то мы должны говорить не об одной сущности, а об их иерархии по ходу развития науки — или даже о нескольких альтернативных иерархиях. Аналогичным образом альтернативные позиции возможны в обыденном языке. По замечанию Гудмена, термины, принятые в качестве элементарных для некоторой системы, вполне могут поддаваться определению в какой-либо другой системе; не существует ни абсолютных элементарных терминов, ни такого их выбора, который был бы единственно правильным¹⁷⁰. Отсюда следует, в частности, что подобная концепция именованности имеет вполне определенные эпистемологические границы.

Возражение, выдвигаемое по этому основанию против чрезмерно широких теорий референции, состоит в том, что использование родового термина будет обычно указывать на нечто, являющееся членом многих различных родов¹⁷¹. Например, термин "золото" можно употребить по отношению к любой вещи, сделанной или состоящей (по мнению говорящего) из золота: золотому запасу государства, украшениям, сокровищам Трои, "Петрушке" Шемякина или в качестве метафоры. Почему термин "золото" отсылает к предмету указания скорее, чем, скажем, "ценность" или "блестящая тяжесть"? В общем виде проблема может быть сформулирована следующим образом: когда родовый термин T употребляется для указания на объект O , который является проявлением родовых свойств $K_1 - K_n$, то почему T указывает только на один из этих родов?

Предположим, что некий посетитель выставки Шемякина указывает — пальцем, т.е. остенсивно — на золотую статуэтку Петрушки и произносит "Золото!" с намерением обозначить некоторую сущность, которая, по его мнению, обладает таким набором признаков или качеств, который является необходимым и достаточным для того, чтобы эта сущность могла быть идентифицирована с помощью этого термина. Предположим, далее, что наш посетитель выставки узнал в статуэтке персонаж русского фольклора и произносит "Клоун!" или "Искусство!" Чем будет в данном случае различаться применение этих обозначений? За исключением индивидуальных представлений говорящего о качественных свойствах родов, подобные широкие теории референции, кажется, не располагают никакими концептуальными средствами, которые могли бы эксплицировать различие между референциальными свойствами употребленных родовых терминов "золото", "искусство" и "клоун". Вопрос будет скорее заключаться в том, являются ли термины "искусство" и "клоун" родовыми — иными словами, является ли Петрушка клоуном тем же способом, что Шер Хан тигром, или тем же способом, что Дон Жуан холостяком? Дон Жуан может жениться, оставаясь при этом Дон Жуаном; Шер Хан не может перестать быть тигром, не перестав при этом существовать в качестве Шер Хана. В самом деле, Петрушка является Петрушкой, а его имя является нарицательным постольку, поскольку он является клоуном. Однако можно задать такое расширение контекста — например, реалистический или постмодернистский роман о Петрушке, — в котором он покидает балаган, поступает в лакеи к Чичикову, затем женится на подруге детства, становится уважаемым членом общества Петром Петровичем, ведет политическую деятельность и т.д.; но для жены он по-прежнему остается ярмарочным весельчаком Петрушкой, и по вечерам, запершись в спальне, пляшет для нее под бубенчики. Поэтому возникающий в такой связи вопрос уместнее будет сформулировать так: является ли термин "клоун" родовым *здесь*, в данном контексте, для данной концептуальной схемы?

¹⁷⁰ Goodman N. The Structure of Appearance. P. 57.

¹⁷¹ Devitt M., Sterelny K. Language & Reality: An Introduction to the Philosophy of Language. Cambridge, 1987; Dupre J. Natural Kinds and Biological Taxa. — Philosophical Review, 90 (1981). Pp. 66-90; Papineau D. Theory and Meaning. Ox., 1979.

Тогда, если родовой термин T употребляется для указания на объект O , который является проявлением родовых свойств $K_1 — K_n$, то T указывает (прежде всего) на тот из этих родов, который является наиболее релевантным для ассоциируемой концептуальной схемы W . Поэтому вряд ли корректно было бы сказать, что в контексте, например, истории о женитьбе Петрушки термин "клоун" уже не будет родовым: скорее следует сказать, что в этой истории не задан контекст (в данном случае — обычно являющийся фоновым для этого термина), позволяющий термину "клоун" проявиться, актуализоваться, осуществиться в качестве родового. Такая актуализация реализуется через каузальную фиксацию термина в качестве жесткого десигнатора, который выбирает один и тот же индивид в каждом возможном мире.

3.1.3 ИНДЕКСИКАЛЫ

Если собственные имена являются жесткими десигнаторами, то выбор индивида при установлении референции к нему зависит от "каузальной истории" использования данного имени, а она восходит к некоторому акту первоначального именованья — "так окрестили". В своей типичной форме этот первоначальный акт устанавливает референцию посредством указательного местоимения или прямого указания на объект реального мира. Если принять эту точку зрения, то, очевидно, следует считать, что интенционал собственного имени не фиксирован на каком-либо одном представлении в головах говорящих, общем для всех, кто использует это имя как единицу данного языка.

Хилари Патнэм показал, что подобный процесс имеет место в очень многих случаях; в частности, с естественно-родовыми терминами. Если в язык успешно внедряется такой термин — например, "тигр" — то этот процесс в типичной форме включает в себя два первичных фактора: указывающую (остенсивную) референцию к одному или более тиграм и правильную презумпцию первоначальных пользователей этого термина о том, что индивиды, о которых идет речь, — представители некоторого естественного класса, скажем, одного биологического вида. Носители языка, употребляющие такой термин, обладают прагматически надежным критерием для отождествления тигров — "стереотипом тигра"; последний, вообще говоря, может быть недостаточен для отличения тигров от других возможных видов с внешне сходными признаками, но термин все же будет, в силу своей "каузальной истории" в языке, сохранять референцию к актуально данному виду, к тиграм, поскольку она была установлена в первоначальном акте внедрения термина. Такое действие было названо Барбарой Холл Парти **установлением функции актуальной интерпретации**¹⁷².

Вообще можно сказать, что для каждого термина, введение которого в язык хотя бы частично было основано на остенсивном акте фиксации референции, интенционал этого термина частично устанавливается на основе свойств объекта (или объектов) реального мира, первоначально вовлеченных в акт введения термина. В таких случаях незнание говорящим экстенционала термина или "причинной истории" термина ведет к незнанию интенционала, но не мешает термину иметь интенционал в языке говорящего.

Согласно Патнэму, границы между экстенционалами устанавливаются более или менее произвольно: в этом смысле содержание существующего технического определения может быть конвенционально. Основная идея здесь состоит в том, что термины естественных родов подобны в своем поведении не определенным дескрипциям, а индексикалам — словам вида "я", "ты", "он", "это вещество", референция которых зависит от обстоятельств их употребления. Фактически Патнэм утверждает, что почти все слова нашего языка функционируют как индексикалы (*indexical words*), и, следовательно, термины естественных родов совсем не отличаются от других типов общих терминов. Патнэм придерживается весьма широких взглядов на референцию: согласно ему, говорящий может успешно

¹⁷² Парти Б. Х. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность. — Семиотика. М., 1983. С. 291. (Partee B. H. Montague Grammar, Mental Representations and Reality. — In: French P. A. et al. (eds). Contemporary Perspectives in the Philosophy of Language. Minneapolis, 1979.)

указывать на вязы и буковые деревья, даже если он не может отличить их друг от друга; он может обозначать H_2O раньше, чем была развита химия, и он может обозначать тигров, даже если многие из его идентификационных представлений относительно тигров ложны.

Природа причинной референциальной связи между родовым термином и референтом определяется тем, что родовые термины содержат индексикальный компонент. Патнэм использует свою теорию родовых терминов для объяснения референции через экстенционал общих терминов (под последним понимается множество объектов, относительно которых общий термин является истинным)¹⁷³.

Возражения Патнэма против традиционных теорий значения основываются на двух фундаментально несовместимых, с его точки зрения, тезисах. Один из них заключается в том, что экстенционал определяет значения общего термина, т.е. то, относительно чего термин истинен. В соответствии с этим тезисом, два термина с одинаковым значением имеют одинаковый экстенционал. Согласно другому фундаментальному тезису, существуют определенные психологические состояния людей, соответствующие определенному уровню знания значения. О философах, придерживающихся данной позиции (например, Фреге и Карнап), Патнэм говорит следующее: "Никто из этих философов не сомневался, что понимание слова идентично пребыванию в определенном психологическом состоянии"¹⁷⁴. По мнению Патнэма, Карнап "зашел очень далеко" в своем утверждении, что знание значения общего термина позволяет распознать его экстенционал¹⁷⁵.

Таким образом, подход Крипке — Патнэма противостоит фрегеанской теории значения естественно-родовых терминов в следующем отношении: согласно этому подходу, экстенционал не определен ментальным состоянием говорящего. Фрегеанская теория значения предполагает, что

- (1) знание значения состоит из нахождения в соответствующем ментальном состоянии, и что
- (2) значение определяет экстенционал.

Иными словами, знание значения определяет экстенционал термина; ментальное состояние определяет интенционал, а интенционал определяет экстенционал. Патнэм полагает, что такая картина существенно ущербна. По его мнению, само существование реальных сущностей устанавливает, что значения находятся "не в голове".

Поэтому для того, чтобы определить экстенционал терминов естественных родов, необходимо, как и в случае с индексикалами, уточнить обстоятельства, в которых употребляются термины, т.е. определить еще один компонент (вид компонентов) языкового процесса — то, что Р. Якобсон называет интерпретантой. Правильная семантическая интерпретация терминов родов требует понимания ситуации, в которой они используются. Мы не можем, например, оценить истинностное значение предложения "Идет дождь" без привлечения дополнительной информации, поскольку его истинностное значение зависит от того, когда и где оно произносится. Само определение термина как жесткого десигнатора или индексикала выступает интерпретантой, поскольку управляет именно его интерпретацией.

О релевантности факторов стабилизации интерпретации свидетельствует аргумент "Дубль-Земли" Патнэма. Предположим, что мы знаем традиционное значение такого термина естественного рода, как "вода", т.е. нам известны некоторые свойства, с помощью которых мы можем распознать воду. Далее, представим, что где-то в космосе существует "Дубль-Земля", которая очень похожа на нашу планету. Дубль-Земля подобна Земле во всем, за исключением того, что там субстанция, называемая людьми "водой", подобна H_2O в обычных свойствах, но имеет отличную (гипотетическую) молекулярную структуру *xyz*.

Имеется "свойство", которое люди долго связывали с чистой водой и которая

¹⁷³ Putnam H. The Meaning of Meaning. — In: Putnam H. Mind, Language and Reality. Vol.2. Cambridge, 1975. Pp. 215-271.

¹⁷⁴ Putnam H. Meaning and Reference. — Journal of Philosophy, 1973, v.70. P. 707.

¹⁷⁵ Ibid. P. 704.

отличает ее от воды Дубль-Земли [хуз], и это свойство — свойство подобия любому другому образцу чистой воды из нашей окружающей среды... Субстанция, которая проявляет себя не так, как эти образцы, не будет считаться той же самой субстанцией... Но "свойство" "проявлять себя так же, как данное вещество" не является таким свойством, какие философы называют вполне "качественными" свойствами. Его описание требует специфического примера...¹⁷⁶.

У индивидов на Земле и на "Дубль-Земле" возникают одинаковые ментальные состояния относительно H_2O и хуз, достаточные для определения экстенсионалов в указанных обстоятельствах.

Допустим, что Джон и его физически тождественная копия с Дубль-Земли, Дубль-Джон, ничего не знают о химических свойствах веществ, которые они называют термином "вода"; что в таком случае является значением термина "вода" в их соответствующих идиолектах? Согласно взглядам Патнэма на референцию, Джон указывает на что бы то ни было, проявляющее себя подобно тому, как проявляет себя H_2O , а Дубль-Джон указывает на что бы то ни было, проявляющее себя подобно тому, как проявляет себя хуз. Поскольку "вода" по-английски — твердый десигнатор, то этот термин обозначает H_2O во всех возможных мирах, в которых H_2O существует. И поскольку термин "вода" на Дубль-Земле — также твердый десигнатор, то "вода" в дубль-английском языке относится к хуз во всех возможных мирах, в которых хуз существует. Таким образом, даже если Джон и Дубль-Джон физически тождественны, значение термина "вода" в их идиолектах различно.

Этот аргумент также представляет описанный подход Крипке—Патнэма к родовым терминам и опирается на расширенную теорию референции: Джон указывает на H_2O , а Дубль-Джон — на хуз даже в том случае, если они вообще не осведомлены о сущностной природе того, о чем они говорят. Термин "вода" в идиолектах Джона и Дубль-Джона должен быть твердым десигнатором. В силу этого предположения, термин "вода" в идиолекте Джона не указывает на хуз на Дубль-Земле, даже если Джон был бы расположен утверждать, что этот предмет имеет свойства воды, и термин "вода" в идиолекте Дубль-Джона не относится к H_2O на Земле, даже если он был бы расположен утверждать, что это — дубль-вода.

Хотя ментальные состояния индивидов, выражающие знание значения терминов, идентичны, это не означает, что хуз тождественно H_2O ; хуз — это другое вещество, которое просто похоже на воду. Следовательно, чтобы правильно определить экстенсионал термина "вода", мы должны знать, о какой конкретной планете идет речь. Никакое ментальное состояние индивида, соответствующее определенному уровню знания значения, не может выделить экстенсионал единственным образом, и это свидетельствует о том, что термины родов индексикальны по отношению к конкретному месту. Чтобы интерпретировать такой термин, как "вода", мы должны знать, для указания на какое вещество этот термин используется, а это требует знания того, в какой ситуации и в каком месте используется термин. Можно, вероятно, найти множество примеров того, что еще мы должны знать для правильной семантической интерпретации терминов естественных родов. Так, представители какого-либо рода могут изменить свои наблюдаемые свойства, не меняя при этом существенных характеристик (например, эволюция видов в животном мире.) Следовательно, семантическая интерпретация терминов должна учитывать и фактор времени. Это означает, что термины родов индексикальны не только относительно места, но и конкретного времени. Например, "вода" относится к тому, что содержат сейчас океаны, реки и озера и что может со временем измениться.

Таким образом, для любого объекта θ , если C_1, C_2, C_3 являются концептуальными компонентами значения знака S и если S указывает на θ в какой-то ситуации, то оно указывает за счет того, что референт обладает свойствами c_1, c_2, c_3 . Далее, если в процессе эмпирических открытий θ обогащается за счет $c_4, c_5...c_n$, то соответственно и значение S изменяется от C_4 до C_n . Только в рамках такой упрощенной концепции связи значения и

¹⁷⁶ Putnam H. Representation and Reality. Pp. 33.

указания оказалось возможным представление терминов естественных родов как индексикалов. В данной ситуации представление S в качестве индексикала означает фиксирование однозначной связи между каким-либо компонентом S , например C_3 , и свойством c_3 . Тогда индексикал можно определить как концептуальное средство, подобное твердому десигнатору и устанавливающее однозначную связь между семантическими компонентами слова и эмпирическими свойствами его референта.

Экстенционал при таком подходе выводится не из знания какого-либо необходимого и достаточного количества свойств представителей родов, а из фактов действительного употребления терминов. Патнэм, по-видимому, принимает аргумент Крипке, согласно которому первоначально идентифицирующие род признаки могут в дальнейшем оказаться случайными и даже ошибочными. При правильном семантическом анализе термины родов ближе к индексикальным выражениям типа "это вещество", чем к выражениям "это желтое вещество", в которых смешаны дескриптивные и индексикальные элементы.

Тогда компонентами значения термина естественного рода являются, например,

- правила употребления конкретных слов, с помощью которых мы распознаем стереотип рода, но не выделяем экстенционал, и
- индексикалы, точно определяющие экстенционал термина естественного рода.

Патнэм считает, что мы фиксируем референцию термина, индексикально указывая только на образец вещества или стереотип рода, не пытаясь при этом выразить все его индивидуальные характеристики. Если определение терминов естественных родов через дескрипции направлено на выделение объекта или экстенционала именно через указание их индивидуальных характеристик, то в подходе Патнэма — Крипке выделение объекта происходит не через указание совокупности индивидуальных свойств объекта, а через **описание тех обстоятельств, в которых однозначная связь термина и объекта не подвергается сомнению**. В теории Крипке единичность указания достигается при условии адекватной передачи обстоятельств церемонии "первого крещения" в ходе различных социальных коммуникаций. Другими словами, в семантике Крипке имена индивидов произвольны в том отношении, что они получены в ситуации "первого крещения", независимо от обнаруживаемых новых свойств в ходе развития научной мысли. С точки зрения Патнэма, наоборот, правильная семантическая интерпретация термина возможна только тогда, когда мы учтем все обстоятельства, сопутствующие конкретному употреблению термина.

Для нас здесь важно различие априорных свойств, которые устанавливают референцию, и необходимых свойств, которыми обладает вещь. Первые здесь очевидным образом не являются данными, "контекстно независимыми". Поскольку употребление языка — это динамический процесс, продолжающийся и постоянно меняющийся, постольку высказывания, составляющие их слова и понятия, а также способ их передачи — все это обусловлено как непосредственной ситуацией, так и всеми прежними событиями. Восприятие сообщения реципиентом подобным же образом предопределяется и данным речевым актом и всеми предшествующими информациями, которые он получал; ответ на данное сообщение, в свою очередь, повлияет на поведение первого говорящего. Это указывает на известную методологическую трудность в описании природы языка, состоящую в том, что данные, взятые из живых языков и диалектов, не ограничены и не составляют закрытого класса. Адекватное и прагматически релевантное описание языка должно не только удовлетворительным образом представлять уже сказанное и написанное, но также и то, что может быть сказано и написано на этом языке. Иначе говоря, оно имеет дело не только с актуальными предложениями, но также и потенциальными — и, соответственно, с условиями актуализации последних.

Поскольку нельзя полностью реконструировать коммуникационный процесс, осуществляющийся в каждый данный момент, то описание системы языка оказывается перед необходимостью создавать идеализированную статическую картину процесса, которая позволяет реконструировать в существенной степени составные элементы и природу

коммуникации. Представление языка в категориях системы знаков, фонологии, лексики и грамматики является не чем иным, как именно такого рода моделированием. Описание условий актуализации потенциальных высказываний на исследуемом языке оказывается при этом связанным, в частности, с усмотрением единых оснований описания исторического развития языка и описания его различных версий, локализованных в пространстве — т.е. с единством подхода к анализу обстоятельств употребления языковых выражений.

3.2 МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЗНАКА В ЯЗЫКЕ

3.2.1 ВНУТРЕННЯЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ И ВНЕШНЕЕ СРАВНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЯВЛЕНИЙ

Заключение о том, что значения не являются мысленными сущностями и не фиксируются свойствами психики носителей языка, органично для философа, работающего в русле логической традиции, поскольку в этой традиции семантика скорее рассматривается как дисциплина об отношениях между выражениями языка и внеязыковыми объектами, о которых говорят эти выражения, чем как дисциплина об отношениях между выражениями языка и действующими в сознании правилами и представлениями, составляющими языковую компетенцию носителей языка. Но для лингвиста это заключение может на первый взгляд показаться парадоксальным: ведь значения должны быть фиксированы для данного языка носителями этого языка, поскольку естественные языки — это создание человека, они отличаются друг от друга и изменяются с течением времени. Даже если предположить, что интенционалы сами по себе, как функции от возможных миров к объектам различного вида, являются абстрактными объектами, могущими существовать независимо от людей, подобно числам, то все равно следует признать, что то, чем определяется, что некоторый интенционал является именно интенционалом некоторой лексической единицы в некотором естественном языке, должно зависеть от явлений и фактов, связанных с данным естественным языком, и, следовательно, должно зависеть от свойств людей — носителей этого языка.

Этот парадокс снимается с помощью понятия "каузальной истории" и социолингвистической гипотезы о "лингвистическом разделении труда", выдвинутой Патнэмом. Согласно последней родовые термины могут передаваться от одного носителя языка к другому таким же образом, как имена собственные. Вопрос о том, насколько универсально дальнейшее применение первоначально использованных идентифицирующих особенностей, является эмпирическим вопросом; исследование обычно улучшает наше понимание идентифицирующих особенностей (эмпирический опыт может раскрыть "реальную сущность"). Действительно, то, чем являются актуальные интерпретации лексических единиц в данном языке, определяется свойствами носителей этого языка, но не исключительно свойствами их психики. Равно важны взаимодействия носителей языка с внешним миром, которые сопровождают введение слов в язык, и важны также необходимые интенции говорящих использовать слова языка стабильно, тождественным и постоянным способом. Если в момент введения слова *вода* в язык в определенном отношении к носителю языка находилось вещество H_2O , а не *хуз*, то это обстоятельство является определенным фактором в фиксации интенционала слова *вода*. Этот фактор решающим образом вовлекает в процесс говорящего, а не только вещество воды и слово *вода*; ведь без первоначального намерения говорящего использовать слово, например *water*, для обозначения вещества данного образца, это слово в английском языке не имело бы референции к данному веществу. Таким образом, свойства говорящих, вводящих слова в язык, являются решающим фактором, но это не их психические свойства.

С такой точки зрения, принцип "лингвистического разделения труда" Патнэма работает на обоснование, например, того лингвистического факта, что различие знаков *вода* — *вада* в русском языке характеризует различия диалектов одного времени на разных территориях и одновременно различия одного диалекта на одной территории в разные эпохи его существования.

Согласно современным лингвистическим представлениям, синхронное описание современного состояния языка есть не что иное, как проникновение через эмпирически фиксируемые факты в систему этого языка, скрытую от непосредственного наблюдения. Тем

самым синхронное описание, выявляющее систему языка, оказывается первым этапом исторической реконструкции. С такой точки зрения, восхождение от наблюдаемых явлений к глубинной структуре в данном синхронном состоянии языка есть одновременно и углубление внутренней реконструкции (движение к архетипу), и выход за пределы данного диалекта к родственным диалектам (от данного языка и родственным языкам). Таким образом, утверждается единство синхронного описания и внутренней реконструкции и далее — внутренней реконструкции как обобщения данных во времени и внешнего сравнения как обобщения данных в пространстве. Сущностное единство оснований употребления термина в языке проявляет себя, в частности, в том факте, что не существует дискретной границы между внутренней реконструкцией и внешним сравнением языковых явлений.

Всякая внутренняя реконструкция, по мере того как она отдалается от современного исследователю момента времени, постепенно переходит во внешнее сравнение, сначала — близкородственных диалектов одного языка, затем — генетически родственных языков (§ 1.1.2.2). В связи с этим возникает вопрос: обладает ли каждый из диалектов одного языка собственной языковой системой и структурой или же система и структура каждого из них являются разновидностями, вариантами одного инварианта — общей системы и структуры данного языка в целом?

Традиционные для классической сравнительно-исторической лингвистики представления, согласно которым диалектные изоглоссы обычно совпадают с границами племен в родовом обществе и с границами феодальных земель в более позднее время, сменились более детально проработанной позицией, согласно которой внутренние системы диалектов являются вариантами одной общей системы-инварианта¹⁷⁷. По мнению Ю. С. Степанова, здесь целесообразно говорить о тройном соотношении: **система языка в ее ярусах** (от поверхностного до внутренних разной степени глубины) — **территориальное распространение** (от говора, через диалекты, до языка) — **различия во времени** (от современного состояния к все более удаленным состояниям в прошлом). Это соотношение конкретизирует более общий "принцип лингвистического единства": **языковая система — пространство — время** и подчеркивает градуальный характер соотношения трех частей. В таком виде этот принцип позволяет корректировать внутреннюю реконструкцию данными внешнего сравнения: на определенном этапе реконструкции — и чем далее от ее начала, тем больше — реконструируемая система должна проверяться показаниями родственных диалектов¹⁷⁸.

Тот же принцип позволяет корректировать внешнее сравнение и сравнительно-исторический метод вообще данными внутренней реконструкции. С такой точки зрения, сходное параллельное развитие родственных языков не может быть случайным уже хотя бы в том отношении, что оно может быть рассмотрено как возникающее на основе тенденций, заложенных в системе праязыка. Таким образом, из логически равноправных реконструкций системы праязыка, возникающих на основе сравнения архетипов, более приемлемой оказывается та, которая может обосновать динамические процессы переходов от общей системы к архетипам.

Вместе с тем принцип единства "языковая система – пространство – время" характеризует и языковые союзы, независимо от генетически общего или необщего происхождения составляющих их языков. Этот принцип подчеркивает общность языковой семьи, основанной на генетическом принципе, и языкового союза, основанного на принципе длительного соседства, сосуществования в пространстве и времени, различных по происхождению языков. Четким критерием отличия семьи от союза остаются закономерные фонетические соответствия и общность по происхождению грамматических морфем, что может характеризовать только генетическую семью. Однако по мере углубления

¹⁷⁷ **Филин Ф.П.** Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972. С. 626; **Аванесов Р.И.** Вопросы фонетической системы русских говоров и литературного языка — В кн.: **Реформатский А.А.** Из истории отечественной фонологии. М., 1970. С. 322 – 333.

¹⁷⁸ **Степанов Ю.С.** Методы и принципы современной лингвистики. М., 1975. С. 126 – 127.

реконструкции этот критерий утрачивает четкость, и поэтому в наиболее глубоких реконструкциях фактически говорят о едином явлении "семье-союзе", не вводя дальнейшей характеристики, — генетическая ли это семья или языковой союз. При этом речь идет не о наблюдаемом явлении ("таком союзе, который по данным наблюдения превратился бы в генетическую семью"), а о закономерной при глубинной реконструкции абстрактной категории, в которой различия между семьей и союзом уже не играют роли¹⁷⁹.

Передача языковой единицы сквозь меняющиеся состояния языка, от одного говорящего к другому, от одной эпохи к другой, решающим образом вовлекает в процесс социальные намерения людей говорить на одном языке. В принципе, возможна такая ситуация, в которой какой-либо говорящий ввел какое-то слово с жесткой референцией к какому-то данному объекту, затем этот объект перестал существовать и вообще не оставил никаких следов; но слово остается в языке и сохраняет ту же жесткую референцию к тому же объекту, несмотря на то, что последующие говорящие никогда не попадали в ситуацию воспроизведения его первого употребления: его употребляют так — а не иначе — потому, что "так говорят". Таким образом, здесь мы имеем дело с анализом корреляций между различиями в истории употребления термина и индивидуальными различиями в группах людей, употребляющих его, — выражающимися, например, в пространственных различиях.

Наличие таких корреляций может быть рассмотрено как связанное с ролью актуального экстенционала в отграничении значения. Так, Б. Холл Парти ссылается на пример с терминами, обозначающими социальное положение человека: в изменении экстенционала и значения этих слов велика роль исторических изменений в обществе¹⁸⁰. Термин *ceorl*, предок современного английского слова *churl* — "грубый, грубиян, мужлан", — претерпел семантическое изменение, обозначая вначале свободного крестьянина низшего социального ранга (VII в.), затем полукрепостного (XI в.) и наконец крепостного, *serf* (XII в.). В каком смысле в подобных случаях можно говорить о том, что экстенционал остался фиксированным, а его *свойства* изменились? Ответ на этот вопрос может быть дан в духе Патнэма: экстенционал в данном случае отграничен членством в некотором социальном классе, который сохраняется как самоотждественная сущность, несмотря на постоянные замещения в его членстве, подобно тому, как наше тело сохраняется тождественным при всех изменениях его атомов и молекул.

Но как бы ни была важна роль актуального экстенционала в фиксации значения термина, примеры указывают на важность и еще одного фактора — на роль мыслительных склонностей, "когнитивных установок" носителей языка. В самом деле, еще более ранним значением слова *ceorl* было просто "человек, мужчина", а сопутствующим значением, которое прошло сквозь все изменявшиеся значения социальных рангов, было то, которое в сущности сохраняется и теперь — "неотесанный парень"; "мужик". Семантическое изменение, состоящее в том, что сначала термин обозначал социальное положение, а затем стал обозначать нечто другое — черту характера, облика или социального поведения, предполагает изменение в критерии воспринимаемого сходства, на основании которого производится индукция от данного набора образцов-индивидов к более широкой области применения. Невозможно (как правило) остенсивно указать полный экстенционал какого-либо предиката; само отношение подобия, на котором основано обобщение от одного примера или образца к полному экстенционалу, может быть рассмотрено как относительное и конвенциональное. Поэтому общие всем говорящим на языке *L* склонности определять свойства объектов, их сходства и различия так, а не иначе, остаются решающим фактором индивидуации. Итак, фиксация определенной интерпретации знаков может быть рассмотрена как предполагающая два основания:

- "актуальную природу данных индивидуальных (*particular*) объектов, которые выступают

---

¹⁷⁹ Трубецкой Н. С. Мысли об индоевропейской проблеме (1936). — Вопросы языкознания, 1958, №1. С. 65 – 77.

¹⁸⁰ Парти Б. Х. Грамматика Монтегю, мысленные представления и реальность. С. 294.

как парадигма"¹⁸¹ — то, что является независимым от носителей языка и чего они полностью не знают, и

- общие перцептивные и когнитивные свойства человеческого сознания, определяющие природу генерализации, при которой указанная парадигма начинает служить образцом для обобщения.

При этом оба основания проявляются взаимосвязанно в том отношении, что когнитивные свойства сознания обеспечивают актуализацию парадигмы.

Такое понимание процесса установления связи между знаком и его референтом позволяет далее конкретизировать релевантность интерпретант — факторов стабилизации интерпретации. Например, когда в язык впервые был введен термин *тигр*, то лишь какая-то небольшая часть существовавшего тогда множества тигров была в истории термина связана с этим языковым актом. Те же самые факторы, которые обеспечивали правильность применения этого термина ко всем остальным существовавшим тогда же тиграм, обеспечивают применение этого термина ко всем тиграм, родившимся после того, и ко всем возможным тиграм, которые появились бы на свете при каком-либо ином ходе событий. Актуальная природа объектов, вовлеченных в первоначальный акт введения термина, ведет к тому, что интенционал термина становится частично жестким, в том смысле, в каком Крипке говорит, что собственные имена делают их интенционалы полностью жесткими.

С подобной точки зрения, определение такого понимания референции, которое учитывает процесс установления связи между знаком и его референтом, как *каузального* подхода неоправданно сужает его объем. Предыдущее употребление термина выступает не столько собственно причиной его последующего употребления, сколько основанием его очередной реинтерпретации, актуализуемой его очередным употреблением. Такое основание включает говорящего в некую заданность, допускающую intersubjectивную проверку правильности употребления термина в пределах языкового сообщества. Стабильность употребления знака в одном и том же значении объясняется в таком случае не причинной обусловленностью знака, но открытостью описания для верификационных метатеоретических процедур, подразумевающих интерпретацию в более широком метаописательном контексте. На первый план при этом выходит проблема *правильности* интерпретации, а уместный в этой связи вопрос можно сформулировать так:

какими критериями мы должны руководствоваться для того, чтобы иметь возможность судить о том, правильно или неправильно употреблен термин?

Очевидно, здесь не может быть достаточно не только критериев соответствия с действительностью, но и вообще каких бы то ни было критериев, игнорирующих свойства знаковых систем. Задачей знаковых систем является не только отражать то, что происходит в реальности, но и дополнять реальность доступными этой системе средствами, помогая разобраться во внешнем мире при помощи методов, имеющихся в распоряжении данной системы. Эта важнейшая функция знаковых систем усиливается по мере того, как человечество сталкивается со все более сложными и абстрактными проблемами реальности, не данными нам в непосредственные ощущения, и о которых можно получить представление только при помощи сложной дифференцированной символики. В этих случаях основными критериями правильности нашего манипулирования с системой на некотором отрезке познания становятся правила самой системы и наше буквальное их исполнение. Многочисленные факты свидетельствуют, что временное и вынужденное отключение от ориентации на эмпирическую реальность и переключение на автономную деятельность самой системы может в итоге привести к решению задач, не поддающихся разрешению иными способами.

Представление о том, что в этих случаях решающий вклад принадлежит внутренним ресурсам знаковых систем, возникает из того факта, что в реальном процессе употребления даже обыденного языка проблема автономной (не связанной с механизмом соответствия внеязыковой действительности) работы механизма действий языковой системы является

¹⁸¹ Putnam H. The Meaning of Meaning. P. 245.

весьма существенной. Всякий раз, когда мы хотим высказать, например, модальное суждение или же когда нам требуется восполнить ряд фактов, не связанных в цепочку последовательных событий, нам приходится прибегать к автономной работе правил языковой системы. Эта проблема обычно анализируется как проблема контрфактуалов. Например, Н. Гудмен так рассматривает предложение: "Если этой спичкой чиркнуть, то она зажжется":

Предположение, что событие произойдет, зиждется на некоторых посылах, не упомянутых в придаточном предложении. Кроме основного условия (чиркнуть спичкой), подразумеваются и другие – спичка правильно изготовлена, достаточно суха, помещена в кислородную среду и т.д. Так что следствие практически вытекает из целого ряда релевантных предпосылок... Но "если спичка будет сухая" относится не к сфере логики, а к тому, что мы называем естественным, физическим или причинным миром¹⁸².

Гудмен далее перечисляет еще и еще условия, и приходит к заключению:

Мы в конце обнаруживаем, что находимся в бесконечном вращении по кругу... Другими словами, чтобы прийти к правильному выводу, надо все дальше и дальше обеспечивать тылы. Строго говоря, мы можем сделать окончательный вывод только на основе недоказанных посылок; проблема условных предложений оказывается неразрешимой¹⁸³.

Таким образом, обращение к реальной действительности для решения проблемы контрфактуалов оказывается недостаточным. Своеобразие нереальных (еще неосуществленных) условий проявляется в том, что их выражение в речи включает не только две посылки, одна из которых является логическим следствием другой, но и уверенность, что правильность этой последней посылки может быть дедуктивно-гипотетически установлена самостоятельным, не зависимым от логики способом.

К самостоятельным факторам, устанавливающим правильность нереальных условий, можно отнести объем существующих у людей знаний и вывод, получаемый из более обширного по объему закона, для которого рассматриваемый случай является частным. Однако объем существующих у людей знаний предстает некоторой абстракцией, связанной с познавательной и креативной практикой, и как объем может в наиболее общем виде определен как область возможности общего знания, общего для всех членов языкового сообщества в том отношении, что оно потенциально доступно, открыто для постижения каждым из членов языкового сообщества в результате определенного познавательного процесса. Так, Д. Льюис показал, что контрфактические высказывания ведут себя иначе, чем обычные условные высказывания с материальной импликацией¹⁸⁴. Если имеет место $(p \rightarrow q)$ и $(q \rightarrow r)$, то отсюда следует, что $(p \rightarrow r)$. Однако из истинности высказываний "если бы имело место p , то q " и "если бы имело место q , то r " не следует истинность высказывания "если бы имело место p , то r ". Различие между условными и контрфактическими высказываниями указывает на эпистемологическую и онтологическую значимость собственно языковых правил, сложившихся в результате историко-культурного процесса функционирования языка (т.е. "социальных и культурных факторов", о которых Льюис писал в связи с конвенцией). В самом деле, еще одним источником придания уверенности выводам из обычных силлогизмов (или из более сложных типов рассуждений, включая реальные и нереальные условия) предстает жесткое следование правилам языка, используемого для аргументации. Аккумулятивный в языке опыт человечества может убедить отдельного человека или группу людей в правильности языковых построений, если они будут сформулированы в соответствии с правилами логики и языковых действий. Языковые

¹⁸² Goodman N. Fact, Fiction, Forecast. Indianapolis, 1954. P. 16.

¹⁸³ Ibid.

¹⁸⁴ Lewis D. Counterfactuals. Cambridge Mass., 1973.

конструкции, опирающиеся как на жизненный опыт, так и на правила логики, живут и самостоятельно, по своим собственным законам. С их помощью можно построить мощные теории, в которых обнаруживаются совершенно неизвестные из прежнего опыта вещи. Поэтому вопрос о том, какими критериями мы должны руководствоваться для суждений о правильности употребления термина, имеет минимум два измерения: референциальное и синтаксическое, связанное с правилами действия языковой системы; но и последнее разделяется надвое в зависимости от того, понимаются ли правила как множество образцов или как руководство к действию.

3.2.2 ПРАВИЛЬНОСТЬ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И КРИТЕРИИ АДЕКВАТНОСТИ

Вопрос о необходимости установления четких критериев правильности поднимался Патнэмом, Дэвидсоном, но наиболее последовательные попытки продвинуться в этом направлении были предприняты Нельсоном Гудменом.

Согласно Гудмену, адекватность описания ни в каком случае не может быть вопросом истинности. Утверждение истинно, а описание или представление правильно, для мира, которому оно соответствует (fit).

Вымышленная версия, словесная или образная, может при метафорическом истолковании может соответствовать некоторому миру и быть для него верной¹⁸⁵.

Вопрос задается скорее не о том, правильно ли представление или нет, а о том, в какой системе координат или категорий, в каком контексте оно правильно. Например, изображения с обратной перспективой или цветопередачей могут в определенных контекстах восприниматься нами как реалистичные. Однако допущение об относительности понятия правильности и о возможности существования конфликтующих правильных воспроизведений (renderings) не означает отказа от четких критериев оценки правильности, различения правильного и неправильного.

В этой связи Гудмен проводит довольно тонкую дистинкцию между двумя смыслами, в которых употребляется слово "реалистичный"¹⁸⁶. С одной стороны, "реалистичный" означает "соответствующий обыденным суждениям о правдоподобии": в этом смысле мы говорим, например, что картины Дюрера реалистичнее картин Сезанна. Но мы можем говорить также о достижении нового уровня реализма в работах того или иного художника или фотографа, показавшего нам новые стороны жизни, о которых мы не знали раньше, но которые мы восприняли как узнаваемые, когда увидели их. В этом случае "реалистичный" означает "вновь обнаруженный с некоторой достоверностью". Речь здесь идет не об узнавании привычного объекта, но об открытии, раскрытии вновь встреченного. Эти два смысла соответствуют понятиям инерции и инициативы, с помощью которых Гудмен охарактеризовал свойства индуктивных умозаключений.

В номиналистической онтологии Гудмена такие понятия объясняются в терминах той проекции предикатов, которая связывает в единый индивид комплекс, принадлежащий одному месту и времени, и комплекс, принадлежащий другому месту и времени. В терминах такой проекции некоторое место в поле зрения, в котором в настоящий момент отсутствует цвет, присутствующий в другое время и в другом месте, можно считать окрашиваемым (colorable) в этот цвет, а палку, которую не сгибают в настоящий момент, можно считать гибкой. Решающая проблема заключается в том, чтобы оправдать такие проекции в терминах законоподобных высказываний, а эта проблема по существу является проблемой индукции.

Классическая проблема индукции — как вообще мы можем знать о будущем на основании свидетельств о прошлом — может считаться (или по более или менее общему согласию считается) снятой в духе Юма: поиски дедуктивного доказательства утверждений о

¹⁸⁵ Goodman N. Ways of Worldmaking. Indianapolis, 1978. P.131.

¹⁸⁶ Goodman N. Ways of Worldmaking. P.126.

будущем на основании прошлого и настоящего тщетны в принципе; индукция находит необходимое оправдание в фактических обычаях нашего повседневного мышления и научных исследований. Кант, отвечая на вызов Юма, определил то направление исследований, согласно которому в центре находится вопрос не о том, познаваем ли мир, а о том, каким образом возможно, как возникает и организуется наше знание — направление, актуальность которого не только не уменьшается, но продолжает возрастать, о чем свидетельствуют и работы Гудмена. Однако, по мнению Гудмена, мы продолжаем сталкиваться с новой проблемой индукции, а именно: каковы те подтверждающие процессы, на которые опираются эти повседневное мышление и научное исследование?

Прояснение этой проблемы связано с особенностями отображения предикатов, при котором может проявляться как инерция, так и противоположное ей свойство — "инициатива". Если начинать в поисках решения с уже сделанных проекций (в будущее) — т. е. тех, которые приняты на основании имеющихся данных, но еще не полностью исследованы, — и затем устранять противоречия, то опровергнутые и исчерпавшие себя гипотезы исключаются с самого начала, а остающиеся гипотезы будут подкрепляться в различной степени, зависящей от обстоятельств и прежней информации. При формулировке законоподобных высказываний более укоренившиеся ("инерционные") предикаты следует предпочесть менее укоренившимся, и в случае возникновения противоречий последние должны уступать место первым. Можно предложить специальные правила для определения таких предпочтений; такие правила смогут постепенно приближать нас к формализации обычного процесса подтверждения.

Поэтому, возвращаясь к определению правильности обозначения (описания), можно заметить, что во всех случаях речь идет об идентификации, но по различно проявляющимся основаниям. Если мы намерены считать правильным описание, соответствующее обыденным суждениям о правдоподобии (некоторому фиксированному набору суждений), то это означает, что мы идентифицируем описание через установление его тождественности данным нашего предшествующего опыта. Если же мы считаем правильным описание, являющееся правдоподобным в силу того, что оно обладает некоторой достоверностью, то мы также проводим идентификацию через установление отношения с имеющимися у нас данными, но это отношение не тождества, а некоторой согласуемости, совместимости. Но отношение тождества может быть рассмотрено как видовое по отношению к родовому — совместимости в том отношении, что тождественные вещи, вообще говоря, абсолютно совместимы, поэтому все объекты, между которыми установлено тождество, могут считаться совместимыми (но не наоборот). Первый способ идентификации очевидно не является единственным, но он так же очевидно является предпочтительным для многих систем — например, для вынесения обыденных суждений. В определенном смысле он более обоснован — для тождества требуются не просто совместимые вещи, но абсолютно совместимые вещи — но эта разница в уровне обоснованности не носит качественного характера. Мы имеем здесь дело не с новым свойством, но с полнотой проявления того же свойства совместимости.

Рассмотрим, каким образом эти эпистемологические установки проявляются в реальном употреблении языка. Правильность некоторого речевого конструкта обнаруживается, с такой точки зрения, минимум в двух аспектах — правильность его построения как наличие некоторых соответствий в множестве речевых конструктов этого языка и правильность его оформления в соответствии с языковыми правилами как результат их действия. Проблема, с такой точки зрения, заключается в выяснении того, как лучше может быть понято то или иное явление: в терминах непроцедурной характеристики его результатов или же в терминах процедурной характеристики связанных с ним процессов¹⁸⁷. Для выявления этого различия может быть привлечена, например, используемая немецкими лингвистами оппозиция "построенные (имеющие внутреннее строение) vs. непостроенные

---

¹⁸⁷ Winograd T. Language as a cognitive process. V.I. Syntax. Reading, 1983. P.151.

(не имеющие внутреннего строения) тексты" (komponierende — nicht komponierende Texte)¹⁸⁸. Если в основе текстов, которые можно отнести к какому-то одному типу, например "рассказ", "последние известия", "инструкция" и т. п., может быть усмотрен определенный целостный композиционный план, то следует признать, что существуют "непостроенные тексты", то есть такие описания, которым нельзя поставить в соответствие определенный единый композиционный план и которые потому нельзя отнести к какому-то определенному традиционному типу названного вида. При этом стратегия говорящего, играющая большую роль в актуализации описания, далеко не для всякого текста должна быть направлена на актуализацию определенного традиционного композиционного типа.

Э. Ланг приводит следующий пример "построенного" текста типа "выпуск последних известий по радио" с такой композиционной схемой: ОРИЕНТИРОВКА (подтип: объявление о сообщении) — СООБЩЕНИЕ 1 — ... — СООБЩЕНИЕ n — КОДА (подтип: эксплицитно поданная заключительная фраза)¹⁸⁹.

- 1) "Передаем последние известия. ... — Мы передавали последние известия. Следующий выпуск слушайте в 13 часов".
- 2) "Передаем последние известия. ... — Итак, на этом я кончаю. В 13 часов я опять прочитаю вам последние известия".

В известном смысле оба текста правильны, в них выполнены необходимые условия связности, предложения построены грамматически корректно и, что важнее всего, эти речевые отрезки отвечают критерию относительной законченности. Вместе с тем в (2) есть одно отклонение, которое не разъясняется в свете требований, предъявляемых к данному типу описания, в то время как для носителя языка очевидно различие между (1) и (2). Подоплека этого различия состоит в том, что (1) возможно как "выпуск последних известий" по радио, тогда как (2) содержит один дефект: выпуски последних известий так не заканчиваются.

Описания, подобные (2), имеют черты двоякого рода: в одном отношении они совершенно правильны, в другом — нет. Первое из этих свойств может быть названо свойством правильного оформления, второе — свойством правильного построения. Текст (2) является правильно оформленным, но неправильно построенным, в то время как текст (1) и хорошо оформлен, и правильно построен. Это различие может быть показано еще на одном примере:

- 3) "Передаем последние известия. — ... — Итак, на этом я кончаю. В 13 часов я опять спою вам песню".

В отличие от текста (2) текст (3) содержит совершенно отчетливый дефект, который легко обнаружить: здесь совершенно ясно прослеживается нарушение семантического условия связности. Следовательно, текст (3) в отличие от текста (2) является плохо оформленным, но и тот и другой являются неправильно построенными.

Рассмотрим теперь такой пример:

- 4) "Передаем последние известия".

Описание (4) не удовлетворяет критерию законченности и является плохо оформленным текстом. Другими словами, понятие "правильно оформленное описание" содержит в себе и критерий относительной законченности: текст, который нельзя потенциально закончить, является плохо оформленным. В самом деле, если мы ограничим понятие "правильно оформленного" описания только критериями, которые касаются

¹⁸⁸ **Isenberg H.** Texttheorie und Gegenstand der Grammatik. — *Linguistische Studien*, 11. B., 1974; **Lang E.** Über einige Schwierigkeiten beim Postulieren einer Textgrammatik. — In: **Kiefer I., Ruwet N. (eds).** *Generative Grammar in Europe*. Dordrecht, 1973.

¹⁸⁹ **Lang E.** Über einige Schwierigkeiten beim Postulieren einer Textgrammatik. S. 312.

связности текста или словарной правильности лексемы, то понятие "текст" станет практически синонимичным понятию "связная последовательность предложений" и т.д. Это означает, что сюда уже не будут включаться входящие в интуитивное представление об описании специфические критерии относительной завершенности, наличия начала и конца.

В этой связи важно отметить следующее: чтобы различить (4) и (2), нам не нужна информация о композиционной схеме, по которой порожден этот текст. Пример (4) является незаконченным описанием не потому, что в нем отсутствует полноценное заполнение композиционной схемы: незаконченность следует из самой информации, которая непосредственно сообщается высказыванием (4).

Далее обнаруживается, что различие между (1) и (2) не имеет отношения к критерию законченности, потому что именно по данному признаку эти описания не различаются. Для того чтобы объяснить относительную законченность текста (2) — точнее говоря, объяснить, почему (2) в отличие от (4) является потенциально завершенным описанием — нам не потребуется уже обращаться к специфике различения описаний (2) и (1). Поскольку эта специфика основана на критерии правильной построенности, постольку можно говорить, что законченность описания не является специфическим признаком правильной построенности. Правила языка продолжают действовать, и если мы можем в соответствии с ними создать нечто новое, то оно может быть правильным, даже если ничего подобного по этим правилам никогда ранее не производилось.

Стоящая перед исследователем задача может, таким образом, пониматься двояко. Теория языка должна:

1. объяснить способность человека компоновать языковые выражения, то есть создавать композиционный план и организовывать описания в соответствии с этим планом, а также способность декомпонировать описания и реконструировать лежащий в их основе композиционный план;

2. объяснить способность человека продуцировать и понимать языковые выражения.

Задача 1 охватывает такую область исследования, которая будет объяснена при экспликации понятия правильной оформленности описания. Задача 2 содержит предмет исследования, для объяснения которого должна быть привлечена правильная построенность описания. При этом очевидно, что предмет исследования задачи 1 охватывает как типологические, так и прагматические критерии, так как для построения композиционного плана необходима, например, информация о коммуникативных интенциях, так же как информация о типах описания, то есть виды информации, имеющие источником область функционирования языка. Последняя же является собственно предметом исследования задачи 2.

Задача выявления критериев правильности в их соотношении с теорией может в таком случае быть сформулирована двояко:

1. Теория должна дать экспликацию понятия "правильно построенное описание". В частности, она должна предоставить те критерии, которые показывают, в каких случаях описание является потенциально укомплектованным с точки зрения композиции и в каких — нет; какие композиционные элементы возможны в описании; в каких случаях композиционные элементы описания организованы правильно и в каких — нет и т.д.

2. Теория должна дать экспликацию понятия "правильно оформленное описание". В частности, она должна предоставить те критерии, которые показывают, в каких случаях описание является потенциально законченным и в каких — нет; в каких случаях текст, состоящий более чем из одного предложения, является связным и в каких — нет; в каких случаях предложение в языковом контексте может рассматриваться как возможная часть описания и в каких — нет и т.д.

Итак, правильная организация композиционных элементов описания зависит от лежащего в его основе композиционного плана, а также в известной степени от коммуникативного намерения, реализации которого служит данный текст. Получатель сообщения должен реконструировать композиционный план отправителя и, насколько это

возможно, его коммуникативные интенции. Существует, таким образом, тесная связь между задачей 2 и более общей задачей — объяснить процессы языковой коммуникации¹⁹⁰.

Тогда можно сказать, что к теории 1 оказывается применима претензия Куайна, заключающаяся в том, что теория такого типа рассматривает язык как соответствие, вторым компонентом которого является класс семантически правильных истинных утверждений этого языка¹⁹¹ (§ 2.2.1). Теория второго рода выходит из круга подобной критики. Ее теоремы являются теоремами конструктивной системы в том отношении, что они полагаются "реальными" определениями, использующими определенные семантические критерии правильности в дополнение к обычным синтаксическим критериям, налагаемым на чисто формальные (или "номинальные") определения¹⁹². Конструктивная система формализует некоторую область (предполагаемого) знания, которое может быть представлено как множество предложений, сформулированных в неформализованном дискурсе (например, естественном языке), где некоторые термины должны быть соответственно определены в системе, использующей правила вывода, а некоторые образуют специальное множество терминов, принятых за элементарные, т.е. базовые примитивы системы ("внелогические основы" — "extralogical basis"). Таким образом, вопрос о динамических критериях правильности возвращает нас к вопросу о произвольности/непроизвольности выбора "атомов" категоризации, элементарных терминов системы, на новом уровне. Примитивы должны при этом пониматься как уже являющиеся предметом преднамеренного использования или интерпретации; если их использование или интерпретация не очевидны, то они могут быть обеспечены неформальным объяснением, в строгом смысле не являющемся частью системы.

Термин выбирается в качестве элементарного не потому, что он является неопределяемым; скорее, он является неопределяемым в силу того, что он был выбран как элементарный... Вообще термины, принятые в качестве элементарных в одной системе, вполне могут поддаваться определению в какой-либо другой системе. Не существует ни абсолютных элементарных терминов, ни такого их выбора, который был бы единственно правильным¹⁹³.

Так, например, неформализованная область может состоять из предложений, описывающих человеческие отношения родства, а конструктивная система в этом случае будет состоять в точных определениях всех предикатов родства в терминах примитивов (например, *X — родитель Y* и *X — женского пола*) и в рекурсивно устанавливаемой спецификации теорем через аксиомы и правила вывода. При этом каждая из теорем является интерпретацией (путем определения) одного из первоначальных неформализованных предложений. Здесь может быть задан следующий вопрос, явившийся бы приложением общего для аналитической (и не только) философии "парадокса анализа", или "парадокса объяснения": если мы уже располагаем неформализованным "знанием", к которому мы должны обратиться в оценке как точности определений конструктивной системы, так и ее адекватности (то есть, образуют ли ее теоремы достаточно дифференцированное множество: является ли, скажем,

---

¹⁹⁰ Это никоим образом не означает, что обе задачи совпадают. Более того, задача 2 затрагивает отнюдь не полностью то, что называется коммуникативной интенцией в широком смысле слова. Одна из причин этого заключается, в частности, в том, что получатель обычно способен восстановить композиционный план описания, но он лишь частично может обнаружить полное коммуникативное намерение, "подлинные" мотивы отправителя сообщения. Языковые выражения сообщают гораздо больше того, что можно объяснить через экспликацию правильной построенности. В них, например, может содержаться косвенная информация, которую отправитель сознательно не вкладывал в композиционный план.

¹⁹¹ **Quine W. V.** Two Dogmas of Empiricism. Pp. 35-36.

¹⁹² **Goodman N.** The Revision of Philosophy. — In: **Goodman N.** Problems and Projects. Indianapolis, 1972. Pp. 5 – 23.

¹⁹³ **Goodman N.** The Structure of Appearance. Cambridge Mass., 1951. P. 57.

некоторое описание законченным), то зачем вообще нужно строить такие системы? Каким образом может что-то объяснить такая теория?

Ответ может учитывать три аспекта.

1. Успешно построенная конструктивная система сообщает нам нечто, чего мы вообще не знаем заранее, а именно тот факт, что некоторые примитивы представляют адекватные основания для определения всех рассматриваемых терминов — факт, имеющий несомненное методологическое значение. Кроме того, конструктивная система демонстрирует набор отношений логической и определительной зависимости, многие из которых не даны заранее, но способны обеспечивать возможность дальнейшего анализа.

2. В большинстве случаев, представляющих интерес, неформализованная область не так ясна и не так однозначно формализуема, как в примере с семейным родством. Разветвленность и гетерогенность формализуемых областей будет мотивировать преимущественное развитие конструктивных систем прежде всего в отношении систем, которые можно назвать "эпистемологическими" в том смысле, что их назначением является представление некоторой части нашего знания относительно соответствующих этой части данных восприятия. Например, система, которая пытается представлять наше знание физических объектов в терминах явлений, должна вначале поставить вопрос, какой вид феноменальных объектов рассматривать (сенсорные данные, отрезки "потока опыта" и т.д.) — вопрос, который сам по себе не может быть решен обращением к обычному или традиционному употреблению термина.

Поэтому хотя конструктивные системы могут в первом приближении быть рассмотрены как формализации, они являются не только формализациями: они являются именно теориями, и их развитие требует креативного построения функционирующей теории, а не является простым формальным моделированием обычного употребления языка.

Возможно, наиболее важны здесь соображения теоретической интерпретируемости. При сохранении важнейших особенностей неформализованной речи конструктивные определения разрешают достаточно тонкий способ замены неясных и неточных терминов более ясными и точными. Если целью моделирования является простое "отображение" обычного употребления языкового выражения (например, выявление композиционного плана высказывания), то это явилось бы искажением. Однако с точки зрения построения теории, такая процедура обязательна: более точные понятия лучше входят в проверяемые гипотезы и доказуемые результаты.

Это ведет к третьему пункту в ответе на предполагаемый парадокс анализа.

3. Ряд философских вопросов традиционной важности может быть плодотворно выражен в категориях оснований формализации представляемого знания. Например, спор между номинализмом и его противниками может быть сформулирован как вопрос о том, способна ли система, которая берет за основу рассмотрения лишь конкретные индивидуальные объекты, к адекватному представлению всего нашего релевантного знания. В таком случае решение подобных вопросов заключается в том, чтобы либо построить адекватную систему, либо так или иначе показать, что это не может быть выполнено.

Сложность здесь состоит в том, что основной предикат обычно не формулируется в философских системах с точностью, сопоставимой с точностью научных дисциплин, использующих исчисления. Конструктивные системы, напротив, с необходимостью требуют решения вопроса о допустимых основаниях, и, соответственно, очевидным образом предоставляют или положительную демонстрацию результата, или подтверждение его невозможности (фальсификацию).

Эта особенность конструктивных систем ведет к прояснению различия между критерием их точности (который мы ввели через понятие правильной построенности описания) и критерием адекватности (который мы ввели через понятие правильной оформленности описания). Вопрос адекватности является вопросом полноты системы — обеспечивает ли множество определений интерпретацию всех неформализованных предложений, представляющих интерес, в зависимости от целей системы, и является ли множество теорем

системы достаточно всесторонним. Вопрос точности касается скорее статуса реальных определений системы — отношений между определяющими терминами (*definiendae*) и определяемыми терминами (*definienda*) — и истинностного статуса теорем. Это разграничение точности (*accuracy*) и адекватности (*adequacy*), введенное Гудменом в "Структуре явления", во многом обусловило важную для современной аналитической философии тенденцию ослабления семантического критерия, налагаемого на исследования. Главное перемещение в этом направлении происходит от синонимии или аналитичности к вполне экстенциональному критерию. При этом сам Гудмен считает коэкстенсивность *definienda* и их *definiendae* все еще слишком сильным критерием. Неформализованное использование неопределенно и непоследовательно (противоречиво) многими способами, и отражение этих особенностей в объяснении вовсе не непременно увеличивает объяснительную силу *definiendae*. Неясные случаи не могут быть прояснены в соответствии с таким требованием, как коэкстенсивность; кроме того, случайный отход от неформализованных ясных случаев оправдан стремлением построить хорошую теорию. Кроме того, неудовлетворительность требования коэкстенсивности указывает на качественно отличную и более глубокую проблему: в науке и обыденном языке возможны (и весьма многочисленны) случаи альтернативных истолкований предикатов — истолкований, которые являются полностью неразличимыми в отношении любых критериев, уместных в тех теориях, к которым они принадлежат; однако альтернативы не просто не коэкстенсивны — они очевидным образом не пересекаются.

Описанный подход Гудмена представляется принадлежащим эпистемологическому и онтологическому "номинализму" — в том смысле, в котором это определение используется, например, для характеристики взглядов Куайна, предложившего известный "онтологический критерий": "Существовать — значит быть значением квантифицируемой переменной". Этот критерий, выступающий инверсией семантического критерия, связывает онтологию со способом ее описания, освобождая подобную связь от свойственного рационалистической традиции каузального детерминизма.

Итак, можно следующим образом сформулировать те эпистемологические и онтологические посылки конструктивного подхода, которые представляются наиболее важными для анализа естественного языка:

- Любой предмет может быть категоризован с одинаковым успехом многими способами, которые отличаются по существу в онтологическом наполнении и являются в этих систематизациях взаимно несовместимыми (плюрализм).
- Из-за множественности версий мира в различных знаковых системах бесполезно искать полное описание действительности (сущностная незавершаемость).
- Онтологические предложения имеют истинностное значение только относительно "истолкования" или "трактовки" объектов, мира, действительности, и т.д.; в целом, отсылка к "миру" имеет смысл только в том случае, если она релятивизируется к системе описания (онтологический релятивизм)¹⁹⁴.

Исходящая из таких посылок общая теория референции, охватывающая все референциальные функции, основана на единой символической операции, посредством которой один предмет представляет ("stands for") другой¹⁹⁵.

На первый план здесь выходит критерий внешности по отношению к символической (знаковой, или языковой в самом широком смысле) системе — критерий, в определенном отношении предельно формальный: мы не можем говорить о предметах обозначения как о сущностях, внутренне присущих самой знаковой системе, о неких свойствах обозначения, поскольку отсылка к чему-то иному, направленность на иной предмет является сущностным свойством знака. Именно благодаря этому конституирующему свойству знак (например,

¹⁹⁴ Лебедев М. В. Неокантианские истоки конструктивистской онтологии Н. Гудмена. — Логическое кантоведение IV. Калининград, 1997.

¹⁹⁵ Goodman N. Languages of Art. Indianapolis, 1968.

гудменовский или кассиреровский символ) является собой, а не чем-то иным (скажем, не относится к некоторому классу чисто физических, метафизических или психических явлений). (Для обоснования альтернативного объяснения, отрицающего конституитивность референции для знака, потребовалась бы совершенно иная теория языка, с помощью которой было бы труднее объяснять функционирование естественных и других используемых нами языков.)

Таким образом, хотя базовые семантические примитивы (предельные единицы) конструктивных систем могут являться феноменальными сущностями, эти системы тем не менее не будут являться феноменалистскими системами, т. к. не будут поддерживать феноменализм как фундаментальную эпистемологическую доктрину (равно и как онтологическую доктрину, претендующую на полноту).

Отсюда становится ясной эпистемологическая значимость конструктивных систем для обоснования употребления языка. Она состоит прежде всего в выявлении совокупности взаимоотношений между различными частями концептуального аппарата.

Фундаменталистская метафора заменена в них Куайновой “сетью полаганий” (“web of belief”). Подобно гипотетико-дедуктивным теориям естественнонаучных дисциплин, определения и теоремы конструктивных систем устанавливают дедуктивные отношения между предложениями, несущими рациональную нагрузку; причем на чем более элементарных основаниях строится конструктивная система, тем более плотными устанавливаются систематические связи и тем полнее общая связность и внутренняя непротиворечивость системы. Следующим этапом является выявление согласуемости различных систем, т. е., применительно к лингвистическим ситуациям, intersубъективной аутентичности значений, возможности одинаковой идентификации референтов всеми членами языкового сообщества.

Если мы применим критерии подобного рода к ситуации употребления естественного языка, то референции, возникающие в ходе этого употребления, оказываются таким образом в поле согласования индивидуальных картин мира, или индивидуальных концептуальных схем носителей языка. Эпистемологически сама возможность реального употребления языка предстает при этом обнаружением собственно полисубъектности, необходимой для возможности intersубъективной верификации. Такой подход позволяет избежать традиционно адресуемого релятивизму упрека в бессодержательности, недостаточном представлении референциальных оснований. Онтологический статус общей для всех носителей языка области согласования их индивидуальных картин мира оказывается при этом открытым для точного анализа и прояснения.

Редукционистские эпистемологические программы, пытающиеся вывести значение фактуальных предложений в терминах “наблюдаемых“, обнаруживаемых логических последовательностей оказываются, с такой точки зрения, беспредметными. Для прояснения представлений о конвенциональности значения в естественных языках это означает следующее.

Возможность одновременного наличия нескольких конфликтующих версий мира не отменяет и не уменьшает их истинностного значения (для разных концептуальных схем). Аналогичным образом признание относительности истинности языкового выражения не отрицает необходимости выявления четких критериев его правильности, в качестве которых могут выступать критерии адекватности правилам конструктивной системы. Это означает, что признание конвенциональности значения не подразумевает с необходимостью признание его произвольности.

Итак, если утверждение истинно, а описание или представление правильно, не “само по себе-для-мира”, а для конструктивной системы, критериям адекватности которой оно соответствует, то в таком случае можно предположить, что отсылка (референция) к “миру” имеет смысл и может служить для построения адекватной теории значения только в том случае, если она релятивизируется к системе описания. Поскольку в этом отношении установление связи между знаком и его референтом является источником семантических

правил, постольку оно может быть признана внеязыковым детерминативом (стабилизатором) значения. Поскольку, далее, пределы взаимного согласования индивидуальных концептуальных схем (которые очевидно могут быть рассмотрены как конструктивные системы ментальных репрезентаций) устанавливаются их отношением к внеязыковому миру, через каковое отношение (в частности, референцию) осуществляется обозначение языковыми выражениями элементов внеязыкового мира, постольку установление отношения обозначения выступает внешним динамическим стабилизатором значения. Динамическим же он предстает в первую очередь потому, что способность знака служить источником факта наличия предмета обозначения является, по-видимому, единственным удовлетворительным внеязыковым стабилизатором, соответствующим внутриязыковым стабилизаторам значений *речи* в смысле, описанном в § 1.4.2, т.е. понимаемым как синтагматические отношения в языке в той степени, в которой они представляют правила функционирования языка (значение как результат некоторого процесса).

3.2.3 СТАБИЛИЗАТОРЫ ЗНАЧЕНИЯ В КОНСТРУКТИВНЫХ МОДЕЛЯХ ЯЗЫКА

Развитие современной аналитической философии — и не только той ее части, которая питается интуициями позднего Витгенштейна — оказывается связанным с внедрением в концептуальный аппарат науки представления о том, что динамические категории — какова бы ни была их онтология — могут рассматриваться как семантические объекты *sui generis*. Однако от такого внедрения до создания процедурно-семантических теорий, способных усилить описание семантических свойств языковых выражений, т. е. внести вклад в лингвистическую семантику, пролегает значительная дистанция, обусловленная прежде всего слишком высокой степенью абстрактности, присущей философскому варианту процессуальной семантики. Так, влияние концепции значения как употребления, признающей за динамическими категориями семантический статус и наделяющей их социально-бихевиоральной онтологией, на лингвистическую семантику оказалось в основном опосредованным теорией речевых актов¹⁹⁶ — так же, как опосредованным теорией искусственного интеллекта и когнитивной наукой стало влияние идей Г. Райла о противопоставлении "знаний ЧТО" и "знаний КАК"¹⁹⁷. Не меньшая степень удаленности от специальных теорий языка свойственна и герменевтической традиции, в рамках которой был разработан целый комплекс процедур, ведущих к так называемому разрыву герменевтического круга. Понимание в этом случае становится активным процессом, требующим от интерпретатора использования определенных операций, которые обеспечивают входение в понятийный мир текста (установка на активное понимание реализуется, например, в рекомендации искать вопросы, содержащиеся в тексте, и отвечать на них, используя достигнутый уровень понимания¹⁹⁸).

Однако, разумеется, не только указанные философские интенции могут быть рассмотрены как использующие динамические категории. Вообще говоря, поскольку семантика есть учение о значимой стороне языковых выражений, в рамках которого делаются утверждения об устройстве этой последней, постольку процедурно-семантическими являются любые подобного рода утверждения, содержащие апелляцию к процедурам, процессам, преобразованиям, инструкциям и другим динамическим категориям¹⁹⁹. Очевидно, однако, что в силу разнообразия как представлений о том, какие вообще утверждения могут делаться в семантике (например, при "сильном" и "слабом" понимании последней), так и способов

¹⁹⁶ Wilks Y. Some thoughts on procedural semantics. — In: Lehnert W. G., Ringle M. (eds). Strategies for natural language processing. Hillsdale, 1982.

¹⁹⁷ Ryle G. The Concept of Mind. Harmondsworth, 1966. Pp. 26 - 59.

¹⁹⁸ Гадамер Г.Г. Истина и метод. М., 1988.

¹⁹⁹ Баранов А.Н., Паршин П.Б. Процедурный метаязык в лингвистической семантике. — Изв. АН СССР. Серия лит. и языка. 1990, т. 49, № 1. С. 17.

апелляции к динамическим категориям в составе этих утверждений процедурно-семантические построения оказываются чрезвычайно разнообразными. Большинство исследователей, высказывавшихся о процедурной (процессуальной) семантике в общем плане, констатировали значительную неоднородность теоретических построений, ассоциирующихся с идеей динамического описания. Т. Виноград писал о том, что термин "процедурная семантика" употреблялся "в самых разных смыслах, не всегда совместимых и не всегда понятных"²⁰⁰. Здесь следует учитывать прежде всего способ апелляции к динамическим категориям — признается ли за ними семантический статус. Использование этого параметра представляется принципиальным: хотя с идеей процедурного описания семантики и, шире, с принципом динамического описания языка ассоциируется множество различных концепций, собственно процедурными можно, вероятно, считать лишь те из них, в которых динамическим категориям признаются семантическими объектами (а не, скажем, внеположенными семантическим объектам преобразованиями). Теории этого последнего вида могут различаться, далее, по тому, какую конкретную онтологию они приписывают динамическим категориям: социально-бихевиоральную, абстрактно-ментальную (понятийную), когнитивно-психологическую, нейрофизиологическую, программно-алгоритмическую, метаязыковую и т.д. Очевидно, что этот набор онтологий в значительной мере коррелирует с набором ответов на центральный вопрос "сильных" семантик: что есть значение?

Вполне разработанный, но не получивший сколько-нибудь заметного отклика в лингвистической литературе вариант процедурно-семантических построений, приписывающий статус семантических объектов динамическим категориям с абстрактно-ментальной онтологией, был представлен в 60 — 70-е годы в отечественной семиотике²⁰¹. Согласно этому подходу, содержание и понимание текста являются двумя сторонами одного и того же явления. Для экспликации этого тезиса было предложено не вполне стандартно используемое понятие "тезаурус", трактуемое как "действующая личность... выступающая как индивидуально-общественная модель среды"²⁰². Понимание заключается в том, что под воздействием языкового выражения в тезаурусе происходят некоторые изменения — появление новых и/или исчезновение старых элементов и/или связей.

Подобная абстрактность радикальным образом преодолевалась в процедурно-семантических построениях, предложенных в начале 70-х годов в исследованиях по искусственному интеллекту (ИИ), где и возник сам термин "процедурная семантика", принадлежащий У. Вудсу. Согласно предложенным здесь представлениям, мы не только должны рассматривать производство и понимание естественно-языковыми высказываний как процессы, описываемые в алгоритмических терминах, но сами наши высказывания следует считать частями программ, результатом которых является изменение бихевиоральных предрасположений других людей. Естественно-языковым высказываниям в качестве их семантики сопоставляются алгоритмические процедуры-предписания. В условиях ограниченных предметных областей систем ИИ (например, в модели мира BLOCKS, на которой была задана программа SHRDLU Т. Винограда²⁰³) тезис "высказывания суть программы" оказался практически осуществимым, тем более, что сам мир BLOCKS и ряда других ИИ-систем начала 70-х годов (скажем, моделирующих понимание высказываний по поводу игры в "крестики-нолики" или приготовления бутербродов) был преимущественно акциональным.

Однако система, в которой вся сколько-нибудь неэлементарная семантика задается

²⁰⁰ Виноград Т. К процессуальному пониманию семантики. — Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. М., 1983. С.124.

²⁰¹ Шрейдер Ю. А. Об одной модели семантической информации. — Проблемы кибернетики. Вып. 13. М., 1965; Назаретян А. П. К информационному анализу понимания текста. — Научно-техн. информация. Сер. 2. 1977. № 2.

²⁰² Назаретян А. П. К информационному анализу понимания текста. С. 2.

²⁰³ Виноград Т. Программа, понимающая естественный язык. М., 1976.

специализированными и детализованными процедурами, оказывается чрезвычайно чувствительной к изменению предметной области в том смысле, что смена ее приводит практически к необходимости радикальной переделки системы. Такого рода соображения, соответствующие принципиальной ценностной установке современного ИИ на "нечерноту ящика", привели во второй половине 70-х — начале 80-х годов к формированию когнитивного варианта процедурной семантики, возникновение которого следует рассматривать в контексте формирования когнитивной науки как теоретической составляющей ИИ²⁰⁴. Центральным для когнитивистики помимо категории знания является понятие когнитивной системы и операций в ней. Таковые операции и получают статус семантических объектов в когнитивном варианте процедурной семантики, в результате формирования которого, во-первых, возникли предпосылки для построения процедурно-семантических описаний промежуточной степени абстрактности, а во-вторых, сложилось представление о так называемой декларативно-процедурной контроверзе, т.е. о взаимодополнительности семантических описаний в статических и динамических терминах. Формированию лингвистического варианта процедурной семантики способствовало несколько стимулов. С одной стороны, это восходящее к Гумбольдту представление об изучении языка как деятельности; следование этому принципу в семантике предполагает описание ее в терминах понимания. Но кроме того, по словам Й. Уилкса,

вся процедурная семантика — это начинание, имеющее целью построить нереферентную семантику²⁰⁵.

Следует, вероятно, заметить, что построение нереферентной семантики вряд ли может являться самодостаточной целью. Неудовлетворительность традиционной референтной семантики связана с невозможностью идентификации в референциально непрозрачных контекстах, но для решения этой задачи не обязательно отказываться от привлечения понятия референции для объяснения природы значения. Ряд расширенных теорий референции предлагают варианты решения с помощью различных концептуальных средств (§§ 3.1.2 — 3.1.3); эти варианты могут быть признаны удовлетворительными или нет, но вряд ли может быть предложен удовлетворительный аргумент против собственно привлечения понятия референции для объяснения природы значения (разумеется, такое объяснение не обязано сводиться исключительно к теории референции). Уилкс не приводит соображений, по которым процедурная семантика исключала бы возможность рассмотрения процессуально заданного значения как указания на предмет обозначения. Однако такой подход, видимо, разделяется одним из наиболее отчетливо "динамических" начинаний в специальных теориях языка за последние десятилетия: это многоуровневые модели языка, известные лингвистике с 50-х годов — сменяющие друг друга версии трансформационной порождающей грамматики, стратификационная грамматика, порождающая семантика и ее развития, модель "смысл ↔ текст" и др.

Сильной стороной порождающей грамматики можно как представляется, считать не столько ту конкретную форму, которую она приобрела при попытке исчислить все трансформации, необходимые для перехода от тех или иных глубинных структур к структуре поверхностной, сколько саму ориентацию на абстрактный процесс, связывающий эти структуры и описываемый в виде отдельных формальных операций, осуществление которых шаг за шагом приводит к желаемым семантическим последствиям. Именно в этом состоит, в частности, общелингвистический смысл новой грамматической теории, независимой от целей логической формализации. Главной особенностью такого представления оказывается опора на понятие трансформации в трансформационно-порождающей грамматике и на понятие аппликации — в аппликативной, представляющих собой не что иное, как формальные операции, необходимые для преобразования единиц одного уровня (глубинного) в единицы другого (поверхностного) и соответствующие в каждом отдельном случае применению одной

²⁰⁴ Winograd T. Language as a cognitive process. V.I. Syntax.

²⁰⁵ Wilks Y. Some thoughts on procedural semantics. P. 502

из таких операций, или же деривационных шагов. Список таких возможных операций в общем соответствует тому, что описывалось в традиционной грамматике под названием "грамматических способов выражения значений".

Для содержательной постановки задач грамматики достаточно предположить лишь частичное знание предложений и непредложений. Это значит, что в рамках данного рассмотрения мы можем допустить, что некоторые последовательности фонем суть определенно предложения и что другие последовательности являются определенно непредложениями. Во многих промежуточных случаях мы должны быть готовы предоставить самой грамматике решать вопрос о грамматической правильности предложения, если грамматика построена простейшим образом так, что в нее включаются несомненные предложения и исключаются несомненные непредложения. Это — обычная черта логического анализа понятий*.

Определенное число ясных случаев предоставляет нам, таким образом, критерий адекватности, пригодный для любой конкретной грамматики. Для одного языка, взятого в изоляции, этот критерий весьма слаб, поскольку ясные случаи могут быть удовлетворительно истолкованы разными грамматиками. Однако этот критерий может превратиться в весьма сильное условие, если мы будем настаивать на том, чтобы ясные случаи удовлетворительно истолковывались для любого языка посредством грамматик, каждая из которых построена по одному и тому же методу. Это значит, что каждая грамматика должна соотноситься с конечной совокупностью наблюдаемых предложений описываемого ею языка так, как это предусмотрено заранее данной лингвистической теорией. Таким путем мы получаем весьма сильный критерий адекватности для лингвистической теории, претендующей на общее объяснение понятия "грамматически правильного предложения" через понятие "наблюдаемого предложения", а также для множества грамматик, построенных в соответствии с этой теорией²⁰⁶.

Мы видим здесь, как конструктивная теория стремится продемонстрировать совокупность взаимоотношений между различными частями концептуального аппарата. Ранний вариант трансформационной грамматики включал только такой механизм, который мог определить тождество и различие в значении сравниваемых предложений, но не давал ответа ни на вопрос о том, как соотносится смысл высказывания с синтаксической структурой предложения, ни на вопрос о том, что понимается под смысловым представлением предложения и на каком этапе порождающего процесса оно формируется. Поэтому создание новых вариантов порождающей грамматики было связано именно с попыткой разобраться в указанных проблемах.

Так называемая стандартная теория заключалась в том, что смысл предложения полностью задается его глубинной структурой и что, таким образом, трансформации не влияют на смысл предложения. Однако несоответствие этой теории многочисленным фактам привело к ее модификации в рамках расширенной стандартной теории, расширившей сферу действия семантического компонента и признавшей тот факт, что семантические правила

---

* Ср., например, N. Goodman. *The Structure of Appearance*. Cambridge Mass., 1951, pp.5-6.

Заметим, что для достижения целей грамматики при наличии лингвистической теории достаточно частичного анализа предложений (т.е. знания только наблюдаемых предложений) языка, поскольку лингвистическая теория устанавливает соотношение между множеством наблюдаемых предложений и множеством грамматически правильных предложений; другими словами, она определяет "грамматически правильное предложение" через понятие "наблюдаемое предложение", а также через некоторые свойства наблюдаемых предложений и некоторые свойства грамматик. Согласно формулировке Куайна, лингвистическая теория дает общее объяснение тому, что "должно" быть в языке на базе "того, что есть плюс простота законов, посредством которых мы описываем и экстраполируем то, что есть" (Quine W. V. *On What There Is*. — In: *From a Logical Point of View*. Cambridge Mass., 1953. P. 54). — *Прим. Хомского*.

²⁰⁶ **Хомский Н.** Синтаксические структуры. — В кн.: *Новое в лингвистике*. Вып. II. М., 1962. С. 417-418.

интерпретации синтаксических структур эффективны на всем протяжении трансформационных циклов от глубинной структуры до поверхностной: глубинная структура задает основной, инвариантный смысл предложения, но последний все время обогащается на пути к поверхностной структуре. Некоторые ученики Хомского отказались, далее, и от этой теории, выдвинув положение о том, что резких границ между синтаксическим и семантическим компонентами грамматики не существует и что базовый компонент грамматики порождает непосредственно семантико-синтаксические представления предложения. Таким образом, если для представителей расширенной версии порождающей грамматики синтаксические структуры и трансформации должны постоянно подвергаться семантической интерпретации (отсюда ее название — интерпретативная грамматика), то для представителей порождающей семантики (эту теорию иногда называют также гомогенной, ибо она предусматривает в качестве гомогенных объектов своего исследования синтаксические структуры и синтаксические правила) семантических представлений отдельно от синтаксических не существует.

Характеризуя указанные различия, Хомский утверждает, что их можно сформулировать в виде противопоставления в направлении порождающего процесса, который представителями расширенной стандартной теории изображается как направленный от синтаксиса к семантике, но для представителей порождающей семантики — как направленный от семантики к синтаксису²⁰⁷.

Естественно, что понятия синтеза, порождения, развертывания и т. п., чтобы быть понятиями, адекватно отражающими процесс деривации, не должны отождествляться ни с линейными способами разворачивания высказываний в акте речи, ни с буквальным "расширением", единицы, принимаемой за исходную. Формирование единиц в языке — чрезвычайно сложный процесс, не сводимый к буквально понимаемому линейному связыванию единиц. Так, новые единицы номинации типа *газ* или *кварк* возникают в акте словотворчества холистически²⁰⁸. Производные и сложные слова могут возникать на базе мотивирующего их синтаксического высказывания путем "свертывания", а не "развертывания" структур. Процессуальное представление языковых данных и оказывается эффективным в той мере, в какой при таком представлении удастся избежать механистического отражения нелинейного опыта и, напротив, описать его передачу в виде серии последовательно протекающих процессов конструирования одних единиц на основе других. Именно поэтому понятия порождения и деривации должны не совпадать с понятием линейного синтеза и учитывать иные, нелинейные типы зависимостей.

В этой связи снижается важность противопоставления аналитических процедур и собственно конструктивных, т.е. процедур синтеза. Ситуация здесь подобна "парадоксу анализа": приступая к решению задач синтеза, исследователь уже непременно каким-то образом знает всю описываемую совокупность объектов, т.е. будущий результат процедур синтеза. Чтобы осуществить синтез, надо располагать некоторым (в определенном отношении исчерпывающим) знанием о конструируемом, т.е. синтезируемом объекте. Процедуры анализа и синтеза могут поэтому рассматриваться как две стороны единого процесса: какие бы из них ни преобладали в представлении данных, в их исследовании они всегда совмещены.

Реальный механизм производства речи, описать который мы стремимся, существует, по-видимому, не столько для того, чтобы определить все множество правильно построенных фраз, сколько для того, чтобы каждый раз построить (соответственно проанализировать) языковое выражение для заданного факта внешнего мира²⁰⁹.

²⁰⁷ Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972.

²⁰⁸ Кубрякова Е. С. Динамическое представление синхронной системы языка. — В кн.: Степанов Ю.С. (ред.) Гипотеза в современной лингвистике. М., 1980. С. 253.

²⁰⁹ Ревзин И. И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967. С. 27.

Так, представление данных в виде поэтапно синтезируемых последовательностей вовсе не означает, что и ход их познания исследователем был аналогичным. Совершенно так же принятый в работах представителей трансформационной грамматики стиль изложения достаточно стандартен: привести несколько синтаксических конструкций, дать им содержательное истолкование, приписать им определенную структурную характеристику или формулу, раскрывающую иерархию входящих в них единиц и т. д. Ясно, однако, что подобная процедура аналогична аналитическому подходу (подробно разработанному, например, в морфологии), когда в качестве отправного момента исследования берется некая последовательность, а в качестве его задачи выступает членение этой последовательности на составные части и установление формально-смысловых соответствий между ними. От генеративной же грамматики как таковой, т. е. как определенной модели описания, требуется другое: представить правило порождения объектов, называемых "правильными предложениями", из более простых объектов, которые используются здесь при изображении исходного, глубинного уровня деривации. В противном случае тезис о языке как о порождающем устройстве теряет свою силу.

В аппликативной грамматике синтез форм понимается буквально; он и описывается как образование более крупных единиц из более мелких. В порождающих грамматиках процессуальному представлению подвергаются, собственно, иные процессы: превращение единицы одного уровня в другую, правила "перевода" с одного символического языка на другой. Не случайно многие правила в моделях рассматриваемого типа получали название "правил переписи". Ни в той, ни в другой модели не остается, однако, места для исследования отношений, возникающих между порожденными высказываниями, а также существующих между говорящим, его предыдущим опытом, ситуацией речи и прочими грамматическими факторами, в значительной мере предопределяющими выбор речевых средств, моменты тематизации тех или иных частей предложения, а также организацию целостного текста. Все, что выходит за рамки синтеза, не получает специального освещения. Так, в аппликативной грамматике изучают отношения внутри одного словообразовательного гнезда, которое выступает как определенная схема порождения производных слов от одного корня на разных ступенях деривации (т. е. при применении разного количества деривационных шагов), однако эта модель описания пока не дает возможности для истолкования семантики получающихся единиц. Вне ее компетенции остаются также отношения, связывающие разные способы словообразования или существующие между единицами одного словообразовательного ряда или единицами, образованными в одной точке гнезда и т. п. Аналогичным образом порождающая грамматика занимается изолированными предложениями, но не их связями в реальном связном дискурсе. Приписываемый этим моделям динамизм непосредственно связан с их многоуровневым устройством: правила межуровневого перехода в них столь же важны, как и наборы иерархизованных статических репрезентаций. Тем не менее семантика в этих моделях признается воплощенной именно в таких репрезентациях, т. е. за динамическими категориями — правилами — не признается семантического статуса, и весьма показательно, что к трансформационной грамматике предъявляют претензию в том, что использование в ней динамических терминов — таких, как "понимание", "порождение" и т. д. — лишь дезориентирует читателя²¹⁰.

Таким образом, в методологии теорий языка можно, вообще говоря, выделить три уровня, на которых отчетливо релевантны разграничения по принципу учета динамики. Во-первых, это введенная Соссюром оппозиция синхрония/диахрония. Но и синхроническое описание может быть динамическим, если оно рассматривает единицы языка как результат действия языковых процессов. В свою очередь, синхронические динамические описания могут быть разделены в зависимости от того, играют ли в них динамические категории собственно семантическую роль.

---

²¹⁰ Shank R. C., Wilensky R. A Response to Dresher and Hornstein. — *Cognition*, 1977. V. 5, № 2.

	Статическое описание	Динамическое описание
Учет исторических изменений	Синхроническое описание	Диахроническое описание
Учет действия языковых процессов	Структурная лингвистика	Конструктивное направление в лингвистике
Учет семантического статуса динамических категорий	Трансформационные семантики	Процедурные семантики

Разработка принципов процедурного описания в лингвистике составляет содержание еще одного начинания (правая нижняя ячейка в таблице), вызванного задачей описания языковых объектов с сущностно процедурной семантикой — например, коммуникативных категорий.

Коммуникативные значения представляют собой не термины или предикаты, а определенные инструкции. ... Знаки несут не сообщение о действительности, а сообщение о сообщении (то есть о способе понимания сообщения)²¹¹.

Лингвистические процедурно-семантические построения могут приписывать динамическим категориям семантический статус с большей или меньшей степенью решительности, однако он всегда будет носить выражено метаязыковой характер. По классическому определению Р. Якобсона, единственным исследовательским приемом лингвистики вообще и лингвистической семантики в частности является перевод выражений языка-объекта в выражения метаязыка²¹². Другими словами, право динамических категорий считаться метаязыком с лингвистической точки зрения несомненно; что касается валидности этого метаязыка, то она подлежит обоснованию совместными усилиями всего комплекса когнитивных наук.

Подобные лингвистические теории усваивают методологические принципы конструктивистской эпистемологии: отклонение понятия "данного", отказ от проведения различия между восприятием и осмыслением (и, следовательно, от всех такого рода подходов к дихотомии наблюдения/теории для науки), отказ от априорности в пользу последовательности обоснования; акцент на прагматических соображениях в выборе теории и т.д.

Методологические особенности процедурного подхода в лингвистической семантике отчетливо сформулировал Т. Виноград.

Во многих дискуссиях от процессов переработки информации было принято отмежеваться на том основании, что они слишком переплетены с экстралингвистикой и не принадлежат приемлемому для лингвистической теории уровню идеализации. Две проблемы смешивались в подобного рода характеристиках: идеализация и процедурное описание. Очевидно, что в лингвистике, как и в любой другой науке, мы осуществляем идеализацию, дабы изучать основные явления без помехи со стороны второстепенных. (...). Другая проблема — это выяснение того, как лучше может быть понято то или иное явление: в терминах не процедурной характеристики его результатов или же в терминах формальной характеристики связанных с ним процессов²¹³.

Из сказанного выше следует, что проблемы выбора уровня идеализации имеют два тривиальных решения: одно реализуется в системах ИИ, другое — в логико-философских

²¹¹ Ревзин И. И. О роли коммуникативного аспекта языка в современной лингвистике. — Вопросы философии. 1972. №11. С. 100.

²¹² Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода. — В кн.: Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.

²¹³ Winograd T. Language as a cognitive process. V.I. Syntax. P. 151.

концепциях. Очевидно, что ни одно из этих решений не является достаточным с лингвистической точки зрения. Реально существующие варианты процедурной лингвистической семантики строят семантическое описание на некотором промежуточном уровне идеализации, учитывая и процедурный, и декларативный принципы. Основное положение здесь следующее: процесс есть смена состояний, и чем "плавнее" сменяются состояния, тем более процесс является процессом.

Как при декларативном (теоретико-модельном), так и при процедурном задании семантика выражения, вообще говоря, определяется переходом модели мира как части когнитивной системы из начального состояния S_{init} в конечное состояние S_{fin} ²¹⁴. Однако при декларативном задании учитывается лишь результат перехода, т. е. S_{fin} , а при процедурном — также и промежуточные состояния S_1 (S_{init+1}), S_2 , S_3 ... S_i , S_j ... S_{fin-1} . Переход между соседними состояниями S_i и S_j принципиально являет собой тот же переход от S_{init} к S_{fin} , и, в свою очередь, может быть расчленен на промежуточные шаги, потенциально до бесконечности. Чем больше степень дробности, тем в большей степени семантика определяется процедурой перехода и тем более состояния модели мира "растворяются" в инструкциях по их изменению. На каждом принятом уровне дробности операция перехода от S_i к S_j синтагматически элементарна; противопоставление декларативного и процедурного способов задания семантики имеет смысл лишь постольку, поскольку при уменьшении шага $S_i \rightarrow S_j$ сокращается парадигматическая сложность операций: они определяются на все меньшем числе пар состояний моделей мира, и соответственно необходимое для понимания количество "модельных" знаний уменьшается. Рассмотрение интерпретации как процедуры или процедуры как интерпретации означает переход к большему или меньшему уровню дробности соответственно.

Установление степени дробности членения мира в модели (и, соответственно, установление уровня идеализации процедурно-семантических описаний) предстает решением вопроса о "базовых примитивах" системы, ее "внелогических основах". Оно достигается в процедурных моделях путем привлечения ряда абстракций. Например, сведения об исходном состоянии модели мира могут признаваться включаемыми в процедурное описание только тогда и лишь постольку, когда и поскольку на них имеется эксплицитное указание в семантически характеризуемом языковом выражении. (При последовательно декларативном подходе такая абстракция, вообще говоря, абсолютна: семантическое представление языкового выражения определяется самим этим выражением и, в идеале, ничем более. Однако невозможно при анализе естественно-языкового выражения полностью отвлечься от обстоятельств его употребления).

Другая абстракция состоит в том, что при переходе от S_{init} к S_{fin} под влиянием языкового выражения e можно выделить состояние S_{lit} , отличающееся от S_{init} тем, что модель мира, перейдя в S_{lit} , пополняется моделью ситуации, непосредственно закодированной в e и определяющей тем самым буквальный смысл e . Прочие изменения, переводящие S_{init} в S_{lit} , считается возможным учитывать отдельно, т. е. достижение состояния S_{lit} рассматривается как завершение некоторого вычленимого этапа понимания. Еще один подход предполагает, что понимание языкового выражения заключается в построении ментального образа описываемого этим выражением фрагмента внешнего мира и последующей интеграции этого образа в модель мира. При этом механизмы, ответственные за построение и интеграцию, относительно автономны, и вклад каждого из них в процесс понимания определяется помимо прочих причин природой понимаемого выражения²¹⁵.

Легко видеть, что перечисленные абстракции являются достаточно сильными и в совокупности представляют собой весьма радикальную уступку репрезентационизму. Они, однако, позволяют сохранить процедурную форму семантических интерпретаций, обеспечивая одновременно возможность формулировать их на приемлемом для науки о

²¹⁴ **Донаху Дж.** Взаимодополняющие определения семантики языков программирования. — В кн.: Семантика языков программирования. М., 1980.

²¹⁵ **Баранов А. Н., Паршин П. Б.** Процедурный метаязык в лингвистической семантике. С. 21 – 22.

языке уровне идеализации.

Представление о "данном" в опыте здесь фактически отклонено наряду с любым возможным требованием эпистемологического приоритета "внелогической основы" конструктивной системы. В самом деле, подобные требования могут быть рассмотрены в рамках традиционной "догмы эмпиризма", полагающей, что все знание может быть выстроено на основе некоторых перцептуальных образований, метафизически предшествующих любой концептуализации; однако вопрос о самом существовании таких образований нельзя не признать дискуссионным. В терминологии Лакатоша такая позиция может быть названа "активистской": согласно ней, разум активен в восприятии на всех уровнях; не существует вообще такой вещи как неструктурированные, абсолютно непосредственные сенсорные "данные", свободные от классификации. С такой точки зрения, все восприятие определено выбором и классификацией, в свою очередь сформированными совокупностью унаследованных и приобретенных различными путями ограничений и предпочтений; даже феноменальные утверждения, подразумевающие описание наименее опосредованных ощущений, не свободны от подобных формообразующих влияний.

Таким образом, традиционные эпистемологические вопросы, связанные с "данностью" и поиском предельных оснований знания, не исчезают в конструктивном построении бесследно, но заменяются другими, более специальными вопросами отношений между царствами абстрактного и конкретного. Такие отношения предстают определяющими для нашей концептуальной схемы, поскольку они характеризуют ее феноменальность как область ее определения. Вопрос же о составных частях или категориях "действительности" имеет смысл в рассмотренных нами системах лишь в тех случаях, когда он релятивизируется к "способу рассмотрения" ("way of construing") референции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сущность творческого начала в языке Гумбольдт связывал с тем, что язык обладает способностью посредством ограниченного, а потому и исчислимого количества языковых средств создавать безграничное, неисчислимое множество предложений. Однако первая часть указанного утверждения достаточно спорна: из истории языков хорошо известно, что при необходимости они всегда создают новые средства выражения значений и что инвентарь лингвистических средств на всех уровнях языкового строения, в том числе и на синтаксическом, не остается без изменений. Исчисление же трансформаций, как и мысль о возможности такого исчисления, создают иллюзию тавтологичности языка — его бесконечной синонимии, а множество языковых единиц в таком случае как бы превращается лишь в варианты какого-то общего смысла. Поэтому, возможно, динамическое представление языка оказывается неполным (и, вероятно, существенно ущербным) без постановки вопроса о том, каким образом вновь употребляемые языковые выражения могут существовать в качестве таковых. В том аспекте рассмотрения, о котором идет речь, этот вопрос может быть конкретизован так:

каким образом языковые выражения могут выполнять свои задачи, участвовать в процессе функционирования языка?

— и, далее:

каким образом языковые выражения могут указывать на внешние языку референты?

Анализ вариантов модификации теорий референции показывает, что в целом им не удается выполнить поставленную задачу — обеспечить экстенционально корректное указание в интенциональных контекстах. Причина этого, возможно, заключается в том, что таким теориям не удается преодолеть принципиальную паллиативность в определении онтологического статуса отношения между знаком и обозначаемым им предметом.

Ограничение произвольности этого отношения с помощью "жестких десигнаторов", "идентифицирующих дескрипций" и т.д. лишь вводит дополнительный уровень фиксации, но ничего не говорит о том, какие именно свойства знака позволяют ему выполнять свою функцию обозначения — и тем самым поддерживать стабильность, о которой идет речь. В то же время такие свойства несомненно онтологически значимы, поскольку именно благодаря им знак является собой как таковым.

Для более широкого взгляда на возможный онтологический статус отношения между знаком и обозначаемым может оказаться целесообразным сделать еще один шаг в этом направлении и отказаться от представлений о таком отношении как об описываемом корреспондентной теорией истины, использующей абстракцию абсолютной (универсальной) истины.

Последняя может быть заменена релятивистской: "истинно-относительно-W", где W — концептуальная схема, т.е. индивидуальная картина мира, образуемая системой ментальных репрезентаций. Понятие о языковой конвенции в этом случае предстает степенью интересубъективной проверяемости индивидуальной концептуальной схемы. Но поскольку могут существовать достаточно радикально различающиеся между собой концептуальные схемы, постольку сами формы фактуальности могут позволять действительности быть структурируемой различными способами.

В качестве такого шага могут рассматриваться конструктивные модели языка, в которых последовательное развитие идей концептуального структурирования привело к полаганию отношения референции отношением и н т е н д и р о в а н и я знаком своего референта. С такой точки зрения, сам избранный для каждой знаковой системы способ идентификации индивидов порождает тот факт, что индивиды имеются в наличии, и определяет, каких и сколько индивидов мы обнаруживаем. Отсылка (референция) к "миру" имеет смысл только в том случае, если она релятивизируется к системе описания. Поскольку в этом отношении установление связи между знаком и его референтом является источником семантических правил, постольку оно может быть признано внеязыковым стабилизатором значения.

Способность знака служить источником факта наличия объекта обозначения является, по-видимому, единственным удовлетворительным внеязыковым стабилизатором, соответствующим внутриязыковым динамическим стабилизаторам значения.

Возможность одновременного наличия нескольких конфликтующих версий мира не отменяет и не уменьшает их истинностного значения (для разных концептуальных схем).

Аналогичным образом признание относительности истинности языкового выражения не отрицает необходимости выявления четких критериев его правильности, в качестве которых могут выступать критерии адекватности правилам конструктивной системы. Это согласуется с выводом о том, что признание конвенциональности значения не подразумевает с необходимостью признание его произвольности.

Если мы обратимся теперь к исходному вопросу исследования — **какие факторы обеспечивают неизменность употребления языковых знаков в одном и том же значении и каково соотношение этих факторов**, — то мы обнаруживаем следующую типологию стабилизаторов значения.

	Внутренние	Внешние
Статические	Композициональность и контекстуальная зависимость значений	Конвенция
Динамические	Порождение знака (деривация)	Установление связи между знаком и его референтом

Правый столбец отвечает на предварительный вопрос — **какие факторы могут**

ограничивать произвольность отношения языкового знака к предмету внешнего языка мира? Проведенное исследование должно было показать, что для прояснения этого вопроса может оказаться существенным строить анализ в соответствии с факторами, релевантными в специальных теориях языка (левый столбец), которые могут быть представлены в статическо-динамической контроверзе.

Задача исследования выполнена в той мере, в какой изложение достигает этой цели.

Но задача исследования может быть — теперь — сформулирована и иначе. Изначально я стремился придерживаться аналитического способа философствования, принципиально исключающего из аргументации метафоры. Тем уместнее, вероятно, закончить метафорой. Дело даже не в том, что на ответы нет вопросов: вопросы можно поставить, но этого оказывается недостаточно. Установление признаков, связей, любая категоризация сама по себе еще не приближает к языку.

Чтобы в самом деле прибавить нечто к пониманию основного текста, я могу, например, предположить, что и он может быть рассмотрен в качестве комментария, призванного прояснить понимание стихотворения Чеслава Милоша "Смысл".

— После смерти увижу подкладку мира.
Изнанку его за птицей, горой и закатом солнца.
Необходимо постичь и понять ее смысл.
Неверное на земле окажется верным здесь.
Непонятное станет понятным.

— А если изнанки мира нет и в помине?
Если дрозд на ветке — это вовсе не знак,
А только дрозд на ветке, если день и ночь,
Сменяя друг друга, в смысл не вникают,
И нет ничего на земле, кроме самой земли?

Если так оно и есть, то все же остается
Слово, разбуженное однажды бренными устами,
Которое мчится и мчится, гонец неустанный,
К межзвездным полям, в круговорот галактик,
И возражает, скликает, кричит²¹⁶.